

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2012

Март — Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2012

№ 1 (14)
Издается с 2006 года

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 27.04 2012
Формат 60x90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31.95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (495)235-89-35
Факс: (495)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 16

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО

- 3** *М. Жуков*
Разумение (повесть)
- 24** *А. Васильев*
Колесо

ЭКСПЕРИМЕНТ

- 33** *И. Письменный*
Другие координаты (цикл рассказов)
- 54** *В. Молотилев*
Последний из каменщиков

БУДУЩЕЕ

- 59** *А. Шатров*
Поселенная

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 64** *П. Ртищев*
Чирьевск

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 70** *И. Афанасьев, С. Жданов*
Предназначение
- 77** *Е. Гамаюнов*
Тот самый день
- 91** *В. Деминский*
Белый камень
- 102** *А. Васильев*
Укрепление духа

ЮМОРКОН

- 106** *С. Иванов*
Боги антропоидов
- 113** *С. Лысков*
Самый богатый человек на Марсе

Максим Жуков

Разумение

повесть

*«...поскольку, как нас уверяют,
изменить уже ничего нельзя,
наука смогла бы, познав суть
явления, оправдать и вполне
узаконить его».*

(Л. И. Невлер, «Культура хамства», 1969 г.)

*«Истина имеет одно-единственное
решение, и когда оно оглашено,
спор прекращается навсегда.
Если спор возникает снова и снова,
то эта наука — лживая и путаная,
а не возродившаяся достоверность».*
(Леонардо да Винчи, 1513 г.)

*«Хаметь (владимирский диалект) —
понимать, разуметь».*
(В. Даль. Толковый словарь живого
великорусского языка)

Я не сразу понял, что меня так беспокоит в этом городке. Даже не беспокоит, нет, тревоги я не испытывал, просто что-то было такого в каждой мелочи Печоринска, что заставляло меня каждую такую мелочь подмечать. Я был здесь чужим, но само по себе это не было для меня чем-то новым: я часто ездил по делам фирмы, бывал и в непроходимой глухомани, и в самых блистательных европейских городах, и много где я не чувствовал себя своим, и это было нормально. Но здесь было другое. Было ощущение, что не только я разглядываю город, но и город с удивлением разглядывает меня, ждет чего-то от вторгшегося в него чужака.

Как примерный трудоголик, я приехал на место назначения вечером в воскресенье, чтобы начать работу ранним утром понедельника. В начале октября темнеет рано, а фонарь у здания вокзала не горел, так что добраться до стоянки местных таксистов мне стоило испачканных ботинок и значительного напряжения зрения, чтобы за ботинками не последовали костюм и плащ. Такси на отведенном им пяточке стояли безо всякой системы, но таксующие точно знали, чья очередь первая. Мужичок, которому я достался, поднял на меня глаза, выплюнул изо рта зубочистку и спросил:

— В «Центральную»?

— В «Центральную», — подтвердил я.

Мужичок смерил меня взглядом, открыл передо мной заднюю дверцу старенькой «Волги» и довольно дружелюбно сказал:

— Полторы сотни. Поехали.

Я сел, положив свой компактный дорожный чемодан на колени. Тут же среди машин, столпившихся на стоянке, началось показавшееся мне хаотическим движение, в результате которого мы выбрались на дорогу, а коллеги моего водителя снова заполнили пятак в новом беспорядочном рисунке.

В машине пахло смесью домашней еды, табака и дешевой турецкой пахучки. Города из окна видно практически не было — фонари либо стояли очень редко, либо большинство из них не работали, как и их привокзальный собрат, редкими оазисами яркого света были лишь стоящие у дороги круглосуточные ларьки. Водитель уверенно вел машину по улицам, тихо и почти ласково матерясь, когда колесо попадало в очередную выбоину в асфальте. «Волга» поскрипывала подвеской, покрехтывала трансмиссией, но мотор ворчал уверенно и чисто.

— Надолго в Печоринск? — вдруг прервал молчание водитель.

— Послезавтра назад, — отозвался я.

— В столицу?

— В столицу.

Некоторое время длилась пауза, и я в зеркальце заднего вида видел, как таксист жуёт губами. Потом он, сообразив что-то, продолжил:

— Я послезавтра не работаю. Мой сын может Вас отвезти, — водитель извлек из кармана помятую и потертую со всех углов визитку. — Вот. Звоните в любое время. И если там по городу, туда-сюда...

— Спасибо, — я взял визитку. — Меня завтра заберут от гостиницы.

— Так вы на завод? — Слово «завод» прозвучало как «ЗАВОД».

— Да, — ответил я.

— Звоните, если что, — буркнул водитель и до конца поездки не проронил больше ни слова.

У парадного входа в гостиницу «Центральная» с освещением было все в порядке, что, впрочем, не помешало мне почти по шиколотку вступить в лужу. Осмотрев брючину, я с облегчением обнаружил, что она понесла минимальные повреждения. Холл гостиницы был большим и ярко освещенным. Я покрутил головой в поисках того, что везде называлось нерусским словом «ресепшн». Ничего такого тут не наблюдалось, только стоял, почти затерявшись на просторах холла, слева от меня одинокий двухтумбовый стол, прикрытый с тыла разросшимся фикусом. За столом сидела женщина неопределенного возраста и читала книжку. Перед ней стояла обращенная ко мне табличка «Прием гостей». Я двинулся к женщине, ступая по потрескавшейся неопределенного цвета плитке, и один из каменных квадратов на моем пути предательски покачнулся под ногой.

Когда я подошел, женщина подняла на меня глаза.

— Бронировали? — спросила она.

— Да, — ответил я, протягивая ей паспорт. — Здравствуйте.

Женщина взяла мой паспорт и каким-то факирским жестом извлекла откуда-то снизу и поставила на стол вполне приличного вида ноутбук. Раскрыв его, она стала тыкать по клавиатуре одним пальцем, от усердия высунув кончик языка. На задней части крышки ноутбука красовалась детская наклейка, изображающая веселого розового слоника. Одно из ушей слоника отклеилось и свернулось в трубочку.

— Вот, — наконец изрекла женщина. — Вы Благих Владимир Викторович?

— Это я, — пришлось подтвердить мне.

— Бронь до послезавтра. Оплачено по безналичному расчету. Второй этаж. Номер 217, повышенной комфортности. Добро пожаловать.

С облегчением закрыв ноутбук, женщина положила на стол ключ с массивным деревянным брелоком в виде груши. На боку груши чернилами или, Бог его ведает, химическим карандашом было запечатлено «21». Я вопросительно посмотрел на хозяйку холла.

— Двести семнадцатый, — подбодрила меня она. — Цифра «7» стерлась. Поднимайтесь. Там на этаже дежурной нет, сократили. Но вы разберетесь. Вас разбудить завтра?

— Нет, спасибо.

Я повернулся к лестничному маршу и уже на ходу, в спину услышал:

— Спокойной ночи. Буфет открывается в шесть тридцать.

В номере повышенной комфортности была широкая кровать, довольно большой корейский телевизор, холодильник, просторный шкаф для одежды, небольшой стол и на нем зачем-то городской телефон откуда-то из поздних восьмидесятых в массивном корпусе с кнопочным номеронаборником, одна из клавиш которого была подпалена, как были когда-то в столице сплошь подпалены кнопки в лифтах, когда там еще оставались пластиковые кнопки. Санузел был чисто отдраен, даже пахло каким-то антисептиком. Душ прекрасно работал, чем я неприминул воспользоваться. Вот только занавесочка, отделявшая ванную с душем от остального пространства местных удобств недосчитывала двух петелек. Ватерклозет также справился со своей задачей превосходно, хотя, чтобы остановить бесконтрольное поступление воды в унитаз мне пришлось трижды дернуть ручку спуска.

Я разделся и аккуратно повесил костюм на привезенную с собой вешалку. Снимая сорочку, я наткнулся на визитку таксиста в нагрудном кармане. «Довезу по городу и за город. Олег Петрович», далее следовал номер мобильного телефона. Положив визитку на стол, я поставил на мобильнике будильник, выключил свет и зарылся в гостеприимное тепло пахнущего недавней стиркой постельного белья.

Наутро я проснулся даже раньше будильника. По опыту зная, что работа в провинциальных городках начинается не свет не заря, я не стал донезивать отпущенные мне четверть часа и решительно встал. Тщательно побрившись и почистив зубы, я достал из чемодана джинсы и футболку, надел их, сунул ноги в привезенные с собой шлепанцы, прошел к окну и решительным движением распахнул шторы.

Печоринск, несмотря на утреннюю темень, уже шевелился, суетился и не спеша поторапливался. Гостиница «Центральная», видимо, находилась

на центральной же улице города. По ней довольно резво бежали рейсовые ПАЗики, грузовые ГАЗельки и малочисленные легковушки. Во всех направлениях шли женщины и мужчины, время от времени при встрече останавливаясь и о чем-то заговаривая. Морозящий дождь им вроде как и не мешал. Зонт я заметил только один, поломанный и провисший. Несший зонт мужчина из-за него не заметил надвигающийся столб, чуть было не получил бетонной преградой по лбу, но вовремя остановился, сложил свой зонт, сунул его под мышку, извлек из кармана куртки берет, нахлобучил его и двинулся дальше, уже как все.

У гостиницы на огромной пустой парковке прямо под одним из фонарей я увидел иномарку. Хоть это и был агрегат заграничный, но вполне вписывался в общий ландшафт. Да и цвета он был какого-то пегого и блеклого. И тут меня словно прострелило. «Вольво» бежевого цвета, госномер 232! Это за мной прислали с завода. Я опаздывать не просто не люблю, а терпеть не могу. Опрометью бросившись к прикроватной тумбочке, я схватил свою верную «Омегу» и, замирая от стыда, взглянул на циферблат. Тут же отпустило. Времени не было еще и половины седьмого, а машина меня должна была забрать в половину восьмого. Некоторое время я прикидывал, нет ли тут какой-то игры часовых поясов, но быстро сообразил, что нет. Я пожал плечами. У меня был способ проверить загадку печоринского времени.

Подхватив со столика ключи, я вышел из номера и направился вниз. Хозяйка холла была на месте и все так же читала книгу. Над входными дверями висели старого образца электронные часы. Не все лампочки-ячейки горели, но время читалось ясно: «06:28».

— Доброе утро, — обратился я к хозяйке. — Эти часы точные?

Подняв глаза от книги, женщина какое-то время растеряно переводила взгляд с меня на часы и обратно, потом как-то сочувственно произнесла:

— Опаздываете?

Тут пришла моя очередь растеряться. Грубить не по делу я по жизни не готов, а вежливого ответа в голове как-то не складывалось. Но женщина сама пришла мне на помощь:

— Точные часы, точные. С чего им быть неточными?

Я сглотнул и спросил:

— А не подскажете, где буфет?

— Так на втором этаже, там, у Вас.

— Там нет никаких указателей...

— Старые никуда не годились, — объяснила женщина. — Новые заказали, но они еще не готовы. Вы по коридору от лестницы до конца идите, и там буфет. Он сейчас откроется.

Я кивнул и пошел обратно.

— Доброе утро, — услышал я в спину на середине лестничного пролета.

Буфет встретил меня запахом яичницы, вареных сосисок и растворимого кофе. Несколько командировочных уже вовсю жевали за столиками, из чего я сделал вывод, что завтрак начался даже раньше положенного времени. Я взял в меру жирный поднос, побросал на него салфетки, пристроил на них вилку, нож и чайную ложку, взял со стойки стакан с засыпанными в

него гранулами кофе, стакан, видимо, с кефиром, тарелочку с двумя кусками белого хлеба и щедрым куском сливочного масла и, продвинувшись дальше, оказался лицом к лицу с пышнотелой тетенькой-поварихой в белом халате и колпаке.

— Вы из двести семнадцатого? — спросила она меня.

— Да, — ответил я. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, — кивнула тетенька. — Яичницу с сосисками?

— Наверно, — как-то невпопад сказал я.

— А то каша есть, — сказала повариха. — Но лучше яичницу. Каша сегодня так себе.

С этими словами она взяла пустую тарелку, ловко подхватила глазунью из двух яиц, плюхнула ее на тарелку, куда следом из алюминиевой кастрюли с надписью «оси» отправились три сосиски.

— Кипяток там, — тетенька указала головой на большой бойлер. — Приятного аппетита.

Дальше я все делал не торопясь. В семь двадцать пять, когда уже рассвело, я в начищенных ботинках и вообще при полном параде сел на заднее правое сиденье ожидавшего меня «Вольво». Водитель читал газету, но, как только я нарисовался в салоне машины, немедленной сложил ее, завел двигатель и, обернувшись ко мне, полутвердительно произнес:

— Владимир Викторович?

— Совершенно верно, — отозвался я.

— А я вас уже давненько поджидаю. Меня тоже... это... Володей зовут.

Я снова оказался в ситуации, когда говорить то, что я подумал, было против моих правил. Поведение водителя было явно нетактичным. Однако все разъяснилось с той же простотой, что и ранее в этом городе:

— Мне замдиректора-то наш, Иван Евстигнеевич говорит: смотри только, Володька, не опоздай, машину бери домой, но только не опоздай. Вот. Дык а что, я взял. А утром жену на автостанцию подвез — она в соседнем городе работает, ну и это... сюда... Вот. А что, зато все успел, даже газету почитать. Наше дело водительское — знай жди, читай все подряд. Вот.

Словесное излияние водителя Володи прекратилось так же внезапно, как и началось. Он кашлянул и сосредоточился на вождении.

Я же, равнодушно поглядывая в окно, погрузился в мысли о предстоящей встрече. Строго говоря, эта поездка в Печоринск была из разряда необходимо холостых. Фирма наша, где я работал уже почти десять лет, в промышленных инвестициях, патентном деле и инжиниринге была впереди всей страны. Мы построили и поддержали столько мелких и средних производств и, как любил говорить шеф, «кластеров инжиниринговых услуг», что я даже забыл число. Действовала фирма тихо, на крупные предприятия не замахивалась, дорогу большим зубастым акулам не перебегала, поэтому и преуспела. Я дослужился до начальника экспертного отдела, и ехать в Печоринск надлежало не мне, ведь следовало просто отбыть номер — заявка, присланная нам с печоринского электромеханического завода, ничего кроме скучного просмотра доморощенных велосипедов, не предвещала. Но не откликнуться на грамотно заполненную электронную заявку мы не могли — репутация не позволяла, и я, ничтоже

сумняшися, сказал Толику Резникову, парню молодому и перспективному, чтобы он собирался в командировку.

Но в пятницу с утра пораньше шеф вызвал меня к себе и попросил поехать лично. Спорить с начальством дело бессмысленное, и я просто молча кивнул. Шеф же вдруг решил поделиться своими мыслями: «Ты понимаешь, Володя, — и он положил мне руку на плечо, — бред какой-то эта заявка. Что-то мне кажется, что тут все непросто. Ну.. как-то не хочется подставиться. Понимаешь?» Я не понимал, но кивнул. «Директор тамошний, — продолжил мой начальник, — приватизировал заводик под шумок в начале девяностых, замом взял некоего Чудаковского, свалил на него всю работу, а сам живет где-то в Европе, уж не знаю, на какие шиши — не мое дело. Заводик не загнулся, но данных по нему мало. Вот и разузнай, что они там мутят и почему не подошли. Понял меня?» Я еще раз кивнул, распрощался с шефом, зашел к секретарям и велел срочно переоформлять командировку на меня. Потом я распечатал заявку из Печоринска и стал ее изучать тщательно и неторопливо. Что-что, а нюх у шефа был звериный. Через полчаса я сказал всем своим, что меня сегодня больше не будет, попросил отправить мне билеты и прочие документы на дом курьером и уехал домой, как бы готовиться к поездке. Но в основном я в тот вечер читал и перечитывал заявку. Читал и перечитывал, но ничего так и не понял. Что такое «грузовые тележки и подъемники, работающие на новом электротехническом принципе», было решительно непонятно. В конце концов, я для себя сделал вывод, что это все-таки доморощенный велосипед, и успокоился.

Я очнулся от своих мыслей, потому что картинка за бортом в один миг изменилась. Минуту назад импортная машина катила по в меру изношенному асфальту между рядами серых пятиэтажек слева и частными домиками, огороженными кое-где покосившимися заборами, справа, и вот все и справа, и слева разом кончилось. Асфальт перешел в дорогу из положенных попарно бетонных плит, а вокруг был только бурьян. Я подобрался, посмотрел вперед и чуть не зажмурился.

Мы подъезжали к заводу, но самого завода как раз видно не было. Впереди был минимум четырехметровый забор из блестящего хромированного гофрированного железа. Скоро мы подъехали к воротам из все того же блестящего металла. Я глянул в боковое окно и обратил внимание на бурьян, что рос у самого забора. Здесь он был особенно буйным, а цвет имел яркий, какого-то особенно ядовитого оттенка зеленого, и никаких признаков осеннего увядания было не заметно. Это в октябре-то! Долго мне эту околоиндустриальную флору рассматривать не пришлось. Ворота дернулись и резво поехали вбок. Мы проехали внутрь и почти сразу остановились.

— Все, — констатировал водитель Володя. — Приехали. Сейчас Иван Евстигнеевич вас встретит.

Я вышел из машины и огляделся. Асфальт здесь был очень ровным, чистым, почти без изъянов и при этом сухой. Я посмотрел вверх, но ничего, кроме серого неба, не увидел. Странно, но я готов был поклясться, что за воротами все еще шел дождь. Я даже обернулся в сторону ворот — не проверить ли, но ворота уже закрылись. У самых ворот ковырялись трое рабо-

чих в ярко-синих комбинезонах. Один из них с остервенением выковыривал штыковой лопатой из трещинок в асфальте пробившуюся траву. Другой заливал очищенные трещинки чем-то вроде черной смолы, а третий, споро работая мастерком, заравнивал покрытие.

Я обернулся и окинул взглядом завод. Металлический забор огораживал большую промплощадку, заставленную напоминающими ангары строениями, обшитыми тем же блестящим металлом. Из-за ряда ангаров слева от меня ввысь рвались две одинаковые трубы из желтого кирпича. Кирпич этот напоминал скорее материал, из которого были сделаны дорожки в сказке о стране Оз, а не банальный отечественный кирпич для заводских труб. Но завод-то Печоринский не вчера появился, ему было лет сорок, не меньше. Ведь не перекладывали же они эти трубы! Да и зачем? И тут я вспомнил. Я разгружал такой кирпич, когда служил в армии. Вот точно такого наглого желтого цвета. Из него тогда построили новый КПП, и начальник штаба части долго разорялся, что денег, мол, девать людям некуда, из спецкирпича строить «конуру для дежурного». Пару месяцев КПП ярким пятном раздражал взгляд, но затем кирпич поизносился, запылчился-закоптился, потускнел и слился с серым фоном армейских будней. Когда я готовился на дембель, двум проштрафившимся первогодкам выдали серую краску, и они покрасили все КПП снаружи, попутно слегка заляпав окна. Но тут, на заводе кирпич был как будто свежий.

— Моют ежедневно с мылом, — хмыкнул я.

— Трубы-то? — услышав меня, отозвался Володя, который тоже вышел из машины и стоял, опершись на распахнутую дверцу. — Ну да, только не каждый день...

Я не успел как следует удивиться, потому что из-за одного из ангаров к нам вырулил какого-то ненормального белого цвета небольшой микроавтобус, который, визгнув тормозами, заложил вираж и остановился, повернувшись ко мне правым боком. Микроавтобус оказался праворульным. Из-за руля бодро выскочил высокий поджарый мужчина на вид лет пятидесяти-пятидесяти пяти с седой вихрастой шевелюрой. Одет он был в серый отутюженный костюм, который был ему слегка коротковат. Поверх костюма был надет белый халат, который просто лучился потраченным на него стиральным порошком и отбеливателем. «Вот ты какой, Чудаковский, — подумал я, — чудаковатый». Чудаковатый Чудаковский в три шага преодолел разделявшую нас дистанцию и протянул мне свою здоровенную ладонь.

— Приехали все-таки! — улыбаясь, пробасил он. — Уважили. Спасибо.

— Здравствуйте, Иван Евстигнеевич, — я пожал ему руку. Ладонь была жесткой и сухой.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек, — ответил мне заместитель директора, продолжая тряссти мою руку. — Ну-с, сразу к делу?

— Не возражаю, — я решил поддержать его бодрый тон. — Вы получили наши документы? Их необходимо оформить, чтобы мы могли начать нашу стандартную процедуру.

— Само собой, — Иван Евстигнеевич наконец отпустил мою руку. — Но я бы начал сразу с демонстрации.

— Что ж...

Построить сколь-нибудь стройную фразу в ответ я не успел. Чудаковский уже стоял у микроавтобуса и распахнул обращенную к нам сдвижную дверцу на его борту.

— Володя, за руль! — скомандовал он.

— Бу сде, — отозвался водитель, захлопнул дверь «Вольво» и запрыгнул в передний отсек белого микроавтобуса.

Мы же с заместителем директора залезли в его пассажирский отсек и устроились на весьма аскетичных сидениях, чем-то напоминавших мне кресла на трибунах стадиона: сидеть можно, отдохнуть не удастся. Водитель Володя решительно рванул с места, и мы поколесили по территории завода. Я осмотрелся. Странный был какой-то микроавтобус. Как я ни старался, я не мог определить ни его марку, ни страну его производства. Я даже извернулся и поглядел на рулевое колесо, вверенное рукам Володи. Никакого фирменного логотипа на нем не было. А еще не было слышно двигателя, ехал микроавтобус как будто просто так.

— А... — раскрыл я рот, не зная, как закончить вопрос.

— Сейчас, голубчик, сейчас, — продолжая лучезарно улыбаться, сказал Иван Евстигнеевич. — О! Да мы уже на месте! Пойдемте!

Мы вышли из микроавтобуса рядом с блестящим оцинковкой ангаром, на огромных воротах которого ярко синей краской очень ровно, видимо, по трафарету была нанесена надпись «12». Едва поспевая за широкими шагами моего спутника, я прошел следом за ним к открытой маленькой дверке, врезанной в ворота.

Внутри было просторно и светло. Это было похоже на склад. Кругом были стеллажи с какими-то паллетами, коробками, агрегатами и множеством пустых мест. Никакой системы в складываемом товаре я не заметил.

— А... — снова попытался я задать вопрос.

— Уже! — не дал мне опростоволоситься Чудаковский. — Женя! Женя, дорогой! Давай!

Женя, молодой парень в таком же, как и начальство, белом халате, появился с другой стороны ангара, толкая перед собой то, что я сначала принял за гидротележку с поддоном, заставленным коробками. Это действительно была грузовая тележка, но что-то в ней решительно было не так, уж очень плавно она шла. В метре от нас белохалатный грузчик Женя остановил тележку и взял со стоящего рядом верстака то, что я видел не один раз, поскольку мой брат увлекался авиамоделированием. Это был стандартный пульт для дистанционного управления с двумя рычажками и множеством кнопок.

— Что там? — задал я очередной глупый вопрос.

— Всякая всячина, — ответил Иван Евстигнеевич. — Всякая всячина... Общая масса — полторы тонны.

— И что? — я уже начал сам от себя уставать.

— Ну как... — Чудаковский даже на секунду растерялся. — Стандартный и даже среднестатистический груз. Одна тысяча пятьсот килограммов. Груз в коробках, коробки установлены в соответствии с...

— Иван Евстигнеевич, — прервал своего начальника грузчик Женя. — Начинать?

— Давай, Женя, — подбодрил подчиненного заместитель директора.

И тот дал...

Тележка плавно поднялась в воздух и, управляемая с пульта оператором Женей, поплыла вверх и вправо от меня, в сторону стеллажей. У тележки не было ни колес, ни чего бы то ни было, что могло их заменить. Только четыре серебристых кругляша в тех местах, где у нормальной человеческой тележки полагалось быть колесам. Тележка уверенно подлетела к самой верхней полке стеллажа и очень деликатно пристроила поддон на пустое место. Женя с облегчением выдохнул и нажал на одну из кнопок. Потом еще. И еще. И еще. Ничего не происходило.

Если бы не этот непонятный мне конфуз, я бы так и стоял с разинутым ртом. С трудом приведя нижнюю челюсть в надлежащее приличному человеку положение, я спросил уже совершенно неуместное:

— Что-то не так?

— Иван Евстигнеевич! — плаксиво пожаловался Женя. — Ручка разгрузки не срабатывает. Я прям не знаю...

— Снимай назад, — решительно скомандовал Чудаковский.

Женя послушно выполнил приказ, и скоро тележка была перед нами. Только теперь я понимал, что она не стояла на полу, а парила над бетонным полом ангара. Иван Евстигнеевич схватился за ручку тележки, согнулся почти пополам и стал что-то разглядывать в ее устройстве.

— Черт! — наконец крикнул он, разгибаясь. — Где клапан разгрузки, а?! Где Игнатьев? Игнатьева сюда! Быстро!

Грузчика-оператора как ветром сдуло. Иван Евстигнеевич повернулся ко мне.

— Вы извините, техническая накладка, — сказал он. — Генеральский эффект, так сказать.

Я его не слушал.

— Что это было? — мой голос мне самому показался чужим.

— А! — бухнул своим басом Чудаковский. — Эти устройства... Секунду!

Замдиректора метнулся к стеллажам, порылся там и вернулся с таким же, как на брюхе грузовой тележки, серебристым диском и протянул его мне.

— Вот, — только и сказал он.

Я взял диск в руки и первый раз в жизни предположил, что попросту выдумал свое утреннее пробуждение. Диск был массивным, двигать его можно было только с некоторым усилием, но, будучи положенным на ладонь, совершенно не давил вниз. Я презрел остатки здравого смысла и выпустил диск из рук. Тот неуверенно нырнул вниз, потом прекратил падение и завис в метре от пола.

— Это что, — севшим голосом спросил я. — Анти... антигравитация?

— Ну, — Чудаковский взъерошил рукой свои волосы, — мы называем это физически индуцированной левитацией. Принцип в целом прост. На основе...

— Что? — не выдержал я.

— Простите?

— Что вы только что сказали про принцип?

— Ну, он основан на...

Развить мысль он не успел. Женя гнал перед собой низкого лысоватого мужика в спецовке чуть ли ни пинками. Видимо, это был тот самый Игнатъев, который тут же был схвачен за грудки начальством.

— Ты что же это, негодяй?! — завопил Иван Евстигнеевич, уперев свой благородный римский нос в картошку подчиненного. — Ты что же это, а? Где клапан на разгрузку?

— Я... я... — блеял Игнатъев.

— А! — орал замдиректора. Казалось, он сейчас оторвет своего подчиненного от пола на манер летающей грузовой тележки, но только уже без левитации. — Ты, сволочь, на себя посмотри! Ты что не брит?! Почему спецовка мятая, почему сорочка вчерашняя, а?! Гад! Отщепенец! А ну пшел вон!

Игнатъев отлетел метра на полтора и счел за благо быстрее скрыться с глаз долой.

— Иван Евстигнеевич, — подал голос Женя. — Я сейчас все сделаю. Полчасика дайте.

— Двадцать минут, — сурово отрезал Чудаковский и повернулся ко мне. — Вы уж извините, Владимир Викторович, накладочка. Сейчас все исправим. Может быть, пока чайку?

— Н-нет, — помотал я головой. — Мне... мне надо это... позвонить. И... э-э... Простите, у Вас сигаретки не найдется?

— Простите, никогда не курил. Но мы сейчас найдем.

Я кивнул, неуверенно повернулся на каблуках и, переставляя ватные ноги, двинулся к выходу. В голове гудело, я с трудом сдержал рвотный порыв. Меня догнал вездесущий Женя и вручил пачку легкой «Явы» и зажигалку. Я молча принял их из его рук и вышел на улицу. Прислонившись спиной к воротам ангара, я закурил, отчего голова немедленно начала кружиться, ведь я пять лет как бросил. Снова появился универсальный солдат Женя, поставил рядом со мной деревянный табурет и скрылся в недрах ангара. Я машинально сел.

Я курил, а в голове продолжала звучать кабафония. Я даже не заметил, как рядом со мной возник Иван Евстигнеевич и протянул мне медную, надраенную до блеска пепельницу, в которой я сразу раздавил недокуренную сигарету.

— Вы извините еще раз, — сказал он. — Это так на всех действует.

— Действует, значит!.. — хмыкнул я.

— Ну да, — Чудаковский заметно погруснел. — Так и действует. Вот так один раз утром не побреешься, спецовочку Маше на обработку не сдашь, ботинки до блеска не надраешь — и все, пиши пропало! Начнут клапаны теряться, резисторы гореть...

— Что?! — меня аж подбросило с тщательно залаченного табурета. — Да вы... вы... Вы хоть понимаете... Черт!!! Черт бы вас побрал совсем! Вы здесь все с ума что ли сошли?

Мой спутник смотрел на меня непонимающим взглядом. А я, глядя снизу вверх в его чистые серые глаза, понял, что мне нужно решительно взять себя в руки.

— Так, — выдохнул я. — Продолжим завтра утром. Отвезите меня в гостиницу. Прямо сейчас.

— Конечно, — Иван Евстигнеевич достал из кармана мобильник и набрал номер. — Володенька! Давай к цеху двенадцать. Да. Что? Нет, уж давай не на «Вольве» этой, понимаешь, а на электромобиле, не развалишься. Мухой!

Вдобавок ко всему, микроавтобус, который вез нас по заводу, оказался еще и электромобилем, не исключено, что местного производства. Час от часу не легче! Иван Евстигнеевич, провожая меня, заверил, что завтра все документы будут изучены и подготовлены, но я слушал максимум в полуха. Когда я пересел в «Вольво», и мы на нем проехали ворота, ядовитый бурьян и бетонку, когда мы вернулись в Печоринск, я почувствовал необычайное облегчение. И более чужим мне этот город не казался.

В моем номере в «Центральной» уже успели убратся. Моя столичная навороченная вешалка аккуратно лежала на кровати поверх застеленного покрывала, подпаленного сигаретой кем-то из предыдущих обитателей номера повышенной комфортности. Костюм отправился в шкаф, а я, переодетый в джинсы, кроссовки и теплую толстовку, рассовал по карманам мобильник, документы и кошелек и спустился в холл, где скучала за книжкой все та же тетенька, что встречала меня вчера вечером и провожала сегодня утром.

— Вы совсем не спите? — спросил ее я, сам удивившись своей агрессии.

— У нас было сокращение...

— Где у вас тут бар?

— Что?

— Бар. Кабак. Место, где пьют, — я сам себе был противен в качестве быкующего столичного гостя, но злость так и кипела внутри меня, женщина из гостиницы просто попала под руку. — Ферштейн?

— Здесь в двух кварталах есть ресторан, — без паузы и очень ровным голосом сказала хозяйка холла. — Работает до двадцати трех. Говорят, там пиво разливное есть.

Я махнул рукой и вернулся к себе в номер. Визитку таксиста, который привез меня в гостиницу, горничная в процессе уборки переложила на прикроватную тумбочку. Недолго думая, я набрал номер. После двух гудков мне ответил очень молодой голос:

— Слушаю.

— Мне нужен Олег Петрович, — решительным голосом человека, обладающего деньгами, произнес я. — Где он?

— Батя спит, — последовало в ответ. — Я могу вам помочь?

— Вы его сын?

— Да.

— Город знаете?

То ли молодой водитель затруднился с формулировкой, то ли пропустил мои слова мимо ушей, но ответа на свой вопрос я не услышал.

— Так как? — прервал я паузу.

— А что вам нужно? — спросил мой собеседник.

— Мне нужен водитель на сутки, — ответил я.

— Я буду у «Центральной» через десять минут, — сказал сын Олега Петровича и повесил трубку.

При свете дня «Волга», что отвезла меня накануне в гостиницу, оказалась еще старше. Однако машина была чистой и выглядела ухоженной, лишь слегка портило картину помятое заднее крыло. Молодое поколение таксисткой династии выглядело даже с намеком на моду, во всяком случае, мокасины и кожаная курточка были выбраны со вкусом. Сын Олега Петровича стоял рядом с открытой задней дверцей и курил. Увидев меня, он выбросил недокуренную сигарету и сделал мне шаг навстречу.

— Здравствуйте. Это вы мне звонили?

— Да, — ответил я. — Меня зовут Владимир.

— Николай, — представился водитель. — Садитесь.

Я сел на заднее сидение.

— До завтрашнего утра я возьму с Вас две тысячи, — сказал Николай, заводя двигатель. — Нормально?

Я вынул кошелек, отсчитал две тысячных банкноты и положил их на переднее сидение.

— Дайте мне закурить, — попросил я.

Водитель обернулся ко мне и протянул пачку сигарет и зажигалку.

— Берите, — сказал он. — Там три штучки осталось, потом купите себе что-нибудь попрличнее.

Из трех сигарет в пачке одна оказалась сломанной. И тут меня просто пробило. Я стал неудержимо хохотать. Моя истерика длилась минут пять, и все это время мой молодой спутник удивленно смотрел на меня в зеркало заднего вида. Когда я начал успокаиваться и, наконец, закурил, он все же решился спросить:

— Все в порядке?

— Да, да, Николай, все в порядке, — ответил я, вытирая слезы. — Вы извините, я просто... Ну просто у меня очень смешной день вышел. А вообще вы все замечательные люди, просто все у вас как-то знаете ли...

— Как? — спросил Николай.

— Ну... — я стал подыскивать слова, но бросил свои попытки. — Вот вы, Николай, Чудаковского знаете?

— С электромеханического?

— Именно.

— Знаю, его все знают, — ответил Николай и вдруг продолжил: — Сволочь он.

— Почему? — спросил я, впрочем, не сильно удивляясь.

— Скотина чистоплюйская, — пояснил молодой водитель. — Почти две трети завода уволил, включая батю. А батя даже не пьет. Те, что остались, ишачат на этого барыгу по двенадцать часов, с остальными людьми почти не общаются, сторонятся нас что ли... Вурдалак ваш Чудаковский. То есть, не ваш, конечно...

Мне показалось, что Николай подбирает слова, чтобы продолжить, но, видимо, мысль он свою закончил.

— Я отвезу вас в «Академию», — сказал он мне. — Это самый приличный ресторан в городе. Потом, если захотите, можно в клуб «Класс» поехать. Еще к мишке можно съездить.

— Куда?

— К мишке. Это скульптура такая на берегу реки. Туда все ездят. Красиво.

— Ладно, начнем с «Академии», — сказал я.

Самый приличный ресторан города располагался на окраине, причем на окраине довольно живописной. Здесь была большая парковка, которая в это неурочное для походов в ресторан время практически пустовала, кроме нас на ней стоял только розовый перламутровый «Лексус». Машина эта меня очень позабавила. Все в ней было такое дорогое, навороченное, роскошное, вот только одно из задних колес было не на шикарном литом диске, а на слегка тронутым ржавчиной штампованном. Владелец, видно, пробил колесо, поставил запаску, да так ее и оставил. Рядом была остановка автобуса, судя по всему, конечная, которую, само собой, расписали всеми красками местные любители заборного творчества. Удивительно, но ни одного матерного слова не было, все сплошь «Спартак чемпион», да «Вася + Маша = любовь». Особенно умиляла надпись ярко-синей краской «Петя, милый, прости меня дуру. Твоя Наташка». Здание ресторана было деревянным, ну или это был очень грамотный закол под сруб. Окна со ставенками, все из себя резное крыльцо и даже кирпичная труба, из которой валил натуральный белесый дымок. Ресторан, не понятно с какого перепугу названный своим научным именем, был последним зданием на окраине, между ним и березовой рощицей стоял только старый прожавевший вагончик-бытовка, настолько отвратительный и страшный, что его даже не постигла судьба автобусной остановки — по всей видимости, местная молодежь побрезговала доверять сокровенное столь презренному носителю.

Водитель Николай закрыл машину и вошел в ресторан вместе со мной. Меня это несколько удивило, но виду я не подал. Внутри был довольно приятный полумрак, музыка, не в пример большинству провинциальных ресторанов, звучала тихо и не была шансоном. Бармен за стойкой был одет в белую рубашку с галстуком-бабочкой. Все было чинно и немного скучновато.

Мы подошли к стойке вместе, и Николай за руку поздоровался с барменом, которого, судя по бэйджику, звали Константин, заказал «как обычно» и повернулся ко мне:

— Ну все, я неподалеку буду. Телефон у вас есть. Отдыхайте.

«Как обычно» оказалось большим бумажным стаканом с кофе, как будто только что вынутым из какого-то голливудского фильма про полицейских или адвокатов. Николай ушел, а я купил себе пачку сигарет, заказал водку и закуску и уселся за столик в самом темном углу. В другом конце зала у окна сидели две нафуфыренные молодые женщины, которые потягивали через трубочки апельсиновый сок. Видимо, это они приехали сюда на розовом иностранном джипе с одним некрасивым колесом.

Пришла официантка, поставила передо мной запотевший графинчик с водкой, тарелочку со всякой соленой снедью и пепельницу. Потом она извлекла из кармашка своего белого фартучка блокнот и ручку и выжидательно на меня уставилась.

— А... — я чуть было не прыснул от осознания того, как часто я сегодня вот так начинал и не заканчивал фразы.

— Мы принимаем заказы без меню, — сказала девушка в фартуке. — Кухня у нас очень хорошая, повара всегда что-нибудь новенькое придумывают.

— И что? — не понял я.

— Вы супчик кушать будете?

— Буду.

— Соляночку, борщ, щи свежие или кислые? Может быть, крем-суп какой-нибудь?

— А какой крем-суп? — заинтересовался я.

— Есть с креветками, есть с шампиньонами.

— Давайте с шампиньонами.

— Побольше, поменьше?

— Не знаю, — сдался я. — Давайте нечто среднее.

— Хорошо, — официантка сделала пометку в блокнотике. — С горячим потом определитесь?

Я кивнул, а девушка спохватилась:

— Ой, я сейчас Вам рюмку принесу.

Рюмка оказалась тоже холодной, последний раз такое я видел в каком-то финском ресторане. Я налил в рюмку водки, выпил, тут же налил еще и отправил вторую порцию вслед за первой. Закусив соленым огурчиком, я удовлетворенно хмыкнул:

— Зачет!

Пока я курил, произошло три события. Во-первых, печоринским фифам принесли не много, не мало, а фуагра и карпачо с рукколой. Во-вторых, в ресторан вошел, вращая на пальце ключи, бритый наголо мужик, одетый в довольно дорогой костюм, и, в-третьих, в моем кармане тренькнул мобильник, извещая о приходе SMS.

Я вынул телефон и прочел сообщение от шефа: «Какие успехи? Перезвони, как разберешься».

— Хм, — сказал я вслух. — А ведь только одиннадцать утра на часах...

— Это точно! — раздалось рядом.

Это говорил лысый мужик в костюме. Смотрел он на меня. Его ненадолго отвлекли женщины в углу, мурлыкнув «Борисочка, приветик!» и помавав ему ручками.

— Привет, девчонки, — отозвался Борисочка. — Лариска, как батяня? Лучше? Ну передавай поклон.

Теперь от меня его уже ничего не отвлекало. Он совершенно бесцеремонно подошел ко мне и уселся за мой столик напротив меня.

— Вы гость нашего города? — спросил он. Я кивнул. — А я Борис, хозяин этого заведения. Вас культурно обслужили?

Он протянул мне руку через стол, и я ее пожал. В ответ на вопрос ресторатора я только еще раз кивнул и тут же спросил его:

— А почему «Академия»?

— Ха! — оскабился Борис. — А это и не «Академия».

— Как это? — не понял я.

— Вы вывеску видели?

Я напряг память, и понял, что табличку у входной двери я проигнорировал, а большой вывески у ресторана попросту не было. Я помотал головой.

— Так вот название ресторана «Сказка», — пояснил мой собеседник. — «Академией» его посетители прозвали. А все потому, что однажды отец вон той девчонки, — он указал большим пальцем себе за спину, — однажды сказал, что в ресторанном деле я академик. Так и пошло... А у Вас день не задался прямо с утра, как я погляжу!

— Это так видно?

— Ну да, — Борис показал глазами на штоф водки. — Кстати! А что Вам... Костя, это что за водка у клиента?

— «Столичная», — ответил бармен.

Прибежала встревоженная официантка.

— Борис Иванович, — зашебетала она. — Водка хорошая, Вы ее в столице заказывали сами, экспортная партия.

Сказав это, девушка выдохнула, шустро заменила мне пепельницу и следом за ней заменила рюмку на свежее охлажденную.

— Ну а бэйджик где? — поинтересовался хозяин ресторана. — Ты не бледней, Анюта, ты вспомни, ты гостью представилась? Вижу, что нет. Чему, мама дорогая, я вас учу днями напролет?! Короче, забирай эту жидкость и неси гостью нашу местную, с моего завода. Стоп! А это что за байда?

Толстый палец Бориса Ивановича указывал на пепельницу, у которой был отколот краешек. Анюта, ни мертва, ни жива, схватила пепельницу и штоф с водкой и умчалась в недра ресторана.

— Чудаковского на них нет! — посетовал ресторатор.

— А что вы о нем думаете? — сразу ухватился я за тему.

— О Чудаковском-то? — Борис достал из кармана сигарету, такую коричневую, дорогую и прикурил от золоченой зажигалки. — Так ведь Бог шельму метит, дорогой мой. Чудак он с большой буквы. Но вещи они там качественные стругают. Я у него много чего для лесопилки и для водочного заводика прикупил. Вы, я так понял, к нему приехали? Чем на этот раз он решил удивить?

— А чем он раньше удивлял эдаким? — осторожно ответил я вопросом на вопрос.

— Да много чем, — махнул рукой мой собеседник.

Прибежала официантка с новой пепельницей, водкой, парой холодных рюмок и моим супом, и тема замялась. Борис некоторое время с сомнением смотрел на вторую рюмку, потом, решив что-то, обратился ко мне:

— Вас Колян сюда привез? Я «Волгу» его по дороге сюда видел...

— Ну да, Николай. Я его на день нанял.

— Вот и славно, — кивнул Борис и налил водку в обе рюмки. — Колян с отцом ребята положительные. Я их иногда подряжаю на всякие дела, в том числе когда выпью. Он нас и повозит. Ну, добро пожаловать в Печоринск!

Мы чокнулись и выпили.

— Забыл представиться, — вспомнил я. — Меня зовут Владимир.

— Нет повода не выпить! — тут же отреагировал Борис и снова разлил водку по рюмкам. — Теперь за знакомство!

Мы снова выпили, и я, озадаченный такими темпами, счел за благо приступить к поглощению супа.

— Вкусно? — спросил Борис. Я кивнул, не отрываясь от еды. — Это мы можем! Вы сегодня обязательно должны попробовать кролика. Свежачок! Анюта!

Прибежавшей официантке был немедленно заказан кролик на две персоны и ягодный морс для запивания водки.

— А она уже с бэйджиком, — сказал я и заметил, что начел пьянеть.

— Ну да, — как-то философски протянул хозяин ресторана. — Люлей выпишешь — сразу все немного позитивнее становится.

— Да уж! — согласился я. — Кстати, Чудаковский своим тех еще люлей выписывает, покруче вас раз в десять.

— Были свидетелем? — подняв бровь и улыбнувшись, спросил Борис.

— Довелось, — ответил я. — Прямо сегодня утром.

— За люли! — провозгласил тост ресторатор, и мы, смеясь, выпили.

Станным образом я все большей симпатией проникался к этому человеку. Он уже не казался мне бандюганом со спрятанной под «Бриони» голдой, рядом с ним мне становилось как-то уютно и спокойно. Может быть, и водка подействовала, но факт был в том, что страх, скрутивший меня утром на заводе, отступал.

— Только вот не советую я вам с Чудаковским дело иметь, — сказал вдруг мой собеседник. — Обломаетесь и слезами умоетесь.

— Почему? — спросил я без всякой задней мысли. — Вы с ним же работали! Покупали у него всякую всячину..

— Ну да, — кивнул Борис. — Было дело. Если готовую вещь покупать, утром деньги, вечером стулья, ну или наоборот — не важно... То тогда — да, бабки отдал, вещь забрал, и все в шоколаде. Вы же из инжиниринговой фирмы, так ведь?

— От Вас ничего не скроешь! — развел я руками.

Сразу же последовал тост за открытость, потом Борис продолжил:

— Как вы думаете, почему я в его заводик-то денег не вложил и товаром его не торгую, а? Да потому что это бесполезно. Он же больной человек! Вот заказал я ему ограду в загородный дом. Изготовление — супер, никакие итальянцы с немцами такую ковку не сделают. А металл, металл!.. Предусмотрена была даже электролитическая защита, прикинь! Ой! А давайте выпьем на «ты»?

— Давайте!

Мы выпили. Принесли кролика, как и обещано — пальчики оближешь. Превосходная еда окончательно меня умиротворила, но с темы я не соскочил:

— Ну так что с оградой? Хорошая же была?

— Хорошая, — подтвердил ресторатор. — Очень хорошая. Но этот пень отказался ее просто так поставлять, требовал, чтобы его гаврики эту ограду мне установили.

— Ну?

— Вот тебе и ну, столица! Они ставили ее неделю. Неделю! Там делов-то на день, ну два, а тут... Все-то с отвесом и уровнем выставляли, столбы в

бетонные стаканы так заделали, что танком не снесешь, да еще почву всю просолили на полметра внутрь участка и наружу, трава тут же вся на этой гестаповской полосе померла, а потом они еще заземления поставили. Мало того, что за траву меня жена пополам перепилила, я ведь неделю жил без забора, понял? И работяги его с утра до вечера у меня копошились и все свою музыку слушали. Двери в машине своей откроют и слушают. А знаешь, какую музыку? Нет? Марши, прикинь! Я ему говорю, Евстигнейч, ну ее к Богу в рай, мне она, может быть, надоест через три года, я ее на хрен сломаю и тебе новую закажу, на черта мне эта вечная ограда?! А он обиделся, порывался деньги вернуть... В общем, я плюнул. А теперь я с ним совсем влип.

— Это как? — растерялся я.

— Его инженер каждый месяц приходит и проверяет ее состояние, — пояснил Борис. — И внутри тоже просится. Не пустишь — будет стоять у ворот целый день.

— Ну а с готовой продукцией та же фигня? — поинтересовался я.

— Та же, — кивнул мой собеседник. — Только достает это меньше. Электромобили его к нему на завод мои водилы сами гоняют раз в год, а остальное — ну как техобслуживание оборудования, не так уж и за... Ой! Ну ты понял... А из людей своих он вообще каких-то зомби сделал. Вот ты мне скажи, дорогой мой Владимир, как тебе мой ресторан?

— Знаешь, хорошо, — честно сказал я. — Почти столица. А еда так и лучше. Сделал бы какой-нибудь модный ремонт, вообще Европа бы была.

— Вот, — Борис поднял вверх большой палец. — Скажи, а за пепельницу ту дурацкую покоцанную что мне надо было, Аньку выгнать? Или, чего лучше, повесить, а?

Я представил себе возможную реакцию замдиректора электромеханического завода и засмеялся.

— Ты только это, Боря, — сказал я. — Чего ты вагончик этот уродский не сдашь в утиль?

— На фига? — искренне удивился ресторатор. — Пусть стоит. У меня что, от этого клиентов станет больше? Или Анька работать лучше станет? Или мой гениальный повар Петрович станет еще лучше кролика готовить?

— Чудаковский именно так, я думаю, и считает, — задумчиво проговорил я.

— Столица, очнись! — Борис замахал на меня руками. — Это же диагноз! Просто его еще никто в литературе научной не описал. Синдром Чудаковского! Перфециози... Тьфу! Перфекционизм — это ведь только часть беды. Он сам вообще на завод жить переехал, чтобы за забор свой идиотский пореже выбираться, а работяги его даже с женами и детьми меньше разговаривать стали. Ну нельзя так жить, Володенька! Мы вот так живем, с вагончиками засранными на задних дворах, с лужицами и грязными штиблетами. Не, мы штиблеты-то чистим, куда ж без этого приличному человеку, вот только каждые пять минут их чистить или улицы с мылом мыть — это, брат, не наша жизнь, мы так загнемся. Вот его рабочие в городе и выглядят, как тяжело больные. Да и ты сам после визита к нему с утра пораньше на беленькую налегаешь, с чего бы это, а?

— Но он такие вещи делает... — я последний раз попытался заступиться за Чудаковского. — Ты бы видел!

— Я много чего видел, — сказал Борис, откинулся на спинку стула и закурил. — Я так подозреваю, что он и в космос мог бы чего-нибудь запустить, если задался бы целью. Его проблема в том, что это на всю страну не распространить, все это работает только за его стерильным забором. А в изоляции он может только малую серию гнать в самом лучшем случае. Ты думаешь, зачем ему твоя столичная контора? Он завод расширить хочет. Надеется, что производство увеличит, то-се... Только напрасно это. У таких феноменов, понимаешь, есть какие-то физические границы роста. О, тост!

Мы выпили за печоринский феномен.

— Короче, — подвел черту ресторатор. — Не получится у него расширяться. Еще чуть-чуть, и его забор снесут на хрен всем городом!

— А может быть и бомбу сбросят, — проговорил я грустно.

— Какую еще бомбу?

— Высокоточную, — буркнул я и наконец решился на откровенность. — Знаешь, он ведь такую вещь сделал, что за нее любая страна убьет. Антигравитация в полный рост!

Борис как-то разом посерьезнел, даже слегка протрезвел.

— Опять за свое взялся, дурак седой! — пробормотал он и достал мобилу из кармана. — Сейчас мы... Слышь, столица, а ты не гонишь?

— А ты думаешь, меня электромобили что ли так шокировали?

— Ладно, это уже ни в какие ворота... — ресторатор нашел в записной книжке телефона нужный ему номер и вдавлив клавишу вызова так, как будто хотел сломать телефон пополам. — Алло! Доброго здоровья, Евстигнейч! Я тут вот с твоим гостем столичным столоваюсь. Ага! Ты вот что, Евстигнейч, дело у меня к тебе серьезное. Подъезжай-ка ты... Не хочешь в ресторан мой? Ну, тогда давай минут через сорок у мишки. Почему у мишки? Гостю достопримечательность показывать с тобой на пару будем. Да ты не упрямясь, Евстигнейч, ты Бориса Иваныча-то уважь! Ну, вот и славно. Давай, до встречи.

— Надеешься вправить ему мозги? — поинтересовался я.

— Надеюсь, — очень серьезно ответил Борис. — Русский он человек, или как?

— Уже сомневаюсь, — невесело улыбнулся я.

— Да ты не кисни, столица! — ресторатор перегнулся через стол и хлопнул меня по плечу. — Давай-ка звони Колян, пусть подгребают через полчаса, а мы с тобой еще водочки давай врежем. Очень у нас интересный разговор вышел. Анята! Давай штоф новый, тут остатки нагрелись уже!

Водитель Николай оставил свою «Волгу» на парковке у ресторана, перебрался в «Крузер» Бориса, и мы за десять минут добрались до места встречи с Чудаковским. Тот был уже на месте. До реки было метров пятьдесят, а тут, где кончалось асфальтовое покрытие, и правда стоял мишка. Бетонная скульптура бурого медведя, в оригинале не лишенная изящества, теперь вся потускнела и покрылась выщерблинами. Та лапа медведя, что по замыслу скульптора должна была быть для чего-то приподнята, отсутствовала напо-

ловину, отколото было также и одно ухо — такая вот печоринская инсталляция. Рядом с мишкой стоял деревянный стол с двумя лавками по бокам, вот только от одной из лавок остался лишь остов. У этого стола и ждал нас автор печоринского феномена.

Мы выгрузились из машины. Борис водрузил на столик захваченные из ресторана бутылку водки, три стакана и пакет морса и поздоровался за руку с Чудаковским.

— Ну здравствуй, Евстигнеев!

— Здравствуй и ты, Борис Иванович.

— Ты чего опять учудил-то? — с места в карьер рванул предприниматель. — В прошлый раз, когда ты холодным термоядре тьфу!.. термоядерным синтезом занялся, я тебе что сказал? А теперь, значит..

— Чем он занялся?! — перебил я. — Холодным термоядом? Разве это возможно?

— Все возможно, — Иван Евстигнеевич приосанился и стал как будто еще на пару сантиметров выше. — Если порядок в головах, если все не кое-как, а так, как надо, если каждый инженер и каждый рабочий соблюдает культуру мысли и труда, то тогда, дорогой мой, русский человек может все! Любые чудеса! И если вытравить хаос из каждого квадратного сантиметра...

— Стоп! — решительно прервал речь замдиректора завода Борис и разлил водку по стаканам. — А ну выпьем!

— Вот так все и начинается, — невесело усмехнулся Чудаковский. — Собрались тоже как-то три выпивохи, и...

— Тогда четыре выпивохи собрались, — поправил я его.

Мы выпили и помолчали.

— Позвольте мне? — прервал я паузу.

— Валяй, столица! — Борис махнул рукой, словно дал отмашку на старт.

— Я издалека начну, — сказал я.

— Издалека даже лучше, — не возражал ресторатор.

— Хорошо. Вот посмотрите на джип Бориса, — начала я. — Это замечательная японская машина. Очень качественная. «Лэнд Крузеры» и двадцать лет назад были хорошими машинами, очень хорошими, но ведь их все двадцать лет улучшали до нынешнего вида. И ведь еще улучшать будут! А разве в ней все идеально?

— Да хрен там! — подтвердил мои слова Борис.

— Вот именно, — продолжил я. — Там миллионы деталей, и, даю голову на отсечение, минимум миллион из них смешные в своем несовершенстве. Но в целом-то машина — ого-го! Я вот в Германии был. Мне один немец, шнапсу хлопнув, сказал, что в Германии все только на поверхности прилично и логично, а копни поглубже, такой же бардак! Я присмотрелся: ба! И правда бардак! И в Японии, где вот этот джип замечательный сделан, тоже. А Вам дай волю, Иван Евстигнеевич, Вы же ничего улучшать в джипе не станете, вытряхнете из него всю начинку, прицепите ему под брюхо свои четыре волшебных летающих блина, чтобы он даже дороги не касался...

— Леонардо недовинченный! — встрял Борис.

— Да вы же всю индустрию мировую набок положите! — уже кричал я. — Если конечно индустрия вас раньше в бетон не закатает, что, кстати,

гораздо вероятнее. Вот как узнают про ваше последнее изобретение, так и закатают вас, причем вместе со мной и с ним вот, с Борисом Ивановичем, да со всем городом заодно. А теперь посмотрите на город на ваш, на Печоринск! Здесь же каждая третья сигарета в пачке сломана, и повсюду так: тут что-то отломалось, там что-то откололось... Вот! Мишка этот ваш именно в таком виде на гербе города должен быть. А все потому, что за высокой железной стеной у Вас на заводе Город Солнца функционирует...

— Иван Компанелла, блин! — вставил свое слово ресторатор.

— Вы никогда, Иван Евстигнеевич, не задумывались, почему Байконур в глухой безлюдной степи построили? А почему американская силиконовая долина в пустыне стоит? Я не знаю, как вам еще-то объяснить!..

— Короче, Евстигнейч! — по-своему подхватил мысль Борис. — Ты если хочешь, чтобы Печоринск в блин радиоактивный превратили завтра, так ты продолжай. Мне только скажи, чтобы я с семьей смотался подальше, и продолжай. А нет, так возьми за ум, гений!

— Не хамите мне, молодые люди! — засопровтивлялся Чудаковский.

— А мы не хамим, — примирительно развел руками ресторатор. — Мы рассуждаем. Ты сам прикинь: ну вот жили бы мы при товарище Сталине, тогда где-нибудь в сибирской глухомани в какой-нибудь возглавляемой тобой стерильной шарашке изготавливали бы твои чудесные вещицы, а потом ставили бы их на танки, самолеты, на ракеты...

— В Америке было бы то же самое! — поддержал я бизнесмена. — Все на десятилетия бы упрятали в недра пустыни Невада, а свидетелей — в расход. Но это при Трумане там, при Эйзенхауэре... А вот так вот, как вы... Да на сегодняшний день это третья мировая война! Что Вы молчите? Что он молчит-то, Боря?!

— Переваривает, — ответил Борис. — Он сумасшедший, но не дурак.

— Завод — это дело всей моей жизни, — сказал наконец Чудаковский.

— Кто спорит?! — всплеснул руками ресторатор. — Вот и живи на своем заводе. Делай всего помаленьку. Особо рьяные идеи — в банковскую ячейку, для грядущих поколений, а остальное делай! Только не подставляйся больше, Евстигнейч, я тебя прошу!

— А еще колледж откройте, — предложил я. — Ну, техникум, если хотите так называть. Ребятишек учите. Глядишь, лет через десять воспитанные вами чистюли будут нужны.

— А я на колледж денег дам, — сказал Борис. — Давай правда колледж забахаем, а? Про нас в газете напишут, я телевидение уговорю приехать. Давай, а?

— Я вас понял, друзья мои, — вздохнул Чудаковский.

— Ты только не убивайся, Евстигнейч! — ресторатор приобнял замдиректора завода и повел к машинам. — Ты вот что...

Дальше я не расслышал, потому что у меня в кармане зазвонил телефон. Шеф все-таки потерял терпение.

— Слушаю.

— Ты что, пьяный что ли?

— Так банкет, шеф, куда без этого!

— Ну и что там?

— Да фигня, шеф, — ответил я. — Велосипед очередной доморощенный. Правда, электродвигатели тут прикольные, надо документацию взять. На них даже электромобильчики сделали для демонстрации. Можно будет или сами движки, скажем, для «Е-мобилей» продвигать, или всю схему целиком продавать «Форду» или «Тойоте». Как-то так...

— Ладно, — буркнул шеф. — По приезду расскажешь.

И шеф отключился. А я догнал моих спутников, оставив на радость какому-нибудь из местных пьяниц ополовиненную бутылку водки рядом с главным монументом Печоринска. Борис призвал ехать в клуб. Как ни странно, Чудаковский согласился, но решил ехать со своим водителем на «Вольво», а мы с Борисом снова забрались в «Крузер».

Пока мы ехали, я в пьяной полудреме видел летательные аппараты на антигравитационной тяге, бороздящие просторы страны, видел аккуратные сибирские домики, в подвале которых трудились компактные термоядерные реакторы, и видел Чудаковского, читающего лекцию в Калифорнийском университете.

— Слышь, столица, — растолкал меня хозяин машины. — А ты бардак кругом и полный ордунг на его заводике для красного словца приплел или, правда, связь здесь какую видишь?

— Ты сам посуди, — ответил я. — Видел, какой агрессивный бурьян растет прямо у этого его блестящего забора?

— Так ведь ссут ему под забор почти все местные, — объяснил Борис. — Там током бьет, но все равно все ссут. Назло.

— Это одно и то же, — отозвался я.

— Да? Ну ладно. Все равно, красиво ты сказал. Молодец!

И печоринский ресторатор откинул голову на подголовник кожаного сиденья с умиротворенным лицом человека, только что спасшего мир.

Об авторе

Максим Жуков — литературный псевдоним Дмитрия Дробницкого, писателя, публициста, политолога. Родился в 1968 году в Москве в семье известных философов О. Г. Дробницкого и Т. А. Кузьминой. Окончил физический факультет МГУ. С 1993 года работал в области издательства и полиграфии. С 1997 года — топ-менеджер производственных проектов. Оставил управленческую деятельность в 2009 году.

В 2006 в издательстве «ЭКСМО» вышел его первый фантастический роман «Оборона тупика», за который он получил Премию им. Хомякова от Лиги Консервативной Журналистики. Позднее на портале FantLab вышла его повесть «Сутки через двое».

С 2006 года Дмитрий Дробницкий (Максим Жуков) в качестве публициста активно публикуется на сайте АПН, в Русском Журнале, «Независимой Газете». С 2011 года, оставив псевдоним исключительно для литературной деятельности, работает в редакции портала американистики Terra America, является постоянным колумнистом газеты «Известия» и активным блогером (dealetant_68.livejournal.com).

Алексей Васильев

Колесо

Сегодня Дигу исполнилось десять лет, и это значило, настала пора войти в Храм Истинной Веры.

Отныне разрешено глазам сына правителя зреть великое чудо, явленное Небесным Отцом своим детям, рукам — касаться его, а духу — ликовать и парить во блаженстве. То, ради чего и чем живет человек, то, что спасает его от рассвета времен и дарует надежду, теперь открыто ему.

Храмовник Хельд пришел за Дигом еще до рассвета. Диг, однако, успевший хорошенько истомиться за ночь, уже был умыт и облачен в одежды Хранителя.

Покинули дворец затемно, но когда добрались до храма, его башни сияли на солнце, будто объятые небесным огнем.

Истинное величие Храма намного превосходило кажущееся. Над землей лишь малая часть его! Хельд провел мальчишку по залам для проведения служб и воздаяния хвалы Небесному Отцу, потом они поднялись на самую высокую башню, где сын правителя убедился, что никто, кроме человека, не может быть ближе к создателю сущего, ибо даже птицы не могли подняться сюда, а вечером храмовник с Дигом спустились под землю.

И здесь, в Зале Истинной Веры, Диг почувствовал великое ликование и торжество. Все пространство необъятной пещеры занимало великое Колесо. В свете множества факелов тускло блестели огромные — выше самой высокой храмовой башни! — опоры, держащие его могучую Ось.

Колесо вращалось, и в медленном движении сверкающих спиц чувствовалась неотвратимость извечного солнечного хода. Могучий рокот и гигантские тени, бегающие по Залу, наполняли сердце трепетом и восторгом.

Рядом с основанием опоры, которую бы с трудом обхватили пять человек, стоял Алтарь. Приношение Небесному Отцу не должно прерываться с начала времен, оно неизбежно и постоянно, как и движение Солнца, что дает людям жизнь, и сейчас один из храмовников, издавая тяжелые стоны, даровал свою жертву. Упираясь ногами в край Алтаря, он поочередно наваливался на два длинных рычага, и поддерживал ход Колеса.

— Твой обряд посвящения в Хранители, Сын Правителя, начнется сейчас! — торжественно сказал Хельд. — Готов ли ты испытать те муки, что терпим мы, во славу предначертанного Небесным Отцом?

— Готов, — пересохшими губами шепнул Диг.

— Тогда начнем. Вельд, твоя сегодняшняя жертва окончена!

Со всхлипом храмовник сошел с Алтаря, освобождая место для Дига. По лицу его стекал пот, одеяние промокло, а дыхание было тяжелым и жарким.

Хельд показал Сыну Правителя, как стоит упираться ногами, как приводить в движение тяжелые железные рычаги, каждый в рост мальчика, и пообещал наблюдать за ним всю ночь. И если ослабнет, за него станут нести жертву другие, ибо ход Колеса должен быть бесконечен! Но обряд будет сорван.

Скользкие от чужого пота рычаги подались на диво легко.

— Не спеши, — сказал Хельд. Он поддерживал шатающегося Вельда. — Ночь будет долгой.

Ночь обернулась вечностью. Мальчик быстро устал. Рычаги становились все тяжелее, и вскоре каждое движение давалось огромным трудом. Диг плакал от великой усталости, и слезы смешивались с горячим потом, но не смел покинуть Алтарь. И хоть под утро тело скручивали жестокие судороги, он не отказался от жертвы.

Утром потерявшего сознание Дига сменил сурового вида храмовник, а Хельд отвел Сына Правителя во дворец, где объявил, что отныне Сын Правителя — Главный Хранитель, ибо он пробыл на Алтаре назначенное время и принес свою первую жертву.

— И помни, — сказал храмовник на прощанье, — отныне ты ведаешь Великую Истину. Храни Веру в сердце! Вот уже много лет ничто не тревожит наш род, но сказано в великих книгах, что Северное Зло живет вечно и цель его — попортить Истину!

— А что это — Северное Зло? — спросил Диг, морщась от страшной боли, поселившейся в мышцах.

— Зло в сердцах людей Севера! Глупцы не ведают света истины!

— Но Небесный Отец запрещает людям селиться на Севере... — робко прошептал Диг, лежа в кровати.

— То не его дети, — сказал Хельд. — В стене Зала Истинной Веры есть Великое Искушение — Рукоять! Касаться ее запрещено Небесным Отцом, ибо, если обратить Рукоять вниз, Колесо изменит свой ход! Сказано в книгах, что в страшные годы спицы Колеса шли против Солнца! А когда Зло истребили, остатки его затаились в болотах, где Небесный Отец запрещает нам быть, и уцелели. Но извечная цель Зла — повернуть ход Колеса вспять!

Враг пришел в Долину Солнца утром.

Когда за дверью загрохотали тяжелые шаги, Диг понял, что натиск сдержать не удалось, и разъяренные кровью чужаки убивают всех. Город, дворец и храм теперь принадлежат им, здесь будут жить они, их жены и дети.

Дверь дрогнула от удара, с той стороны раздался крик, тотчас забарабанили часто, остервенело. Железную пластину засова согнуло, в образовавшуюся щель можно вставить палец, нет, уже два, три, кулак...

Диг отскочил к стене, подпрыгнул. Ухватившись за кромку, подтянулся, и, отчаянно извиваясь, втащил себя в глубокую оконную нишу.

Сестренка, сидя на полу, недоуменно тарщила глазки. Затем, придя в восторг, громко загукала и протянула ручки к сидящему сверху брату.

Диг в отчаянии закусил губу. В страхе не подумал о Марии, сперва надо было закинуть ее! Он приготовился прыгнуть, но дверь уже выбили, и в комнату ворвались враги.

Громадный воин, в щедро забрызганных кровью доспехах, укрывающих с головы до пят, ухватил громадной пятерней Марию и осмотрел, вертя, как котенка. Диг зажмурился, ожидая, что враг свернет сестре шею, но чужак хрипло сказал что-то своим, взгоготнул и протянул Марию худому человеку, затянутому в узкое коричневое платье и без оружия, в то время, как остальные в латах, либо грубой коже, у каждого в руках меч, а за спиной — мешок с дротами. Это был, вероятно, служитель новой веры, которую чужаки принесли на окровавленных остриях.

Он также небрежно осмотрел девочку, кивнул и вышел, унося ее с собой. За ним отступили и воины, не переставая обшаривать взглядами комнатку. Один поднял глаза и увидел Дига.

Мальчишка отпрянул, расцарапав локти о шершавый камень. Над головой страшно вжикнуло, брошенный дрот выбил из камня сноп искр и канул по ту сторону дворца.

Диг отползал, пока не почувствовал коленями острую кромку. Сзади была пустота, но мальчишка, всхлипнув от страха, вытолкнул себя. Обломав ногти о камень, едва смог удержаться кончиками пальцев за край оконной ниши. Висел, страшась прыгнуть — дворцовая стена здесь вырастает из крутого каменистого склона, пока долетишь до подножия, все кости сломаешь. Сверху раздалось надсадное дыхание, посыпалась каменная крошка и над мальчишкой появилась широкая бородатая морда. Крепкие пальцы впились в запястья и, с неожиданной силой, мальчишку потащило вверх.

Диг забился, пытаясь высвободиться, уперся в стену ногами, но тщетно, только ободрал колени. В лицо дышали чесноком и хлебной похлебкой. Когда отчаянно извивающегося Дига наполовину втащили в окно, он все же ухитрился вывернуться и крепко цапнул волосатую ручищу.

Чужак вскрикнул, и ослабил хватку, а Диг рванулся изо всех сил, упираясь ногами и освободившейся рукой. Ему удалось выдернуть вторую, и, взвизгнув, он ухнул вниз. По ногам ударило твердым, опрокинуло, и мальчишка кубарем покатился с холма.

Тело вломилось в густые заросли травы, растущей у подножия, застыло, раскинув руки и ноги. Мир был наполнен болью, в глазах колыхалась алая бахрома. Мальчик шевельнулся, не веря, что жив. Постанывая, он медленно пополз от подножия, оставляя полосу примятой зелени.

Нужно было добраться до реки. Из ссадин текла кровь, пятная сочные стебли, оставляя видимый и легкий след, а плавать он не умел, но, может, получится отсидеться до темноты возле берега...

Должно получиться, если враг уже во дворце — это значит одно, Истинная Вера в опасности, а чужаки уничтожают всех, гасят последние искры Света.

Сын Правителя хорошо знал, какую великую ношу несет, каким великим Знанием обладает. Он обязан сберечь его, во что бы то ни стало, а для этого нужно уцелеть, выжить!

Диг полз, вжимаясь в землю, не решаясь привстать и посмотреть, сколько осталось до реки. Вдалеке слышались голоса захватчиков, могут заметить. Часть воинов грабила город, другая — дворец, но были и те, что обшаривали берег под дворцовым холмом. Наверное, искали оставшихся в живых беглецов и рыбаков, чьих домиков на северном берегу несколько десятков.

И Диг все полз, а во дворце остались мать с отцом и сестры, и, скорее всего, их убьют... Спаситься может лишь младшая сестра, ибо по малолетству блаженна незнанием, недаром ее оставили в живых. А Сведущих вырежут всех, и на трон возведут Неправду и некому будет сказать Истину, и низвергнуть ложь, ныне она в безопасности. Теперь во дворце и городе будут жить чужаки, и топтать последние ростки Веры.

Диг подумал о Великом Колесе, чей ход отныне отвернут от Солнца, оббитых храмовниках, и заплакал.

А реки все не было. Дигу казалось, он ползет чересчур долго, а его след уже нашли, идут по нему, и вот-вот нависнет над ним злая тень, а крепкие руки ухватят за шею...

Каждое движение отзывалось болью, и не хотелось шевелиться, а хотелось просто лечь и уснуть... Лишь долг, великий долг заставлял бороться за жизнь.

Пахнуло сыростью, и мальчишка пополз быстрее. Под ним уже хлюпало, когда он решил встать на четвереньки. Трава здесь сочная, густая, высокая, примятые стебли распрямляются быстро, скрывают надежно. Руки до локтей проваливаются в ил, ржавая вода обжигает холодом, но трава уже не трава, а тростник, и твердеет дно, вязкие кочки сменяются честным песком.

Было по пояс, когда поредел тростник, и перед мальчиком раскрылась широкая гладь. Он замер испуганно и шагнул назад, под прикрытие зелени. Замер, но все-таки заставил себя идти дальше, а как вода дотянулась до подбородка, пошел вдоль берега, по течению. Нужно было оказаться дальше от оставленных следов, чужаки не знают, что он не умеет плавать, подумают, уплыл или утонул, не станут искать.

Как ни осторожно ступал, все же несколько раз проваливался в ямы, вдоволь нахватавшись воды и страха.

Шел долго, а река была равнодушна и холодна, и мальчишка уже давно стучал зубами, не зная, что лучше, вернуться на берег или остаться здесь, какая смерть будет легче? С берега слышались голоса, и Диг понимал — там полно воинов, ловят его, хорошо еще, не начали обыскивать реку, но уже шуршат в тростнике, вот-вот кто-то да выглянет из зарослей...

Долгий и светлый весенний вечер кончался, но Диг уже едва переставлял ноги от холода, и понимал, что не вытерпит до темноты. Что лучше, околев, уйти под воду, или же выбраться на берег? Там тоже смерть, но есть хоть малая надежда, что не найдут...

Впереди, из чащи тростника, выдвинулся темный силуэт, а за ним еще несколько. Диг вздрогнул и с головой ушел в воду. Вынырнул, и, с трудом сдерживая кашель, зашпешил к лодкам, понимая, что свои, слишком уж замедленно, без плеска, погружаются в реку весла, а люди сидят бесшумно,

и их много, чересчур много для небольших рыбацких посудин, борта едва возвышаются над водой...

Должно быть, такие же уцелевшие беглецы, как и он, наверное, тоже ждали темноты, укрываясь в тростнике, но встревожили рыщущие на берегу воины...

Диг замахал руками. Мальчишку заметили, одна лодка развернулась в его сторону, но близко подплывать не стала. Люди в ней опасливо смотрели на Дига, а еще опасливей — на тростник за ним.

— Я — из рода Идущих за Солнцем, — смог прошептать Диг трясущими губами. — Я не умею плавать. Я замерз. Я свой...

Испугался, что его не услышат, от холода и сам не слышал себя, вдруг перехваченное горло уже не может звучать?

Но гребцы медленно опустили весла, и вскоре Диг ухватился за низкий борт. Онемевшие пальцы тотчас сорвались, но кто-то ухватил за ворот. В лодку поднимать не стали, опасаясь засады и шумного плеска, так и плыли, таща за собой. Когда прошли излучину, теряющий сознание Диг почувствовал, как его поднимают. Он с трудом открыл глаза и понял, что лежит на дне лодки, а на него смотрит сверху, заслоня мир, рябой бородатый старик.

— Тихо, тихо! — сказал он. — Еще не ушли...

Но Дига трясло, а зубы стучали так, что, казалось, слышно во всем мире. Старик сорвал с себя куртку, из-за него высовывались руки других людей, протягивали одежду, какие-то тряпки. Рябой начал укутывать Дига, и, поправляя разодранный ворот рубахи, увидел на груди мальчишки Знак Солнца.

Он вздрогнул.

— Это же Сын Правителя! — испуганно, и вместе с тем обрадовано зашептал старик. Оглянулся на остальных. Людей было много — даже больше десятка, страх и обреченность на лицах сменились надеждой, но вскоре ее вновь вытеснили затравленность и отчаяние. Что может этот малыш, пусть и Знающий Истину, пусть даже сын Правителя, уже бывшего? Правда народа попрана и проклятые повернули Рукоять и обратили ход Колеса. Что теперь знание Истины? Народа больше нет, и Храм захвачен чужаками.

Четверо энергично работали на веслах, торопясь нагнать остальных. Вскоре, рядом с их лодкой скользило еще пять, в каждой — по два десятка человек, и это были все, кому удалось бежать.

— Мы не знали, что делать, — горячо зашептал старик мальчишке. — Их были тьмы, и они убивали всех. В тех лодках — одни рыбаки, они спаслись почти все... Еще есть люди с города, но совсем чуть. А из дворца — только ты. Из Храма — никого. И некому принимать решения. Пока плывем вниз по реке, к Южному хребту, уйдем в горы, а дальше...

Старик заплакал.

— Все... все... — всхлипывал он, утирая лицо ветхим рукавом. — Больше ничего нет...

— Я... мы сохранили самое главное, — громко, чтобы слышали остальные, сказал Диг. Голос с трудом, но слушался его. — Вы верно решили идти в горы...

Голос его прерывался и дрожал, но вскоре Диг перестал зябко вздрагивать, разогретый пламенем своих слов.

— Если теперь нам — жить там, укрываясь от чужаков, что изгнали нас из мира, и будет так долгое время, все равно мы... мы вернем Истину в мир. Небесный Отец посылает нам испытание. Мы не погибли и Вера наша жива! Не забывайте о нашей Великой цели, то, ради чего живет наш народ!

Он замолчал, но люди смотрели внимательно, ожидая еще слов.

— Я думал, — говорил Диг, — из тысячи моего народа уцелел лишь я один. Когда пришел враг, я смог бежать. Я считал себя жалкой искрой Веры. Я думал, что если меня не схватят, и мне удастся избежать смерти, то я в одиночестве буду скитаться по миру, храня Знание, и кто знает, смог бы я сделать так, чтобы искра его не пропала? Но теперь вижу, что уцелел не один! Теперь знаю, мы вернем Истину! Нас осталось много, куда больше, чем бы хотелось врагу. Среди нас я вижу молодых женщин и крепких мужчин!

Он говорил, а люди внимали ему. Потухшие глаза озарялись надеждой.

Диг встал, и подошел к гребцам. На него смотрели внимательно, но молчали, позволяя сыну Правителя говорить и даровать людям веру в спасение.

— Долго до Южных отрогов? — спросил Диг.

— Долго, — ответил ему один из гребцов. — Но мы будем плыть что есть силы, и к утру ты увидишь горы!

— Вы слышали? — спросил всех Диг. — В южных горах есть железо... а значит — оружие. С незапамятных времен наш народ вырыл там шахты.

Люди кивали, но в глазах было и место неверию. Сын Правителя и послушник Храма толкует об оружии? Даже вместе с рудокопами народа теперь едва наберется полторы-две сотни. Из них — один десяток стариков, два — малых детей и пять — женщин.

А когда пришел враг, народу была тысяча!

— Чужаки лишь надругались над Верой, — продолжил Диг, — но не убили ее!

Заст, оскалившись, рассматривал Главный зал. Теперь это все принадлежит ему и его народу, народу Встречающих Солнце. И, что самое важное, возвращена вера, вера, сумевшая выжить в болотистых северных лесах. Ее трепещущее пламя сохранили, сберегли, не дали погаснуть. И теперь храмовники, повернув Рукоять, раскачивают тяжелые рычаги и начинают раскручиваться огромные спицы великого Колеса... Как и было завещано от начала и до конца времен.

Тяжелая створа сдвинулась, и в зал вошел Хасс. Коричневое платье плотно облегало костлявое тело, из-под подола выглядывают грубые сапоги на толстой деревянной подошве. Башка голая, шишковатая, заостренная вверх, лицо стянуто шрамами — следами встреч с болотными скорпионами. Один глаз мутно-коричневый, косой, второй — серый, пронзительный.

— Говори! — приказал Заст.

— Мы повернули Его, — сказал Хасс и поклонился. — Вера возобладала. Служители в храме, и не оставят Колесо без движенья.

— Что с недругами нашими?

— Отряды прочесывают город, ищут последних. Несколько десятков я отправил на берег и в лес. Пленных скидываем в дворцовые подвалы.

— Всех, кто старше пяти лет — убить. Они несут в себе Неверие, ибо их разум помнит, как их храмовники толковали Истину. Остальных — раздать слугам, в помощники. Их разум еще не испорчен и пуст, по малолетству. Что с семьей Правителя?

— Самого зарубили, супругу казнили наскоро, старшую дочь я отдал воинам первого десятка, те насытятся и придушат, а младшую на кухню, ее разум еще чист.

— Это все люди Правителя? — грозно спросил Заст.

— Нет... — замялся Хасс, — еще сынок у него... был, да вроде в реке утоп. Из дворца сиганул, все кости обломал, верно, накрошил немало, а след к воде вел.

Заст долго царапал храмовника недобрый взглядом, тот вспыхнул, длинные узловатые пальцы, хрустнув, сжались, увечный глаз налился кровью.

— Ты меня не буровь, — сухо сказал храмовник. — Моей вины нет. Я далек от войны. Мой удел — Вера.

— Иди, — обмякнув лицом, ответил Заст. — Я вины не ставлю. Лишь бы на Юг не ушли. Пристанище Зла, как гласят священные письма! Нет нам ходу туда.

Солнце оставалось непочтенным четыре десятка лет. Ровно столько потребовалось народу Идущему за Солнцем, чтобы вернуть былое свое число и превзойти его вдвое.

Тяжелые и безрадостные времена довелось пережить Дигу и его людям. Но он был мудрым правителем, достойным сыном своего отца, и сохранил Народ и Знание. В горных долинах он повелел разводить скот, а не довольствоваться охотой и был прав, ибо Народ начал расти, и множество не смогло бы прокормиться ею. Диг велел добывать железо в шахтах, и обязал знающих кузнечное дело обучать ему остальных.

Во славу Веры умирали, и рождались, и даже самые малые знали, ради чего рождены.

Последние дни в горнах неугасимо пылал огонь, и множились запасы оружия, а в Долину Солнца были посланы прознатчики, которые сообщали о вражьем числе. Все остальное было известно и так, еще были живы выросшие в Долине, знающие все хитрости и уязвимости города, Храма и дворца.

И пришел день, когда Диг, правитель Народа Идущего за Солнцем, постаревший, но не утративший сил, объявил о великом походе.

— Настало время, и терпение Народа истекло! — говорил он, а люди внимали ему. — Отец наш небесный, Солнце, взывает к нам.

Шли на лодках, всю ночь. С течением боролись дюжие гребцы, их задача была справиться до утра, пусть даже придется надорвать жилы. В битву они не пойдут, но так же, как остальные, будут достойны победы, лишь бы успели к долине до света!

Враг был безмятежен, а значит — почти беззащитен.

Гребцы справились, и еще до рассвета город и дворец были окружены. Редких сонных стражей убили легко и бесшумно. Многие года спокойствия разбаловали чуждый народ!

Войско разбилось на десятки, одни принялись чистить город от скверны, им было велено щадить лишь малых детей, чистых разумом, другие ворвались во дворец...

Первую сотню Диг бросил к Храму, и сам возглавил ее, а рядом с ним бились те, кто еще помнил Исход, это — будущие Храмовники...

Пять десятков не участвовали в битве, расположившись вокруг долины, следили, чтобы никто из врагов не выскользнул, унося с собой Ложь, должную быть истребленной безжалостно, с корнем.

Старый Хасс с трудом смог разбудить Правителя, когда звон оружия звучал уже едва ли не в соседнем зале. Правитель в дряхлой старости любил спать на удивление много и крепко, и это его чуть не сгубило.

— Пришло! Пришло! — шептал Хасс. — Южное Зло пришло в наш край! Город и Храм взяты, а скоро и дворец... Они убивают всех, не щадят никого. Твой сын погиб, защищая Веру, но мы еще можем бежать!

Он стащил ничего не понимающего правителя с постели и помог одеться.

— Где твой внук? — спросил его Хасс.

...Им удалось ускользнуть из Долины. Гор, малолетний внук Заста, жил в северных покоях под присмотром нянек, и туда еще не успели добраться чужаки, вошедшие с южных ворот.

Здесь, в северной части, к дворцу вплотную подступал лес. Сперва с балкона прыгнул Хасс, принял ребенка, потом кое-как спустился Правитель, и шестером, если считать нянек, они ушли, затерялись среди деревьев...

— К болотам, — шептал на бегу Хасс. — Там железо и самоцветы, туда отправляли людей на добычу, там живет часть Народа... Схоронимся, чужаки не найдут. Помни, нужно сохранить Веру!

А старый Заст шатался и не слушал, и скоро кровь хлынула из его носа и рта, а потом он упал...

Хасс останавливаться не дал, ожидая погони, торопил безжалостно, пугая молодого наследника своими развевающимися коричневыми одеяниями, разодранными колючими ветвями...

— Вернемся... — шептал на бегу старик. — И вновь повернем Колесо...

Он посмотрел на ребенка.

— Ты сохранишь истинный свет и вернешь Народ в долину, а правду — в Храм, — пообещал старик. — Придет время, когда тебе откроется великая Цель...

В лесу им удалось встретить несколько десятков уцелевших, пробиравшихся, как и они к болотам, дальше шли вместе, и к утру следующего дня достигли далекого поселения...

Диг с трепетом вошел в Храм. Сменяя поколения, хранители денно и ночью следили, чтобы Колесо не останавливалось, и лишь нашествие Зла оборвало его ход.

Чужаков убивали безжалостно, и уже раскачивались гигантские маховики, а рукоять была повернута вверх...

Среди трупов Диг с плачем узнал свою сестру, ставшую хранительницей Лжи... Уж лучше бы ее убили тогда, когда разум был еще чист! Теперь Небесный Отец не примет ее в своих чертогах.

Сотрясаясь от рыданий, Диг подошел к гудящему Колесу и прикоснулся к его основанию. Оно вздрагивало, как живое...

Диг смахнул пыль с железного основания и трепетно провел пальцами по древней надписи, высеченной Небесными знаками. Никто не мог прочесть их, ибо то были знаки самого Небесного Отца:

«ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ПЕРВИЧНОГО РОДА. ДИПЛОМНАЯ РАБОТА».

Об авторе

Родился в 1982 году в г. Северодвинске, закончил Поморский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет. С 2010 года возглавляет компанию, занимающейся разработкой программного обеспечения и онлайн-игр.

Пишет с 2005 года, в основном — рассказы, есть несколько публикаций в журналах «День и ночь», «Азимут», «Мир ПК», конкурсных сборниках, а также по несколько рассказов в сборниках «Сингулярность» (Ложь, Живые мысли, Live Ocean, Допинги, Совершенство Бога), и «Сингулярность 2: Апокалипсис отменяется» (цикл рассказов «Заморозка»).

Иосиф Письменный

Другие координаты

цикл рассказов

1. Профессор и смежники

Бывает, что случайная удачно (или неудачно) сказанная фраза и даже одно-два слова вызывают непредвиденные последствия или доступ к неожиданной интересной информации.

...Я поискал глазами свободный столик возле стенки и расположился за ним со своей кружкой пива. В этом городе я был впервые, знакомых не имел и зашел в этот бар, чтобы убить свободный вечер. Вскоре ко мне подсел немолодой мужчина со своей кружкой.

В это время бармен усилил звук телевизора, и все повернули головы к большому плоскому экрану, установленному над барной стойкой. В прямом эфире передавали финальные сцены полицейской погони за группой преступников. Документальные съемки очень напоминали кадры из детективного фильма.

Преступники забаррикадировались в восьмизэтажном здании в самом центре одного из американских городов. Полицейские расположились вокруг здания.

— Все входы и выходы из здания заблокированы, — вещал в мегафон полицейский начальник, руководивший операцией. — Соппротивление бесполезно. Сдавайтесь!

В ответ из дома раздавались редкие одиночные очереди. Кольцо вокруг здания все сужалось, но никто оттуда не выходил. Прилетел вертолет, из него на крышу дома высадились две группы атакующих.

Начался штурм. Когда вооруженные полицейские ворвались в здание, там никого не оказалось.

Бармен ослабил звук телевизора.

— Как вы думаете, куда они подевались? — обратился ко мне мой сосед по столику.

— Ушли в другую систему координат, — пошутил я.

— Вы это серьезно? — переспросил мой сосед.

— Разумеется, нет, — ответил я. — Сейчас обнаружится, что доблестные детективы забыли перекрыть выход из шахты, по которой в дом поступала вода или электроэнергия.

— Скорее всего, так и будет. Но вообще-то вы верите в возможность существования других координат?

— Я вообще-то в них не верю.

— И напрасно!

Мы разговорились, и я перескажу, если не возражаете, то, что услышал от моего случайного соседа по столику. Постараюсь быть как можно ближе к его рассказу...

Я был одним из немногих студентов, которые занимались в нашем университете на семинаре по физике у профессора Андрея Николаевича Виноградова. И совсем не потому, что на его семинар трудно было попасть. Совсем наоборот, несмотря на громкую — в масштабах университета! — славу профессора, большинство студентов сами не желали у него заниматься — из-за сложности материала и практически нулевой перспективы сделать быструю научную карьеру. Дело в том, что во всем мире еле-еле набирался десяток специалистов, занимающихся и что-то понимающих в той редкой области релятивистской механики, которая определяла круг научных интересов профессора. Кроме самого Виноградова, как он неоднократно повторял, его статьи могли читать только один физик из Обнинска, два из Дубны, немец из бывшего ГДР, один израильтянин, один румын, два американца (один китайского, второй корейского происхождения), два англичанина и один француз с турецкой фамилией. Этот француз и в самом деле был турком; его отец проник во Францию как нелегальный рабочий, трудился на стройке, спал на полу в одной ночлежке вместе с десятком своих соотечественников, потом перетащил за собой в Париж всю семью, а сын окончил Сорбонну. (Я рассказываю об этом исключительно для того, чтобы показать, как хорошо все члены этого неформального научного сообщества знали друг друга и насколько профессор, как мне казалось, был откровенен со мной.)

Так вот, я записался на семинар профессора Виноградова только потому, что туда записалась одна студентка с нашего курса, но из другой группы. Эта студентка, звали ее Надеждой, мне тогда очень нравилась. Я применил слово «тогда» не для того, чтобы сказать, что теперь она мне уже не нравится, а исключительно из-за того, чтобы подчеркнуть, что позже я вообще влюбился в нее. По самые уши. Я полагал, что занятия на одном семинаре будут способствовать моим надеждам на взаимность. По легкомыслию, я не обратил внимания на то, что у этой девушки была та же фамилия, что и у Андрея Николаевича. Она тоже была Виноградова. Вскоре выяснилось, что Надежда Виноградова — единственная дочь профессора Виноградова. Я потому подробно останавливаюсь на этом, чтобы вы не подумали, будто я из карьеристских соображений начал ухаживать за дочкой своего профессора. Чем больше я с ней общался, тем больше видел ее не только внешнюю, но и внутреннюю красоту. Видел, какая это необычайно одаренная личность. Потом уже я смог убедиться, что она так самоотверженно предана науке, что и среди мужчин встретишь не часто.

Пройдет совсем немного времени, и мне станет известно — при весьма специфических, чтобы не сказать при критических обстоятельствах — от

дочери профессора Виноградова, что профессор, оказывается, вел двойной образ жизни, о чем знал весьма ограниченный круг лиц. С одной стороны он, под своей собственной фамилией, — как Андрей Николаевич Виноградов — был признанным авторитетом в одном из самых сложных разделов релятивистской механики, ездил на международные конференции по физике и печатался в солидных научных журналах. С другой стороны, профессор — под именем и фамилией Андрей Николаев — был одним из самых известных в стране уфологов, причем еще в то время, когда уфологию за науку не считали, и все статьи по этому вопросу печатались в самиздате на папиросной бумаге.

Андрей Николаев считался признанным авторитетом в области контактов с внеземными цивилизациями, и при любых публикациях по проблемам этих контактов было принято ссылаться на его основополагающие работы. Но он ухитрился поссориться с друзьями-уфологами как раз тогда, когда уфология вышла из подполья, а телевидение, радио и научно-популярные журналы стали предоставлять ученым-уфологам широкую трибуну.

Случилось это так: на одном из конгрессов по внеземным цивилизациям слово предоставили легендарному Андрею Николаеву. Уже одно объявление его имени вызвало ажиотаж в зале. И неудивительно — при огромной популярности работ ученого, самого Андрея Николаева до этого, кажется, еще никто не видел. На трибуну бодро взбежал немолодой сухощавый мужчина с седоватой бородой, очень напоминающий пожилых героев американских кинобоевиков. Он слегка приподнял правую руку, одновременно приветствуя и успокаивая собравшуюся публику, дождался полной тишины в зале и тут же выступил с сенсационным заявлением, что все описанные случаи встреч с внеземными цивилизациями — не что иное, как блеф. Все они являются встречами с представителями нашей же, Земной, цивилизации, только имеющими другие измерения. После этого, не дав публике, а главное, президиуму опомниться, Андрей Николаев так же бодро сбежал со сцены и по боковому проходу вышел из зала.

Реакцию нетрудно было предсказать. Друзья-уфологи (во всяком случае, те немногие, кто был с ним до этого знаком лично) прекратили с ним всяческие контакты. Андрея Николаева перестали приглашать на конференции, съезды, симпозиумы и дали понять средствам массовой информации, что любое упоминание имени заблудшего соратника, по меньшей мере, нетактично. Если во время интервью, какой-нибудь журналист неосторожно называл имя Николаева, его собеседники немедленно строили такие кислые мины, что сообразительные журналисты тут же тут же благоразумно переходили к следующему вопросу, уводя беседу в приличествующее ей русло.

Разлад мифического Андрея Николаева с былыми соратниками по поиску внеземного разума никоим образом не сказался на научной карьере реального профессора Виноградова и на моих встречах с его дочерью в учебное и в неучебное время. Да что там говорить, я тогда и не знал вовсе, что ставший при жизни легендарным (причем, — как вы догадались, — дважды легендарным) уфолог Андрей Николаев и мой учитель профессор Виноградов — это одно и то же лицо.

На факультете, среди студентов и молодых преподавателей, немедленно стало известно: знаменитый уфолог Андрей Николаев выступил со своей невероятно смелой гипотезой. Мы все в кулуарах обсуждали его заявление и спорили о том, насколько возможно, чтобы все описанные ранее случаи встреч с внеземными цивилизациями оказались встречами с представителями нашей же, земной цивилизации, только имеющими другие измерения. Вкратце поясню, в чем здесь дело.

Мы привыкли к тому, что наш мир имеет в пространстве три координаты — длину, ширину и высоту. Есть даже такое выражение: мы живем в трехмерном пространстве. (Четвертую координату, время, трогать не будем — с нас станется забот с пространственными координатами.) Однако вы, надеюсь, заметили, что в ряде случаев мы используем не три, а две координаты, а иногда только одну координату. Например, картины в живописи или фотокарточки дают исчерпывающее представление обо всем, ограничиваясь всего лишь двумя координатами, — это так называемое двумерное пространство. А для того, чтобы узнать температуру по ртутному термометру, нам достаточно одной координаты — для восприятия движения ртути по стеклянной трубочке мы обходимся одномерным пространством.

Так вот, и несуществующий Андрей Николаев, и реальный профессор Виноградов пришли к выводу, что в действительности наш реальный мир имеет не три пространственные координаты, а значительно больше — во всяком случае не меньше шести. Забегая вперед скажу, что спустя некоторое время профессор Виноградов уточнил количество возможных координат. Сейчас профессор, а вместе с ним и я с его дочерью, считаем, что таких координат не менее семи. Почему именно семь, вам должно стать ясно из дальнейшего. В то же время мы, люди, (и вообще весь известный нам земной мир) имеем только три координаты. Поскольку мы сами трехмерны, мы не можем знать, что в данный момент происходит в остальных координатах.

Теперь представьте себе, что существует еще один трехмерный мир со своими тремя координатами в многомерном земном пространстве. А раз так, то ничего не мешает нам в своих трех координатах и им в их трех координатах существовать, жить и развиваться самим по себе, не мешая друг другу. Согласны?

Представьте себе также, что параллельная, или смежная, (назовем ее так) земная (подчеркиваю — земная!) цивилизация опережает нас в своем развитии. Обидно, конечно, что не мы, а они нас опережают, но в качестве рабочей гипотезы можно принять. Раз уже они нас опережают, то естественно, что мысль о том, что рядом с ними, в других трех координатах, существуем мы, должна прийти к нашим смежникам значительно раньше, чем нам.

Что вы предприняли бы на их месте? Ну, разумеется, сделали бы попытку выйти из своих трех координат в смежные, наши координаты. Каким образом — пока не знаю, мы ведь отстаем от них. А если им это удалось, и они оказались в наших координатах, следовательно, рано или поздно мы должны их заметить! А поскольку мы еще не вооружены теорией многомерного земного пространства, то ничего лучшего, как принять появление

в наших координатах земных представителей других земных же координат за пришельцев с Луны, Марса или даже с других звезд, люди придумать не смогли. Вот и все!

Полагаю, что теперь вам ясно, почему координат должно быть не менее шести? Да потому что, будь их пять, у нас была бы одна координата общая, и тогда бы мы так или иначе обнаружили присутствие друг друга значительно раньше!

Хорошо, скажете вы, на шесть координат я согласен. Но откуда взялась седьмая и что с ней делать? Не все сразу, дойдем и до седьмой координаты...

А сейчас вам следует только запомнить, что профессор, он же Андрей Николаев, пришел к выводу, что наш реальный мир имеет не три пространственные координаты, а значительно больше, и эти координаты заселены по меньшей мере двумя независимыми цивилизациями — нашей и смежной. Когда он понял это, то решил также посетить их цивилизацию и стал искать способ войти в контакт со смежниками, как он их окрестил...

Теперь оставим на время в покое уфолога Андрея Николаева с его теорией, или, если вам угодно, его гипотезой. В это время в Париже должен был проходить очередной конгресс физиков, и профессор Виноградов традиционно получил приглашение принять участие в конгрессе. Но поскольку профессор был занят неотложными работами со смежниками, то он предложил мне поехать на конгресс и вместо него зачитать его доклад. Я несказанно обрадовался и тут же предложил, чтобы в Париж мы поехали вместе с Надеждой Виноградовой, резонно мотивируя свое предложение незнанием французского.

— Ничего, — ответил Андрей Николаевич, — обойдешься английским. А Надежда нужна мне здесь. У меня как раз этап ответственных экспериментов.

Я настолько был рад предстоящей поездке в Париж, что не обратил внимание на слова «этап ответственных экспериментов», что в устах теоретика должно было звучать, по меньшей мере, весьма странно. Но я тогда еще ничего не ведал о контактах профессора со смежниками, в то время как Надежда знала о них — ей даже отводилась важная роль в проведении экспериментов...

Повторяю, все мои мысли были настолько заняты предстоящей поездкой в Париж, что я тогда не обратил внимание еще на одно важное обстоятельство, которое в другом случае не могло бы не привлечь моего внимания. Дело в том, что был у Виноградовых чудесный пес по имени Пит. Пит был пуделем средней величины с на редкость игривым характером. Этот Пит настолько привык ко мне, что при моем появлении в квартире немедленно начинал демонстрировать свое расположение, прыгая вокруг меня и норовя лизнуть в лицо.

Но перед моим отъездом Пит вел себя очень странно. Он вообще не приближался ко мне, а словно приклеился к стене и от нее не отходил. Вид у него был очень грустный. Но я и на это тогда не обратил никакого внимания...

В Париже я, как говорят, живьем встретился с одиннадцатью физиками, работающими в одной с нами области, (одним из Обнинска, двумя из

Дубны, немцем, израильтянином, румыном, двумя американцами, двумя англичанами и французом турецкого происхождения) и прочитал за Андрея Николаевича его доклад. Поскольку все они были предупреждены об этом моим профессором заранее, поэтому никаких сложностей с зачитыванием доклада не возникло.

— Нашего полку прибыло! — радостно заявил по окончании доклада американец китайского происхождения, бывший на этом заседании председателем нашей секции, а француз турецкого происхождения немедленно предложил перенести заседание нашей секции в ближайшее кафе, что мы с удовольствием и сделали.

Поскольку это был мой первый выезд за границу, то еще до моего вылета в Париж Андрей Николаевич предложил мне воспользоваться конгрессом, чтобы немного ознакомиться со страной, ее столицей, городами, парижскими и загородными музеями. Короче, я задержался во Франции еще на неделю после окончания конгресса...

Представляете, как я горел нетерпением рассказать Андрею Николаевичу и Надежде (прежде всего Надежде) о Париже, о конгрессе, о докладе, о его продолжении в кафе, о наших коллегах... Обо всем, что увидел после конгресса.

В тот же день после возвращения я позвонил в квартиру Виноградовых. Пит, как обычно, поднял радостный лай и стал бегать вокруг меня, норовя лизнуть в лицо.

— Прежде, чем ты зайдешь к папе, я должна тебе кое-что рассказать, — сказала, открывая мне дверь, Надежда и провела меня почему-то на кухню. — Эксперимент удался лишь частично. Папа потерял одно наше измерение и приобрел одно чужое измерение.

— Господи, Надя, о чем ты говоришь?

— Все дело в том, что напрасно папа согласился с предложением смежников... Это они настояли, что не следует сразу же переходить из одной системы координат в другую, а целесообразно менять координаты по одной.

— Ничего не понимаю... Объясни подробнее!

Надежда вкратце объяснила мне ситуацию и ввела в суть эксперимента, о котором я ничего раньше не знал.

Итак, для начала Андрей Николаевич и смежники решили проводить эксперимент по изменению координат поэтапно. Сначала только одну координату, потом две, и наконец три. Более того, они предусмотрели предварительное проведение эксперимента на животных, а уже потом на человеке. Наиболее подходящим способом изменения координат обе стороны считали создание такого лекарства, приняв которое, объект испытания — будь то животное или человек — безболезненно сможет изменить свои координаты. Создание и поставку лекарства смежники брали на себя — у них уже был в этом большой опыт. Именно благодаря этому они могли постоянно посещать нашу цивилизацию. При этом им удавалось длительное время водить нас за нос, создавая видимость, что они прилетают с других звезд и планет. Пока Андрей Николаев не выступил на съезде уфологов со своим сенсационным открытием...

Вот тогда смежники и решили вступить в контакт с Андреем Николаевым и вышли в конце концов на профессора Андрея Николаевича Виноградова.

Первый этап экспериментов по обоюдному согласию проводили на Пите. Я выразился неточно. Имеется в виду не по обоюдному согласию с Питом, а по обоюдному согласию между профессором и смежниками. Согласия Пита никто не спрашивал. Перед началом транспортиации пса, профессор и его дочь сводили Пита на прием к ветеринару, который документально подтвердил то, что они и без врача знали — состояние здоровья собаки отличное и никаких опасений не вызывает.

Когда я приходил прощаться перед полетом в Париж, эксперимент уже начался, и Пит успел потерять одну нашу координату и приобрести взамен ее координату в смежном пространстве. Именно поэтому он в тот день не подошел ко мне. Он вовсе не приклеивался к стене: лишившись одной нашей координаты, Пит в нашей системе координат стал плоским. Вот от чего он был грустным. Пес просто не мог понять, что с ним произошло. Жаль, что я тогда не обратил на это никакого внимания... А ведь я упустил возможность увидеть уникальное явление — двумерный для моего восприятия пес!

Итак, для начала Пита лишили объема — по нашим восприятиям. Потом оставили ему только одну нашу координату. И наконец целиком переправили в смежную систему координат. Ровно сутки подопытный пес прожил в смежной системе координат. После этого его стали поэтапно возвращать к нам.

Через день он обрел снова одну нашу координату, на следующий день — вторую, пес стал плоским. Наконец, он полностью возвратился в нашу систему координат.

Профессор и его дочь снова сводили Пита на прием к ветеринару, который, разумеется, никаких отклонений в показаниях не обнаружил. Более, чем пес, ветеринара обеспокоили его хозяева. Тем, что — без видимых причин — опасались за здоровье своего питомца, которого врач обследовал всего неделю тому назад.

Итак, первый этап эксперимента — на животном — прошел блестяще, и было решено немедленно приступить ко второму этапу — на человеке. Здесь уже роль объекта для транспортиации отводилась самому профессору. Как вы понимаете, именно в преддверии этого этапа Надежда не смогла лететь в Париж...

Начался второй этап эксперимента. Перед сном профессор принял одну таблетку из трех, лежавших у него на прикроватной тумбочке. Надежда пожелала отцу спокойной ночи и удачи. Перед тем, как выйти из комнаты, она еще раз посмотрела на отца и сказала:

— Ни пуха, ни пера!

— К черту! — ответил Андрей Николаевич.

На следующее утро Надежда постучала в дверь отцовской комнаты и, как было оговорено заранее, не дожидаясь ответа, открыла дверь.

Отец лежал в постели. Он стал по нашим понятиям плоским, но дочь хорошо понимала, что третья его координата транспортировалась в другую систему координат. Тем более, что на примере Пита Надежда была уже

приучена к такому плоскому восприятию объектов эксперимента. Она приняла все, как должное.

Вечером того же дня дочь положила в щель плоского рта профессора вторую таблетку. Она снова пожелала отцу спокойной ночи и удачи. И опять, перед тем, как покинуть комнату, Надежда сказала:

— Ни пуха, ни пера!

И ей даже показалось, что она услышала в ответ:

— К черту!

На следующее утро Надежда снова постучала в дверь профессорской комнаты и снова, не дожидаясь ответа, открыла дверь. Плоский отец все также, как вчера, лежал в постели. За ночь ничего не изменилось. Надежда поняла, что эксперимент дал сбой — вторая координата профессора не транспортировалась в другую систему!

«Возможно для этого требуется больше времени», — решила дочь.

Оставалось только ждать.

Тут мне придется дать разъяснения. По непонятным мне причинам смежники ни с кем, кроме профессора, до сих пор не контактировали. Поэтому профессорской дочери ничего не оставалось, как ждать.

Прошло несколько дней. Профессор оставался двухмерным.

Прошло еще несколько дней — и тут я прилетел из Парижа. Моя любимая вздохнула с облегчением — проблема, разделенная на двоих, ответственность, разделенная на двоих, становится вдвое легче. Именно с моим возвращением были связаны все надежды у Надежды — прошу прощения, я совсем не хотел каламбурить.

Теперь я должен был оправдать ее ожидания. Но каким образом? Этого я не знал! Единственно, что я мог посоветовать — ждать, когда и каким образом проявятся участники эксперимента из смежной системы координат. Ведь не могли же они бросить своего коллегу в беде! Наверняка, они сейчас ищут способ для исправления какой-то допущенной ими же ошибки. И возможно уже нашли! Жаль, что Андрей Николаевич не посвятил Надежду в то, каким образом он связывался со смежниками. Или они с ним.

Как ни странно, но, наговорив подобной чуши, я и сам немного успокоился.

Два дня прошли в ожидании. Я переселился в квартиру Виноградовых — не мог же я, в самом деле, оставлять Надю одну с плоской проекцией ее отца на кровати — всем, что оставалось от профессора...

Прошла еще неделя. Однажды я включил компьютер профессора, набрал свой пароль и прочитал адресованное мне обращение неизвестного мне корреспондента. Автор послания сообщал, что никакого нарушения в ходе эксперимента нет. Именно так было запланировано участниками эксперимента из смежной цивилизации с самого начала. Ибо их целью было вовсе не транспортировать профессора в свои координаты, а отбить у него (и у всякого другого, например, у меня или Надежды — они и это предусмотрели!) всяческое желание проникнуть в их цивилизацию. Сейчас третье измерение профессора Виноградова находится вовсе не в одной из их координат, а в координате, которая не принадлежит ни нашей, ни их цивилиза-

ции. (Теперь, надеюсь вам понятно, почему с самого начала я говорил о седьмой координате! Три наши, три координаты смежников и седьмая координата, куда они ухитрились отправить третье измерение доверившегося им Андрея Николаевича!)

На этом сообщение заканчивалось. Надя удивилась, что в нем нет никакой информации о том, как вернуть ее отца в нормальное трехмерное измерение нашей цивилизации. Пришлось мне придумывать, что смежники сделали это специально. Что они дают нам понять: все, происшедшее с Андреем Николаевичем, не случайно. Они дают нам время привыкнуть к этому. А метод выхода из сложившегося состояния будет сообщен нам, когда мы поймем истинные цели смежников и их возможности по транспортации.

Теперь мы знали, каким образом профессор контактировал со своими коллегами из смежной цивилизации!

И действительно, прошло еще три дня, и я получил второе послание от смежников. Они ставили нас в известность о том, что не испытывают никакого желания видеть кого-либо из нашей системы координат в своей системе, ибо опасаются негативных последствий такого посещения. Им хорошо известна агрессивность человеческой цивилизации, господствующей в нашей системе координат. Примеры тому — различные виды оружия массового уничтожения — ядерного, химического, бактериологического, хранящегося в арсеналах многих государств, а также неконвенциональные способы ведения войны, используемые некоторыми наиболее агрессивными и фанатическими представителями нашей цивилизации. Уже сейчас каждое испытание ядерного оружия в наших странах, будь то на земле, под землей или под водой, сотрясает их мир. Даже локальные взрывы во время террористических актов в наших кафе или автобусах и то отдаются у них недобрым эхом... Не говоря уже о постоянных войнах и революциях. Поэтому они вынуждены принимать меры по защите своей цивилизации от возможного нашего желания проникнуть к ним в будущем.

Однако, руководствуясь гуманными соображениями, они все же решили предоставить профессору Виноградову возможность выбора.

Или они возвращают профессора Виноградова в нормальное трехмерное измерение, какое было у него с самого рождения, и тогда уфолог Андрей Николаев должен выступить с заявлением, что его утверждение о наличии смежной цивилизации было розыгрышем, и он отрекается от него!

Или они предоставляют полное право бывшему уфологу Андрею Николаеву выступать с какими угодно заявлениями об их цивилизации, но в таком случае они не станут возвращать профессора Виноградова в нормальные для нас трехмерные координаты!

— Соглашайся, папа, и возвращайся к нам поскорее! — обратилась дочь к Андрею Николаевичу, но профессор только отрицательно pokrutil свое двумерное лицо. — Но почему?

— Как ты не понимаешь? — объяснил я ей за профессора. — Ведь здесь стоит вопрос не об обратной транспортиции Андрея Николаевича. Стоит вопрос об отречении ученого от своих убеждений!

— Ну и что! Галилео Галилей отрекся и не стал от этого менее великим!

— А вот Джордано Бруно не отрекся и взошел за свои убеждения на костер, — неосторожно напомнил я.

— Ну и что? Что он от этого выиграл? Его больше уважают, чем Галилея?

— Хорошо, — говорю я. — Сроков они нам не назначили. У Андрея Николаевича есть время подумать. Как он решит, так и сделаем. А пока эти смежники подали мне мысль... Сейчас у нас главная проблема в общении с твоим отцом — это то, что мы не можем слышать его голос. Значит, задача состоит в возможности управления клавиатурой компьютера по его желанию. Если мы положим клавиатуру компьютера рядом с ним на постель и...

Короче, мы нашли способ переговариваться с Андреем Николаевичем через экран компьютера... Перед нами открылись интереснейшие возможности для научных исследований!..

В это время к нашему столику подошел и уселся, не спросив на то нашего согласия, молодой угрюмый парень, с виду лет двадцати пяти. Он молча поставил на стол свою кружку пива, удобно расположился на стуле, отхлебнул пивка и после этого сказал моему собеседнику:

— Папа, мама просила тебя долго не засиживаться здесь. Ты можешь понадобится деду...

Мой собеседник допил свое пиво, поднялся, посмотрел мне в глаза и ответил на мой немой вопрос:

— Профессор все еще не принял окончательного решения...

Кивнул мне и вышел из бара...

2. Вторая степень защиты

В аэропорт я приехал заблаговременно и уютно расположился в кресле в ожидании начала регистрации пассажиров. Углубившись в свои размышления, я сначала не заметил, что регистрация почему-то задерживается. Однако спустя часа полтора я все же посмотрел на часы, на огромное табло в зале ожидания и сообразил, что информация о моем рейсе почему-то отсутствует. В справочной мне вежливо сообщили, что мой рейс откладывается по техническим причинам, и посоветовали следить за объявлениями.

Я снова уселся в кресло и в который раз стал перебирать в своей памяти рассказ человека, с которым случайно оказался за одним столиком в пивном баре этого города. Его рассказ ошеломил меня. Я все время пытался представить себе жизнь в нашем объемном мире плоского человека — человека, лишённого третьей координаты! — и не мог. Вы только представьте себе — в течение многих лет — да что там лет! — в течение десятилетий ученый сознательно обрекает себя на плоское существование. И не только себя обрекает, а подчиняет всю жизнь самых близких ему людей — дочери, зятя, внука — только одной цели: служению ему, ученому, поставившему эксперимент на самом себе! Тут было что-то сродни подвигу тех врачей, которые заражали себя холерой, тифом, чумой, чтобы убедиться в дей-

ственности созданной ими вакцины, чтобы потом спасти жизни сотен тысяч и даже миллионов неизвестных им людей. Но здесь не стоял вопрос о человеческих жизнях. Просто исследовалась еще одна научная проблема. Ну, пускай не одна, возможно, не только научная... Все равно такое подвижничество профессора и его близких не могло оставить меня равнодушным.

Я представил себе, сколько бытовых проблем им приходилось и приходится решать ежедневно — прием пищи, поддержание температуры тела, умывание, бритье, зарядка и вообще физические упражнения, смена белья, утилизация отходов жизненных процессов — и мне стало не по себе.

Несмотря на всю фантастичность рассказанного, я все же допускал, что услышанное мною не выдумка. Тем не менее, что-то в рассказе этого человека — на уровне подсознания — меня смущало. Я не мог точно сказать, что именно, и пытался сформулировать для себя, какая именно деталь рассказа вызывает у меня если не возражения, то сомнения.

Я прокручивал ленту событий, иногда возвращаясь назад и уточняя детали.

Итак, мой случайный собеседник рассказал мне, что его тесть профессор Андрей Николаевич Виноградов пришел к выводу, что земное пространство не трехмерно, а многомерно, что реальный мир имеет не три пространственные координаты, как мы привыкли считать, а значительно больше. Более того, в многомерном Земном пространстве, кроме нашего трехмерного мира, существует еще один реальный мир со своими тремя, не такими, как у нас, координатами. Таким образом, многомерность Земного пространства позволяет нам в своих трех координатах и им в их трех координатах существовать, жить и развиваться независимо друг от друга.

Профессор обнаружил также, что цивилизация, существующая в трех смежных с нами координатах, намного опережает нашу и ее представители умеют переходить из своих трех координат в наши три координаты, а затем возвращаться обратно.

Все это было вполне логично и пока не вызывало никаких возражений.

Профессор Виноградов сумел установить контакт с представителями смежной цивилизации (которых мой знакомый для сокращения называл смежниками). Хотя, скорее всего, они сами установили с ним контакт после того, как профессор пришел к выводу, что представители смежной цивилизации постоянно посещают нашу цивилизацию, и при этом им удается водить нас за нос, создавая видимость, что они прилетают с других звезд и планет.

Конечно же, все было не так. Ну, откуда было знать в смежной цивилизации об одном из многих профессоров одного из провинциальных университетов?

Все было по-другому.

Все началось с того сенсационного заявления, с которым выступил на конгрессе уфологов некто Андрей Николаев. Да нет, не некто, а авторитетнейший, знаменитый, прославленный специалист по внеземным цивилизациям Андрей Николаев.

Итак, на одном из конгрессов по внеземным цивилизациям слово предоставили легендарному уфологу Андрею Николаеву, и тот неожиданно для всех сделал сенсационное заявление, что все известные случаи встреч с внеземными цивилизациями — не что иное, как блеф, что они являются встречами с представителями нашей же, Земной, цивилизации, только имеющими другие измерения. Николаев заявил, что представители смежной, но тоже Земной цивилизации постоянно посещают нашу цивилизацию. После этого ошеломляющего заявления Андрей Николаев покинул трибуну.

Друзья и единомышленники Николаева по поискам контактов с разумными внеземными цивилизациями тут же прекратили с ним всяческие земные контакты. Его перестали приглашать на конференции, съезды, симпозиумы. Средства массовой информации тут же сообразили, что любое упоминание имени заблудшего уфолога Николаева не только нежелательно, но даже нетактично.

Вот тогда-то Николаевым и должны были заинтересоваться представители смежной цивилизации. Они должны были выяснить, что не существует уфолога Андрея Николаева, а есть реальный профессор Андрей Николаевич Виноградов, который подписывает свои уфологические работы соответствующим псевдонимом. Поэтому смежники и установили контакт с профессором.

И это тоже пока не вызывало у меня никаких возражений. Что же было дальше?

Для начала смежники предложили Андрею Николаевичу принять участие в эксперименте по транспортиции — изменению координат.

Нет, не так. Прежде всего, они предложили провести предварительно эксперимент по транспортиции на животном, а уже потом на человеке, причем — поэтапно. Сначала изменить только одну координату, потом две, и наконец, три. Наиболее подходящим способом изменения координат обе стороны посчитали применение такого лекарства, приняв которое, животное или человек безболезненно сможет изменить свои координаты. Поскольку у смежников уже был опыт применения такого лекарства для постоянного посещения нашей цивилизации, то они решили поделиться своим лекарством с Андреем Николаевичем Виноградовым.

Я представил себя на месте смежников. Даже локальные взрывы во время террористических актов в наших кафе или автобусах отдаются у них, в их координатах недобрым эхом... Не говоря уже о войнах и революциях. Поэтому они вынуждены принять меры по защите своей цивилизации от возможного нашего желания проникнуть к ним в будущем. Однако до поры до времени смежники решили ничего не говорить профессору об этом.

После успешной транспортиции собаки в другую систему координат, немедленно приступили ко второму этапу испытаний — на человеке.

Перед сном профессор принял одну таблетку из трех, лежавших у него на прикроватной тумбочке.

Когда на следующее утро дочь вошла в отцовскую комнату, в постели лежал плоский — по нашим понятиям — профессор: третья его координата транспортировалась в другую систему координат.

Вечером того же дня дочь положила в щель плоского рта профессора вторую таблетку. Однако эксперимент дал сбой — вторая координата профессора не транспортировалась в другую систему координат!

Вот тут-то и обнаружилось коварство замысла представителей смежной цивилизации! Они заявили, что никогда не желали и не желают впредь видеть кого-либо из нашей системы координат в своей системе координат. Из опасения негативных последствий такого посещения. Им хорошо известна агрессивность господствующей в нашей системе координат человеческой цивилизации: различные виды оружия массового уничтожения — ядерного, химического, бактериологического в арсеналах многих государств, неконвенциональные способы ведения войны, используемые агрессивными и фанатическими представителями нашей цивилизации.

Однако, руководствуясь, как они выразились, гуманными соображениями, смежники все же решили предоставить профессору Виноградову возможность выбора. Или они возвращают профессора Виноградова в нормальное трехмерное измерение, какое было у него с самого рождения, и тогда уфолог Андрей Николаев должен выступить с заявлением, что его утверждение о наличии смежной цивилизации было розыгрышем, и он отрекается от него! Или они предоставляют полное право бывшему уфологу Андрею Николаеву выступать перед любой аудиторией с какими угодно заявлениями об их цивилизации, но в таком случае они не станут возвращать профессора Виноградова в нормальные для нас трехмерные координаты! (Интересно, как они представляют себе такие выступления перед аудиторией уфолога Николаева, если уфолог Николаев, имея общее тело с профессором Виноградовым, стал плоским?)

Профессор Виноградов решил не торопиться с обратной транспортиацией, ведь перед ним открылись интереснейшие возможности для научных исследований!.. (Как сказал мне при прощании в баре его зять: «Профессор все еще не принял окончательного решения...»). Сначала дочь и зять, а потом и внук подчинили свои жизни одному, посветили себя только единой цели — помощи ученому, поставившему эксперимент на самом себе! И так изо дня в день — почти что тридцать лет!

Тридцать лет! Целых тридцать лет! Было чему восхититься.

И все это на фоне того обмана, который совершили представители смежной цивилизации.

Хотя почему — обмана? С их точки зрения это совсем не обман, а защитная операция. Операция по защите своей цивилизации от попыток вторжения нашей цивилизации, нашей возможной агрессии, если угодно. Странно, что они предусмотрели только одну степень защиты от нас.

Стоп! А кто сказал, что они предусмотрели только одну степень защиты? Это я сказал! Значит должна быть — как минимум! — еще одна степень защиты! Какая?

Я непрестанно прокручивал в своем мозгу ленту событий, снова и снова анализируя и уточняя детали.

Наиболее подходящим способом изменения координат обе стороны посчитали применение такого лекарства, приняв которое животное или

человек безболезненно сможет изменить свои координаты. Почему обе стороны так посчитали? Да потому, что у смежников уже был опыт применения такого лекарства для постоянного посещения нашей цивилизации.

Откуда это известно? Да от них же самих! А если они и здесь соврали? Нет, не соврали, а просто скрыли истинную информацию о том, как они изменяют координаты? Что тогда?

А то, что истинный способ изменения координат совсем другой, а таблетки — это отвлекающий маневр, вторая степень защиты! Каков же тогда настоящий способ изменения координат?

Какой бы я сам применил способ изменения координат?

Какой?

Скорее всего, я бы для изменения координат занялся изменением полей: электрических, магнитных, гравитационных. Каких там еще? Боже, как мало я знаю в этой области!

Но в чем абсолютно уверен: действовать надо не таблетками, а изменением полей!

Неужели профессор Виноградов и его помощники не додумались до этого? Или додумались?

Я спешно раскрыл свой переносной компьютер.

Какой телефон у Виноградова Андрея Николаевича?

Господи, сколько Виноградовых А. Н. в этом городе! Долго перебирать...

Нет, надо по-другому. Вот сайт местного университета. Нет, профессора Виноградова А. Н. у них нет. А дочь его, Надежда — Виноградова Надежда Андреевна есть? Тоже нет?

Нет, кажется, есть! Доцент Виноградова-Позднякова Н. А. И еще профессор Поздняков Сергей Захарович. Должно быть — это ее муж, мой собеседник в пивном баре...

Радость-то какая! Приведены оба телефона — и домашний, и на кафедре!

Я набрал номер домашнего телефона:

— Сергей Захарович? Доброе утро. Это Ваш вчерашний собеседник в пивбаре... Помните такого? Вот и прекрасно... Тысяча извинений. Мне надо сообщить вам нечто важное. Срочно... Нет, по телефону нельзя... Откуда говорю? Из аэропорта. Хорошо, записываю адрес... Встретите возле подъезда? Чудесно! Выезжаю. Через полчаса буду у вас.

Я выскочил на площадь перед зданием аэровокзала.

По радио извещали о начале регистрации на мой рейс.

— Такси, такси!

Возможно, я еще успею вернуться до окончания посадки на мой рейс...

Я назвал адрес.

Мой вчерашний собеседник с сыном ждали меня у подъезда.

— Сергей Захарович, они вас обманули! — закричал я, едва выйдя из машины. — Таблетки...

Я не успел закончить фразу: «Таблетки — это отвлекающий маневр», как Сергей Захарович взглядом и жестом приказал мне замолчать. У меня хватило ума — хоть с опозданием — сообразить: они опасаются, что на улице смежники могут их подслушивать. Очевидно, в квартире имеется экрани-

рование против подслушивания. Сергей Захарович с сыном молча провели меня к лифту, затем к своей квартире, молча открыли в двери не менее трех замков, молча впустили меня в коридор квартиры, весь уставленный какими-то металлическими конструкциями, молча заперли за собой дверь — и только после этого разрешили мне заговорить.

— Таблетки — это отвлекающий маневр, — взволнованно сообщил я. — Изменения координат нужно осуществлять изменением полей: электрических, магнитных, гравитационных. Или еще каких-то, пока не знаю каких.

— Да, — подтвердил Сергей Захарович. — Вы абсолютно правы: изменения координат можно и нужно осуществлять изменением полей. Этими исследованиями мы и занимаемся последние двадцать пять лет. И даже достигли кое-каких успехов... По крайней мере, Андрей Николаевич и его внук, наш старший сын Николай, (тут сын Сергея Захаровича впервые улыбнулся мне и слегка наклонил голову) за последние два года неоднократно транспортировались из одной системы координат в другую...

В такси по дороге в аэропорт и в самолете я имел возможность поразмышлять над тем, почему же при прощании в баре Сергей Захарович сказал мне несоответствующую истинному положению вещей фразу:

— Профессор все еще не принял окончательного решения...

Ведь эксперименты, и весьма успешные, шли уже полным ходом. Значит, это была сознательная дезинформация?

Вот именно, поскольку я был для него посторонним человеком, возможно даже агентом смежников, Сергей Захарович обязан был предусмотреть в разговоре со мной достаточную степень защиты.

3. Рутинный «выход в открытый космос»

Может быть, кто-то из читателей уже читал мои рассказы о профессоре Виноградове Андрее Николаевиче, его дочери доценте Виноградовой-Поздняковой Надежде Андреевне, его зяте профессоре Позднякове Сергее Захаровиче и внуке профессора Виноградова Позднякове Николае Сергеевиче, старшем сыне четы Поздняковых? Впрочем, пока он еще просто Николай, Коля, Коленька, но не за горами то время, когда студенты будут и его уважительно величать по имени-отчеству. Так читали или не читали?

Впрочем, это не имеет принципиального значения. Просто я обязан предупредить тех, кто читал (если они захотят повторить эксперименты этой семьи), от возможных ошибок, от которых оказались не застрахованными даже такие классные специалисты, как семья Виноградовых и Поздняковых.

Для тех, кто не читал моих рассказов об этой семье и их многолетнем научном подвиге, придется дать необходимые пояснения, Впрочем, весьма краткие. Настолько краткие, что, надеюсь, они не утомят тех читателей, которым уже известно кое-что из жизни этого необыкновенного семейства.

Все началось с того, что профессор Андрей Николаевич Виноградов обнаружил, что земное пространство не трехмерно, а многомерно, то есть наш мир имеет не три пространственные координаты, как принято считать, а значительно больше.

Как сумел установить профессор А. Н. Виноградов, смежная с нами цивилизация существенно опережает нашу в своем развитии, а их представители умеют переходить из своих трех координат в наши три координаты, а затем возвращаться обратно.

Когда смежники узнали об открытии профессора Виноградова, они вступили с ним в контакт и предложили ему принять участие в совместном эксперименте по транспортиции из нашей системы координат в их систему координат — и обратно. Как обычно принято в науке, сначала эксперимент провели на животном, пуделе по имени Пит. Транспортиация Пита прошла успешно.

Следующий эксперимент — опять же, как это принято в науке — ученый провел на себе. И тут эксперимент, до этого удачно проведенный на собаке, дал сбой. Профессор стал по нашим понятиям плоским, поскольку одна из его координат транспортировалась в другую систему координат. Но вторую координату ученого транспортировать в другую систему координат не удалось.

Впоследствии выяснилось, что никакого нарушения в ходе эксперимента не было. Именно такой результат запланировали участники эксперимента из смежной цивилизации с самого начала, так как их целью было отбить у кого бы то ни было желание проникнуть в их цивилизацию. Оказалось также, что третье измерение профессора Виноградова находится вовсе не в одной из координат смежной цивилизации, а в координате, которая не принадлежит ни нашей, ни их цивилизации.

При этом, однако, — и это они особенно подчеркивали — руководствуясь гуманными соображениями, смежники решили предоставить профессору Виноградову возможность выбора. Или профессор отрекается от своих утверждений о наличии смежной цивилизации и не публикует о ней ничего ни под своей фамилией, ни под псевдонимом — и тогда они возвращают его в нашу нормальную трехмерную систему координат, именно ту, которая была у него с самого рождения. Или ученый волен делать какие угодно заявления об их цивилизации на конференциях и симпозиумах, но тогда они не станут возвращать его в нормальные для нас трехмерные координаты. Юмор заключался в том, что делать заявления на конференциях и симпозиумах, будучи лишенным третьей координаты, практически невозможно. Смежники просто-напросто вывели профессора Виноградова из строя.

Их тоже можно понять. Они хотели, нет, они были обязаны, именно обязаны защитить свою цивилизацию от нашей, с нашими постоянными классовыми, расовыми, религиозными, межнациональными, межпартийными, групповыми распрями, стычками, конфликтами, войнами. Войнами объявленными и необъявленными... Войнами с применением конвенционального и неконвенционального оружия, ядерного, химического, бактериологического оружия, оружия массового уничтожения и пытками в одиночных тюремных камерах. Массовым террором, захватом заложников,

взрывами, концлагерями... И все это во имя великих идей, великих целей, светлого будущего для всего человечества или ради кучки его лучших представителей...

Но вот что любопытно: истинный ученый Виноградов решил не торопиться с обратной транспортиацией, поскольку — благодаря аномальности его координат — перед ним открылись интереснейшие возможности для научных исследований. В результате этого решения, жизнь всей семьи — сначала профессора, его дочери и зятя, а потом и внука — подчинялась только одной цели: эксперименту ученого на самом себе! И так почти тридцать лет, изо дня в день, изо дня в день!

Прежде всего, ученые выяснили, что смежники сообщили профессору Виноградову ложный способ изменения координат: якобы с помощью лекарства, приняв которое можно безболезненно менять свои координаты. Смежники намеренно скрыли от профессора истинный способ изменения координат путем изменения электрических, магнитных, гравитационных или еще каких-либо, ранее неизвестных полей. Профессор и его помощники занялись поиском возможности изменения координат сначала путем изменения электрических, магнитных, гравитационных или других, ранее неизвестных полей, а потом различных сочетаний этих полей.

Вот тут-то и проявились конструкторский талант и производственные качества Сергея Захаровича Позднякова, зятя профессора Виноградова. Это он разработал и изготовил уникальную аппаратуру для транспортиации и для управления транспортиацией. Причем такого управления, которым можно было пользоваться, как находясь в наших, так и в чужих координатах. И все это он умудрился проделывать скрытно, в условиях полной конспирации, не вызывая подозрений ни у смежников, ни у работников местного университета.

Выручало, однако, принятое мнение, что ученые имеют право на чудачества. Весь университет добродушно посмеивался над причудами сначала доцента, а потом и профессора Позднякова, которые выражались в коллекционировании старой аппаратуры, даже с других факультетов. Завлабы и завкафедрами охотно избавлялись от списанной аппаратуры и устаревшего оборудования, передавая их профессору Позднякову. А уж как ее приспособивал для своих целей Сергей Захарович, никого не интересовало.

Многолетние поиски увенчались успехом, и стали профессор Андрей Николаевич Виноградов и его внук Николай транспортироваться, или, проще говоря, перемещаться, гулять из одной системы координат в другую и обратно.

И вдруг — после серии удачных экспериментов и радостей от первых побед — неожиданный сбой! Впрочем, лучше всего предоставить слово участникам эксперимента и рассказать о нем в том виде, как они сами мне о нем рассказали.

Мы сидим в гостеприимной (правда, для очень и очень узкого круга людей) квартире семьи ученых Виноградовых и Поздняковых. По правде

говоря, мне даже кажется, что этот круг ограничен одной моей персоной. С разрешения хозяев, на столе лежит мой диктофон, запись которого должна мне пригодиться для этого рассказа, а хозяева посвящают меня в главные подробности своего удачного или неудачного (судите сами!) эксперимента.

Скажу больше, они сами оказали мне доверие, пригласив меня и попросив, для исключения ошибок при пересказе, записать этот их коллективный рассказ на магнитофон. Единственное поставленное ими условие касалось того, когда я смогу это опубликовать. Забегая вперед, отмечу, что я выполнил это условие...

Андрей Николаевич Виноградов, глава семьи: Все объясняется очень просто. Мы все время были настроены на ожидание очередных происков со стороны смежников. И не удивительно: сначала они обманули нас по-крупному, указав тупиковое направление для транспортиации из одной системы координат в другую — транспортиации путем принятия таблеток. Потом они начали обманывать нас по-мелкому: Пита транспортировали туда и обратно, создавая видимость, что таблетки действуют успешно и без вредных последствий. А затем они поместили меня между небом и землей, точнее изменили мне только одну координату, фактически сделали меня плоским и оставили в таком состоянии.

Сергей Захарович Поздняков, отец Николая: Именно поэтому мы были вынуждены скрывать свои результаты от всех и вся, чтобы они не стали достоянием смежников. Мы даже вас, наш дорогой гость, изначально подозревали в том, что вы — агент смежников. Поэтому я и сказал вам при первой нашей встрече: — «Профессор все еще не принял окончательного решения» (о возвращении в свои обычные координаты), хотя мы уже овладели транспортиацией с помощью полей. К счастью, вы сразу же дали нам доказательства, что не являетесь их агентом. Какие доказательства? А то, что вы поделились с нами своей догадкой: — «Таблетки — это отвлекающий маневр. Изменения координат нужно осуществлять изменением полей».

Надежда Андреевна Виноградова — Позднякова, мать Николая: Это был серийный эксперимент. Мы их зовем рутинными. Ничего особенного мы от него не ожидали. Набор статистики, не больше. Коленька возвратился точно в срок, без каких-либо задержек. Он всегда старался возвращаться в срок, без задержек. Чтобы излишне не волновать меня. Я, как обычно, тщательно осмотрела его. Это у нас такой защитный ритуал — мало ли что непреднамеренно можно притащить из смежных координат. Или — наоборот — уронить там. Так что каждый, побывавший у смежников, обязан пройти тщательный осмотр кем-либо из оставшихся дома. Обычно эта обязанность лежит на мне. Что-то в Коленькиной внешности на этот раз меня насторожило. Я даже не сразу сообразила, что именно. Еще раз внимательно посмотрела на его лицо — и все поняла. У Коленьки с самого детства над правой бровью был незаметный шрам, след от падения с дерева. Так вот, после этого эксперимента шрам оказался не над правой бровью, а над левой. Абсолютно симметрично. И все. Я, конечно, ничего ему об этом не сказала, только предложила: «Знаешь что? Не будем на этот раз ходить на проверку к врачу, Я сама сделаю тебе кардиограмму и сама сердце прослу-

шаю. Не возражаешь?» — «Нет, конечно». — «Вот и чудесно!» Прослушивание сердца и кардиограмма подтвердили мои самые худшие предположения: сердце у Коленьки или того, кого нам вместо него возвратили, оказалось не с левой стороны, а с правой.

Коля: Обычно после возвращения из смежных координат мы устраивали небольшой праздник, семейный ужин в полном составе. А тут мама говорит: «Коленька, у деда что-то голова разболелась. Я тебя прошу, ты поешь на кухне один. А я к нему на пять минут схожу и быстро вернусь». И ушла... Ну, я положил себе в тарелку еды и стал ужинать один.

Надежда Андреевна: Когда я обнаружила, что нам, вместо Коленьки, прислали его зеркальную копию, я прежде всего испугалась: что случилось с настоящей Коленькой? Где сейчас мой сын и какие неприятности ожидают его в плену у смежников?

Сергей Захарович: Я в это время был в комнате у Андрея Николаевича. Заходит Надя, держится вроде спокойно, а у самой, можно сказать, страх написан на лице: «Кажется, нам, вместо Коленьки, прислали копию, причем зеркальную». Андрей Николаевич говорит: «Не надо паниковать, Наденька. Может, это и есть Коля».

Надежда Андреевна: Я спрашиваю папу: — «А как узнать?» — «Очень просто. Если он в нашем мире почувствует себя некомфортно и скажет нам об этом, значит это настоящий Коля».

Сергей Захарович: Мы хорошо помнили любимую фразу Андрея Николаевича: «Не считай оппонента умнее тебя, но и глупее себя тоже не считай!» Особенно ее первую часть «Не считай оппонента умнее тебя», не особенно задумываясь над смыслом ее второй части «но и глупее себя тоже не считай!» А ведь в данном случае она означала, что не могли наши смежники, наши оппоненты, подготовив замену Коли своим дублером так грубо, так заметно ошибиться и сделать дублера зеркальной копией Коли. — «Надо поскорее все проверить», — говорю я. — «Иди с ним из дома, — командует Андрей Николаевич, — и посмотри, как он будет улицу переходить. Если он стал зеркальным, значит, для него естественным будет левостороннее движение транспорта, а не наше, правостороннее». Пошел я на кухню, а там наш сын правша Николай со шницелем расправляется: вилку держит правой рукой, а нож в левой. Как Штирлиц в известном анекдоте о полковнике Исаеве... Ничего не сказал я ему об этом, только предложил пройтись подышать воздухом.

Коля: Каждая транспортировка из нашей системы координат в смежную систему и обратно требует такого напряжения сил, что мы называем ее между собой «выходом в открытый космос». После возвращения не сразу приходишь в себя. А тут, когда отец предложил пройтись и подышать свежим воздухом, я очень обрадовался.

Сергей Захарович: Светофор у нас, как и везде, на углу. От нашего подъезда это далековато. Вот мы и привыкли переходить дорогу не у светофора, а сразу после выхода из подъезда. Посмотришь по сторонам налево-направо, и быстренько через дорогу. Коля вышел из подъезда первым, я за ним. Я даже опомниться не успел, как слышу визг тормозов и крик возмущенного шофера: «Куда прешь, идиот?! Налижутся до бровей, а ты за

них потом отвечай...» Смотрю, а перепуганный Коля в прямом смысле улегся животом на капот автомобиля. Помог я ему слезть. «Ничего не ушиб?» — спрашиваю. — «Нет», — отвечает. — «Что же ты по сторонам не посмотрел?» — «Я смотрел». — «Куда ты смотрел?» — «Как положено, сначала налево (а сам направо показывает), а направо уже не успел посмотреть».

Коля: Автомобиль уехал, я говорю отцу: «Ты видишь, что он, как ехал, так и едет по левой стороне улицы!» А потом как закричу: «Да они все с ума посходили?! Посмотри: они все по левой стороне улицы двигаются!» А папа отвечает: «Успокойся, сынок, и прикрой глаза. Сейчас ты возьмешься за мое плечо... Никуда не смотри, только держись за меня. Мы вернемся домой и там все обсудим...»

Надежда Андреевна: Не успели Сережа с Коленькой выйти из дома, как тут же возвращаются и рассказывают, что только что автомобиль чуть не задавил Коленьку. Тут папа и говорит: «Все ясно, это наш Коля. Никто его нам не подменял. Просто он из правосторонней системы координат перешел в левостороннюю. Теперь надо его возвращать обратно в правостороннюю систему координат».

Андрей Николаевич: Все мы помним известную фразу: «Новое — это хорошо забытое старое». Но мало кто готов к встрече с хорошо забытым старым. И мы тоже не оказались исключением. Когда-то я теоретически установил, что реальный мир должен иметь не менее семи координат. Рассматривая — в чисто теоретическом плане — переход для трехмерных тел из одних триад координат к другим триадам координат, я показал, что такой переход должен обязательно выполняться при строго определенной последовательности смены координат. При несоблюдении этой последовательности, можно в результате транспортиции получить вместо исходного тела — другое, симметричное исходному. Говоря другими словами, можно вместо правосторонней системы координат перейти в левостороннюю. Поясню на пальцах, что это такое. Загните на своей правой руке два меньших пальца и растопырьте три больших. Вы видите, что обходить эти три пальца можно в двух различных направлениях — по часовой стрелке и против часовой стрелки. Одна из систем координат будет в таком случае правосторонней, а другая — левосторонней. Как видим, какая — правосторонняя или левосторонняя — система, получается, зависит от направления обхода. В результате, полученном нами в том эксперименте, мы сами нарушили привычную последовательность изменения координат. И в результате мы получили копию Коленьки, причем зеркальную. Смежники были здесь ни при чем!

Надежда Андреевна: Папа не зря говорил: «Не считай оппонента умнее тебя, но и глупее себя тоже не считай!» — смежники ни в чем не ошиблись, мы сами нарушили последовательность изменения координат и поэтому получили Коленьку в левосторонних координатах...

Сергей Захарович: Действительно, смежники оказались здесь ни при чем! Пришлось уточнить нашу инструкцию по транспортиции в части строгой последовательности изменения координат. Надя стала торопить нас с приведением Николая в исходное состояние...

Коля: Но я посоветовался с дедом и не стал торопиться с возвращением в исходную правостороннюю систему координат... Захотелось немного поэкспериментировать, находясь в зеркальном состоянии.

Надежда Андреевна: Пришлось нам привыкать общаться с нашим Коленькой, но существующим в зеркальном виде.

Сергей Захарович: И Коле, во время его существования в зеркальном виде, в левосторонних координатах, пришлось приспособливаться, чтобы общаться с нами и нашим миром... Зато материала он набрал не только на кандидатскую, а сразу на докторскую диссертацию...

Андрей Николаевич: Но это уже, как принято говорить, совсем другая история... А я безмерно счастлив, что Николай унаследовал мой характер, мой подход к научным исследованиям.

Надежда Андреевна: Папа, видите ли, безмерно счастлив... А обо мне они не думают! Что это у меня за судьба такая! Все время переживать за близких, делающих эксперименты на себе... Сначала за отца, потом за сына. Я ведь, в конце концов, не дух святой... Я обыкновенная слабая женщина. Не более...

Коля: Мама! Ты необыкновенная женщина, и совсем не слабая.

Надежда Андреевна: Не надо подлизываться! Они совершают научные подвиги, а я у них должна вкалывать за служанку, сиделку, кухарку, прачку...

Сергей Захарович: Нет. Не так. Ты первый в мире ученый, который увидел и длительно наблюдал не трехмерного, а двухмерного человека! И ты же первый в мире ученый, который обнаружил и длительно наблюдал живого человека в зеркальном для него состоянии. Вот ты у нас кто!

Об авторе

Доктор технических наук, родился в 1937 году на Украине. Окончил Московский авиационный институт. С 1995 года работает старшим научным сотрудником в Хайфском Технионе (политехническом университете) в Израиле.

Научно-фантастические произведения печатались в журналах «Знание-сила», «Наука и жизнь», в альманахе «Знание — сила. Фантастика». Автор книг «Спасибо, бабушка!», «Палатка Гаусса», «Это аномальное время», «Вторая встреча».

Владимир Молотил

Последний из каменщиков

В первые дни работы приятно пахли свежей резиной и пропиленовыми смазками, и Михалыча это почему-то забавляло. Но через недельку-другую они пропитались цементом и стали похожи на настоящих каменщиков. Во всех смыслах. Ведь внешность у них была, как у обычных мужиков.

Забавляла еще их неумная энергия. Михалыч как всегда, как много лет в подряд, приходил к восьми на работу, переодевшись, поднимался на строящийся этаж, а роботы, оказывалось, уже заканчивали кладку этажа. Их не пугал промозглый апрельский ветер, они не ложились спать, у них не было ни обеда, ни перекура – они работали круглосуточно. Лишь раз в месяц профилактический осмотр.

Михалыч присаживался на поддон с кирпичами, предусмотрительно подстелив старую пуховую телогрейку, наливал кофе из термоса и, прищуриваясь, едва улыбаясь, наблюдал за «этими неграми». (Движения у них были отточенные, качество кладки безупречное, тут придраться не к чему.) Конечно, Володю понять можно, рассуждал Михалыч, ведь и так последним, наверно, из всех прорабов заказал партию роботов. Чертовым куклам не надо платить зарплату, их не надо отправлять в отпуск и все такое. Но бывшие коллеги Михалыча, севшие на пособие – жалкую подачку от государства, теперь косо глядели на старшего товарища. А что ж тут поделаешь? Надо же как-то полгода до пенсии доработать. Спасибо Володе, что оставил.

Впрочем, жаловаться не приходилось. Володя отдавал Михалычу чисто символические объемы. Роботы пахали, как рабы, в поте лица (или морды, или что у них там?), не покладая рук (или лап, или что там у них?), а Михалыч, знай себе, излаживал кирпичи один к одному, не торопясь, себе в удовольствие, да еще посмеивался над чудо-каменщиками.

Но вот прошло недели три, и Михалычу стало скучно. Роботы успели надоесть, желание наблюдать за ними пропало. А поговорить было не с кем. Автоматические работяги, как подозревал Михалыч, имели минимальный словарный запас. Самое необходимое: вира, майна... кирпич, раствор, да еще с десятков общих слов. Больше он от них ничего не слышал. Да и зачем их памяти лишняя информация?

«Тупоголовые кретины! – стал обзывать их про себя Михалыч. – Хотя бы покурить могли со мной. Или хотя бы поматерили меня, что я курю. А то ведь ноль внимания»

Сидя на телогрейке, он доставал бутерброды, заботливо приготовленные женой, начинал жевать и одновременно мечтать о том, как уйдет на пенсию, будет рыбачить и нянчиться с внучкой.

Тут как-то в гости, прямо на рабочую площадку, заглянул Андрей. Ему роботы, правда, были в диковинку, но все же смотрел на них с плохо скрываемым презрением.

— Ну и как ты тут, с этими? — ухмыльнулся он, поправив трепещущий на сквозном ветру соломенный чубчик.

— Нормально, — повел плечами Михалыч. — Они сами по себе, а я сам по себе.

— Понятно, — недоверчиво протянул Андрей и присел на корточки.

— Ну а у тебя как дела? — Михалыч достал сигареты.

И они закурили.

— Я теперь у себя на даче кирпичи кладу. Дом вот решил построить, двухэтажный. Да и руки без профессии страдают.

— Хорошее дело, — одобрил старший товарищ.

Помолчали.

— Как там наши-то поживают? — для приличия поинтересовался Михалыч.

Молодой пожал плечами.

— Ничего. Кто как. Семен на пособии сидит. Серый в Архитектурную Академию поступил. Горыныч в таксисты подался.

— Понятно, — вздохнул пожилой.

— А помнишь, Михалыч, — Андрей раздавил бычок об обломок кирпича, — как вы меня в каменщики посвящали? И вместо раствора подсунули какую-то гадость: жидкий стул одной твари из биопарка?

Щурясь, Михалыч тихо захихикал.

— Как же, помню! Я сам в биопарк ходил, присматривал испражнения подходящего цвета. И нашел — какой-то единорог с планеты Кирдым гадит точь-в-точь под раствор цемента. Смотрю, и цвет подходит, и консистенция похожая. Ох и долго ж я работников биопарка уговаривал отдать мне эту жижу!

И они дружно посмеялись.

— Да, хорошее было время, — сказал затем Андрей, с легкой грустью поглядев в небо.

— И не говори. Не то, что с этими дебилами, — Михалыч мотнул головой в сторону копошащихся роботов. — Ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Каши с ними не сваришь.

— А ведь можно все вернуть, — вдруг сказал молодой каменщик.

— Это как это? — удивился старый.

— А ты послушай, Михалыч. Есть у меня одна идея... Мы им тоже посвящение устроим.

Все же нельзя сказать, что роботы совсем не отдыхали. У нас ведь как: прогресс прогрессом, а старых привычек не меняют. Методы работы все те же, что и сто лет назад. Бывает, раствор вовремя не подадут или поддон с кирпичами не поднимут, и механические каменщики остаются без работы. Вынужденный простой у них получается.

Однажды, именно в такую минуту, когда произошла задержка с раствором, Михалыч подошел к их бригадиру и хлопнул его по плечу.

– Эй, как там тебя? В дурака будешь?

– Меня зовут КэШэОдин. Что есть дурак?

– Хых, – усмехнулся мастер, – ладно, будешь Кеша первый. А дурак – это игра такая, в карты.

На удивление Михалыча главный робот согласился. На ломаном русском он заявил, что в его операционной системе есть стандартные карточные игры.

Сошлись на переводном. Михалыч начал скромно и пару раз принял карты. Он всем своим видом показывал, что весьма озадачен. Чесал затылок, причмокивая, бросал нужную карту:

– А мы вот так!.. На тебе!.. А вот так?.. Ну что, Кеша, съел?!

Кеша, казалось, внимательно подсчитывал, какие карты уже вышли. Только это и можно было определить по его холодным глазам.

И вот настал момент икс. Карты в колоде кончились. Тут-то Михалыч и начал по привычке мухлевать: достал из рукава козырный да пиковый тузы, которые заныкал при отбое.

– Ну, Кеша, получай! – хитро улыбнулся Михалыч и с торжествующим видом зашел двумя тузами.

Автоматический каменщик замер, сжав губы. Пожилой работяга подался вперед и с интересом уставился на соперника.

И вдруг Кеша спокойно вытянул карту и положил рядом – это был третий туз, бубновый, который вышел еще в начале игры, да Михалыч не успел его прикарманить (то есть прирукавить – но такого слова нет).

– Дурак переводной, перевожу на вас, – безучастно пояснил робот.

Михалыча даже в жар бросило, он схватился за голову, чертыхнулся и сник.

– Не может быть, тузы же вышли.

– Вот именно, – заметил Кеша. – Тогда потрудитесь объяснить, откуда взялись ваши тузы?

– Ладно, твоя взяла, – грустно сказал пожилой каменщик.

После этой игры Михалыч роботов сразу зауважал, по крайней мере, их бригадира.

В дурака они больше не играли, но оказалось, что кроме карт, с Кешей есть о чем поболтать, оказалось, что в него «зашит» среднестатистический кругозор, а главное, он имел представление о рыбалке, что уж совсем поразило Михалыча.

На следующий день робот-бригадир даже согласился попробовать сигарету, за компанию выкурил полностью – Михалыч только шурился да хмыкал – выкурил, не моргнув глазом, не кашлянув ни разу (да ведь у него и легких-то нет!) Бывалый каменщик был доволен.

Вскоре снова заглянул Андрей.

– Как я погляжу, у вас все по-прежнему, – недовольно протянул он, присев на поддон.

– Извини, Андрюха, ничего не вышло, – виновато спрятал глаза Михалыч. – Ихний бригадир оказался гораздо круче, чем ты думал.

– Что значит, круче? Ты сделал, как мы базарили?

– Ну да. Он согласился играть, но когда я смухлевал, его операционка не зависла, как ты обещал, а он сам смухлевал в ответ, представляешь?!

– Что? Ну ни фиги себе! – Андрей закатил глаза, потом насупился, заерзал. – Блин, видать, это новое поколение роботов-рабочих.

– Стало быть, так, – Михалыч повел бровью.

Помолчали.

После паузы Андрей изрек:

– Ладно, есть у нас более радикальный способ.

– Какой еще радикальный?

– Вечером узнаешь. Жди, придем с ребятами, с Горынычем, с Серым...

Пожилой каменщик пожал плечами.

Когда стемнело, они появились. Их было трое: Андрей, Горыныч и Серый.

– Здорово, Михалыч! – осклабился Серый. – Как живешь-поживаешь?

– Ничего, потихоньку, – бывалый постучал мастерком по кирпичу и отложил инструмент в сторону.

– С чем пожаловали? – спросил он, приблизившись к бывшим товарищам.

Горыныч как-то недобро поглядел на него, так что у Михалыча кошки заскреблись. «Все-таки они на меня дуются. А я что, мне ж до пенсии надо доработать.»

– Да так, дело есть, – ухмыльнулся Горыныч.

Андрей загадочно молчал и косил по сторонам, как бы изучая обстановку. Роботы знай себе работали, на гостей даже внимания не обратили.

– Ну, выкладывайте.

– Ты вот что, Михалыч, – сказал Серый. – Мы сейчас этих кукол из строя выведем, чтоб нас обратно на работу взяли. А ты в сторонке постой и не мешайся, ладно?

– Подождите-подождите, – нахмурился Михалыч, – как это вы их из строя выведете?

– А вот так, – сплюнул Горыныч. – Подойдем и сбросим их вниз. Этаж-то седьмой, мало не покажется!

– Нет, ребята, не получится у вас, – тяжело вздохнул пожилой каменщик.

– Это почему? – вмешался Андрей.

– А я не дам, не по-человечески это – казенное имущество портить.

Ребята угрожающе двинулись на бывшего коллегу. Тот на всякий случай поднял лопату, кстати оказавшуюся под ногами, и, перехватив ее, как весло, закрыл своим крепким еще телом проход к роботам.

– Послушайте, мужики, у нас же все цивилизованно. Ну пойдите вы, переучитесь на операторов роботоучастка. Вы ж еще молодые, у вас все впереди. Это мне, старому, тут куковать осталось, а вам-то!

– Нет, Михалыч, не хотим мы, – они, как солдаты в строю, сделали еще шаг вперед. – А ты что ж, на нас-то с лопатой? Ай-ай-ай, мы ведь с тобой, можно сказать, не один пуд соли съели, а ты!

Бывалый каменщик устрашающе поводит лопатой, как восточный единоборец.

– Костьми лягу, а не пуцу! – просипел он.

Тут КэШэОдин отделился от своих, подошел к Михалычу со спины, мгновенно оттянул ему воротник и нажал на шее спрятанную под кожей кнопку.

* * *

Отчет старшего преподавателя кафедры строительной робототехники Андрея Колобова о научном эксперименте, произведенном в натуральных условиях.

Мною в соавторстве с ассистентом Зельдиным и м. н. с. Кариловичем был поставлен эксперимент над последним киборгом-каменщиком на строительном участке номер двести семнадцать ООО «Стройсервис».

Экземпляр имеет маркировку Зет сто семь. Ко времени эксперимента люди, ввиду общеизвестного общественного процесса Ренессанса – возвращения человека к облагораживающему физическому труду, утилизируют почти всех киборгов-каменщиков, некогда сменивших человека на этом ответственном посту. Остался только Зет сто семь. На данном участке замена произвелась после того, как вышеозначенного киборга ввели в заблуждение, будто он – человек. Ему было присвоено имя – Евгений Михайлович, произведена операция по стиранию памяти киборга и замене ее на память умершего безродного человека, а также произведена операция по внедрению органов пищеварения. Остальных киборгов будто бы уволили, как людей, знакомых Михайловичу, и на их место взяли роботов, которых отлично сыграли наши помощники из студентов группы АКА-17.

Изучалась реакция киборга в различных человеческих ситуациях. В частности, нас интересовало отношение киборга, мнящего себя человеком, к факту обставленной замены его друзей роботами. Реакция оказалась вполне адекватной, но, вопреки нашим ожиданиям, Зет сто семь принял сторону роботов, а не своих товарищей.

Результаты обрабатываются. В данное время киборг отключен и сдан на хранение в лабораторию экспериментальных образцов.

С уважением, ст. пр. А. Колобов.

Об авторе

Родился в 1973 году в г. Тюмени. Учился в Красноярском институте, закончил Тюменский Нефтегазовый Университет. Служил в армии в Североморском гарнизоне. Работал инженером на заводе, менеджером по рекламе, киномехаником, журналистом. В настоящее время живет в Тюмени и работает специалистом по торговому оборудованию. Попытки что-то написать делал с детства, но серьезно увлекся литературой с 2006 года. Публиковался в журналах «Порог», «Техника Молодежи», «Очевидное и невероятное», «Уральский следопыт», в 2010 г. в сборнике «Аэлита» (г. Екатеринбург) вышел рассказ «Спички». В № 2 за 2010 г. «Знание-сила: Фантастика» опубликован рассказ «Хроника пикирующего бомбардировщика». В 2011 году в издательстве АСТ вышла книга «Урал атакует» (под псевдонимом Владимир Молотов).

Альберт Шатров

Поселенная

Проснувшись, Хануя не стала долго нежиться в постели и легким усилием мысли зажгла свет. В одном из бесчисленных жилых уголков Вселенной наступило утро. Утро, которое не зависело от положения светил на небе, — потому как ни светил, ни самого неба давно уже не было, — а зависело, как и вообще смена времени дня в этом мире, лишь от прихоти человека.

Отключив все также мысленно гравитацию, Хануя, словно крылатая фея, вспорхнула с постели и, медленно возвращая тяготение в норму, плавно опустилась на пол. Словно волшебница, мановением руки она запустила процессы, призванные взбодрить ее тело и дух. В ту же секунду ионные потоки освежили ее смуглое, вечно молодое тело, пространственные вихри придали привлекательную форму смоляной копне волос, а прямо из воздуха материализовалась чашечка ароматного бодрящего напитка.

Покончив с утренним туалетом, Хануя настроила сознание на информационную волну: прокрутила в голове последние вселенские новости, поприветствовала многомиллиардную аудиторию своих друзей и родственников, ответила на многочисленные сообщения, после чего ограничила входящий поток информации развлекательным каналом, где как раз шло освещение увеселительных заведений со всех концов Вселенной. Где-то сегодня предстояло побывать и ей. Но планировать день с самого утра не хотелось. Лучше потом, ближе к делу, мысленно ткнуть пальцем в одну из гиперссылок «нуль-перехода» и оказаться в неожиданном месте.

— Пусть день будет полон сюрпризов, — дала она себе установку и погрузилась в созерцание образов, рожденных зазвучавшей в голове музыкой.

Сюрприз, однако, не заставил себя ждать. В сознание Хануи пробилось сообщение, которое сразу завладело ее вниманием. Из него Хануя узнала, что стала одной из победительниц розыгрыша и вместе с такими же счастливицами, как и она, сегодня отправится в путешествие на Землю, где пробудет целые сутки по земному исчислению.

— Йо-хо-хо! Я самая везучая во Вселенной! — вскрикнула Хануя и на радостях, выключив гравитацию, принялась летать по отсеку, выполняя самые невообразимые фигуры и хлопая в ладоши.

Наконец и в ее жизни сбылось то, о чем с рождения мечтал каждый человек, — побывать на Земле. Ведь Земля была единственным местом во Вселенной, сохранившим свой первоначальный вид.

Историю этого мира с рождения знали все его обитатели, и Хануя, мысленно связанная с каждым из них, не была исключением. И сейчас принесенная волной сознания из глубин памяти эта картина оформилась у нее в голове.

Когда-то давным-давно, много-много миллионов лет назад население Земли умножилось настолько, что вся поверхность планеты превратилась в сплошной многоэтажный город, а биосфера растворилась в нем, приобретая одомашненные формы. Человечеству была открыта дорога в Космос, но люди, чей век в ту пору был непродолжителен, боялись его бескрайности, а потому тесноту и убогость земного обитания предпочитали бесконечным звездным просторам.

Все разом изменилось, когда было открыто бессмертие, а благодаря суперструнным технологиям возможно стало мгновенно перемещаться среди звезд. За короткий – по космическим меркам – срок человечество освоило сначала родную Галактику, а затем и все остальные, как соседние, так и весьма отдаленные. Осознав очень быстро, что в данной конкретной Вселенной иных форм жизни все-таки нет, люди приступили к преобразованию мира, беря в оборот все, что попадало под руку: светлую и темную материю и энергию, вещество звезд, туманностей и черных дыр.

Поскольку бессмертие в том виде, в каком оно было достигнуто людьми, не отменяло продолжение рода, человечество умножалось в геометрической прогрессии, и вскоре даже на вселенских просторах люди стали чувствовать себя несколько стесненно.

За какие-то несколько сот миллионов лет Вселенная, как когда-то Земля, превратилась в один сверхгигантский город-шар, где малогабаритные жилые отсеки ютились вперемешку с небольшими, но вместительными развлекательными площадками, а вместо коридоров и лестничных клеток этот мир-дом был пронизан червоточинами «нуль-переходов». Вселенная расширялась, население продолжало расти – увеличивались и размеры космического жилища.

Занимались обитатели этого фантастического по размерам дома в основном интеллектуальной деятельностью, творчеством и обменом информацией – цели и задачи задавал вселенский коллективный разум. А поскольку возможности человеческого мозга использовались на все сто, то занятия эти не прекращались даже во время развлечений, коими жизнь людей просто-таки бурлила: общение по интересам, экстрим, виртуальная реальность, измененные состояния сознания, романтические знакомства хоть каждый день – и так бесконечно в течение всего времени бессмертия человека.

На Земле же, вернув ей первоначальный вид и сделав ее центром Вселенной, люди решением «коллективного сознательного» устроили подобие музея-заповедника. Снова заплескались моря, суша покрылась зелеными лесами и долинами, которые заселили освобожденной из-под «домашнего ареста» живностью. И только небо в его космической ипостаси стало теперь ненастоящим: вместо солнца над планетой зажгли огромный огненный шар, вместо звезд и Луны – шары размерами меньше. А за ними бесконечная Вселенная-дом. Живущие в нем люди ясно понимали, что по природе своей очень тесно связаны с земной биосферой, излучающей в Космос живительную энергию, а потому почитали Землю как Древо Жизни, считая своим долгом хотя бы раз на ней побывать.

А поскольку Земля не могла вместить всех желающих, а число таковых с трудом поддавалось исчислению, то было раз и навсегда установлено пра-

вило. Каждый человек раз в жизни обязательно посещал родную планету, но только после того, как становился победителем вселенского розыгрыша. Земля в том виде, в каком она теперь пребывала, одновременно могла принять не более семнадцати миллиардов паломников, именно такое количество турне разыгрывалось каждодневно.

В сообщении, присланном Хануе, были указаны время отправления и специальный код, а также оговаривалось непременно условие, что все сведения о выигрыше необходимо хранить в тайне. Впрочем, времени, чтобы делиться с кем-нибудь радостью, у Хануи не было и так. До старта оставалось всего несколько минут.

Слегка прикрыв свое красивое, невероятного темного оттенка тело полупрозрачной, радужно переливающейся дымкой, Хануя нырнула в поле «нуль-перехода», мысленно набрала координаты Земли и активировала специальный код. Реальность в мгновение ока сменилась пустотой. Насколько Хануя знала, Земля находилась на расстоянии порядка тринадцати миллиардов световых лет от ее отсека. Но благодаря «гипер-переходу» время перемещения сокращалось до нескольких секунд.

Наконец, информационный гид сообщил о завершении нуль-перехода. Полевая капсула зависла прямо над Землей, и сквозь прозрачную оболочку Хануя увидела голубой шар, медленно вращающийся вокруг своей оси. Затаив дыхание, она смотрела вниз, и восторженные чувства переполняли ее душу. То ли от счастья, то ли от высоты у Хануи закружилась голова, но, опытный экстремал, она тут же взяла себя в руки.

Прямо из воздуха появилось какое-то приспособление в виде палки со сложным матерчатым куполом на одном конце.

— Что это? — спросила Хануя.

— Это специальный зонт, — отозвался гид и пояснил: — Когда ты начнешь спуск, он раскроется и обеспечит плавное приземление. Под ним ты будешь защищена от перепадов температуры и давления и снабжена воздухом для дыхания. Теперь ты можешь начинать спуск.

В тот же миг капсула исчезла. Ухватившись одной рукой за зонт, Хануя радужным облачком полетела вниз. Вскоре она увидела, что вокруг, держась, как и она, за зонтики, вниз спускается множество людей. Сотни, тысячи, миллионы... Она сбилась со счета. Да, и так ли это важно. Ведь она приближалась к Земле.

Теперь она уже различала очертания рельефа: горы, моря, леса. Ее мозгом жадно впитывал и перерабатывал информацию, которая будто витала вокруг. Она дышала ей, как воздухом. Ведь помимо воздушной оболочки — атмосферы, у Земли была и другая оболочка, информационная — ноосфера. Вот она уже знает все о строении и составе Земли, ее географию и историю. Хануя выбрала маршрут путешествия, чтобы за день успеть как можно больше: увидеть восход и закат, подняться высоко в горы и опуститься на дно океана, ощутить палящий зной пустыни и насытиться свежестью леса. Не просто познать — прочувствовать этот мир жаждала Хануя, раствориться в нем целиком, став его частью, и в тоже время впитать его весь, сделав частью себя.

— Йо-хо-хо! — вскрикнула от счастья Хануя, когда ее ноги коснулись земли. И кругосветное путешествие началось.

И вот по прошествии какого-то времени, обследовав полпланеты, Хануя вдруг осознала, что никогда раньше не общалась с людьми, побывавшими на Земле. Среди миллиардов ее друзей и знакомцев не было ни одного, кто бы рассказывал об этом. Странно, подумала Хануя, случайное это совпадение или какая-то закономерность? Может быть, эти люди участвуют в каком-то заговоре молчания или куда-то исчезают? Или помимо тайны выигрыша придется хранить еще и тайну пребывания на Земле? Но разве можно удержаться и не поделиться такими головокружительными впечатлениями?

Не найдя ответа на вопросы самостоятельно, Хануя схватила за руку пролетающего мимо «вечномолодого» человека в красиво облегающем тело блестящем костюме.

– Скажи, ты давно здесь?

– Мое время скоро истечет.

– И ты вернешься домой...

– Домой? – Лицо собеседника выразило удивление. – Что там делать? Этот мир теперь будет мне скучен. Здесь, на Земле, на меня снизошло озарение...

– Озарение?!

– Да. И такое возможно только здесь. Эта милая сердцу планета – не просто живой и разумный организм. Земля-Гайя дала нам бессмертие, но сама пошла дальше, показав, что она неуничтожима. Этим живительным даром она делится теперь и с нами. Там, за пределами нашего дома-Вселенной, раскинуло свои бесконечные измерения Мироздание. Человеку, даже бессмертному, нет места в тех мирах – его ждет там гибель. Но совладают ли стихии этих миров с *человеком неуничтожимым*? Всякий раз, пытаясь его изничтожить, они своим мембранно-суперструнным нутром будут видеть торжество его воскресения. И так до тех пор, пока не возобладает в тех мирах «человеческий принцип».

– Значит, все те, кто побывал на Земле, изменили свое естество и ушли «очеловечивать» миры за границей нашей Вселенной? – задумчиво спросила Хануя.

– Да. И это прекрасно. Человечество обжило Вселенную, превратив ее в Ойкумену – Поселенную. Но мать-Земля открыла перед нами новые горизонты. Если Вселенная – наш дом, в прямом значении этого слова, то Земля – наш общий двор. Наделенные разумом и вечной жизнью – и как бы законсервированные в бессмертии – мы возвращаемся сюда из наших микроскопических, по меркам Космоса, жилищ, чтобы, перестав бояться открытого пространства, выйти на перекрестки Мироздания. Мы, люди, – семена во вселенских хранилищах Гайи, которыми она засеивает бесконечные просторы временно-пространственного континуума.

По мере того, как Хануя слушала, на нее начинало нисходить озарение. Еще она чувствовала, как что-то меняется внутри нее, но пока не могла понять, что именно. Но, самое главное, ей очень нравился молодой человек, с которым она разговаривала, висая в воздухе. Почему бы ни встретиться с ним еще раз?

– А можно, когда закончится мое время пребывания на Земле, я явлюсь в тот мир, что будет сотворен тобой? – кокетливо спросила она.

– Да, конечно. А как тебя зовут, милое создание?

– Меня – Хануя...

– Какое красивое имя. – Молодой человек на секунду задумался, видимо, подключившись к информационному полю. – На одном из древних островных языков оно значит Земля, или рожать. А ты рожала когда-нибудь детей?

– Миллион раз за свою бессмертную жизнь, – хвастливо пожала плечами Хануя. – А как зовут тебя?

– Лани.

– А это имя что-нибудь значит на древнем языке?

– Оно означает Небо. Земля и Небо обязательно должны быть вместе.

– Тогда я не прощаюсь, – сказала Хануя и, послав юноше воздушный поцелуй, отправилась навстречу неизвестности.

Об авторе

Родился в Москве в 1972 году. По образованию политолог. Занимался политическими технологиями, журналистикой. Публиковался в общероссийских и региональных СМИ. Работал редактором различных изданий и интернет-проектов. Член Союза журналистов РФ. В настоящее время – директор рекламно-полиграфической компании. Коуч, тренер личностного роста. Первые «бумажные» публикации рассказов были в №1 за 2008 г. «Знание-сила: Фантастика» – рассказ «Компьютерра», № 4 за 2008 г. – рассказ «Колодец» и в №1 за 2010 г. – рассказ «Путешествуйте по созвездиям!».

Петр Ртищев

Чирьевск

Меж холмов, оврагов и прочих несуразностей рельефа разместился Чирьевск. Городишко неуютный, неустроенный, замусоренный с полсотни тысяч жителей. Посередине его рассекала извилистая речка. Вода в ней время от времени делалась черной и отвратительно пованивала. В эту пору карасики, что все еще обитали в речке, всплывали кверху брюхом и уносились течением прочь. По утрам город погружался в липкий туман, вдалеке кричала кукушка, поблизости надрывался петух, подвывали псы во дворах, и могло показаться, что стоит белесой мути развеяться, как предстанет перед глазами селение совсем другого рода. С чистыми улицами, с поблескивающими золотом куполами церквей, с умными лицами обывателей.

Во вторник на исходе сентября, ближе к вечеру в Чирьевск вошел Кущин Сергей Степанович. Человек, вступивший в пору, когда Данте уже «прошел земную жизнь до половины» и, как следствие, «оказался в сумрачном лесу». Сергей Степанович обладал заметной наружностью, оттого, можно предположить, имел некоторый успех у дам. Крупные черты: мясистый нос, массивный подбородок и небритые щеки придавали мужественной грубости его облику. И только сероватый кровоподтек под левым глазом, разорванный сосуд на белке, припухшая губа и рыжие пятна засохшей крови на сорочке слегка вредили мужскому благолепию. Он выглядел сухопарым, подвижным и довольно высоким человеком, пребывающим в хорошей спортивной форме. На нем были летние штиблеты, светлые брюки, сработанные из льна; пиджак в полоску, с оттопыренными карманами, он нес в руке. Перед лужей, что раскинулась у въезда в город, он остановился в нерешительности.

— Эй, малый! — крикнул он мужичку, катившему на велосипеде. — Дно у водоема имеется?

— Ходи... — отозвался мужичонка, не переставая крутить педали. Колеса слегка погрузились в воду, лужа зарябила, пугнула уток и те суетою оживили унылую картину местности. Кущин не спешил последовать совету. Поразмыслив, он выбрал другую дорогу, и вскоре оказался у давно потухшего заводика. Во времена оны завод тот что-то не очень полезное производил, теперь же и вовсе вредил, временами испуская из своих недр в местную речку какую-то черную дрянь.

Тут же, возле мрачных заводских корпусов, Сергей Степанович обнаружил базарную площадь — сердце города. В месте, где всегда не буднично, где трудно оставаться равнодушным к страстям одурачиваемых и обогащающихся. Публика, толпившаяся среди торговых рядов и лавок, чем-то

напоминала рыб с их холодными, невыразительными глазами. И тех, и других объединяла мысль — поживиться. Люди-рыбы Кушину не нравились. Из них состоит толпа, масса, что лишена мысли и воли, живущая исключительно страстями и образами. Такой человек, став ее частью, исчезает, становится послушным автоматом, но чувствует возросшее свое могущество. В прошлом только случай и воля не допустили ему сделаться одним из них.

В какой-то момент его привлек невероятно толстый дядька с сытым лицом ассирийца. Встретить обладателя нездешней внешности не редкость в провинциальных городах. Обычно это лица людей, живущих очень хорошо. Лица людей-паразитов. Люди-рыбы, люди-паразиты все больше сновали туда-сюда, а вот обычных граждан что-то не видать. Ассириец презрительно плюнул возле старичка из тех, кто зимой и летом, во всякую погоду, одет в овчинный полушубок, цигейковую шапку и валенки, и степенно прошествовал мимо. Вот у этого старичка в глазах теплилась жизнь. Старичок торговал старыми книжками и понятно, что покупателей возле него не наблюдалось. Сергей Степанович взял одну из тех, что выглядела приличнее, открыл ее и обнаружил на 17-й странице фиолетовый штамп: «Библиотека 2-й Чирьевской средней школы. Инв. Номер 01959».

— Однако, дед, имущество-то казенное.

— Ничего, милок, все в дело пойдет. Ты полистай, полистай. Такую книжку тебе не сыскать и в столице. Библиографическая редкость, — сказал старикан со значением. В древности, всех людей эскулапы делили на «сапожников, либо портных» по внешнему виду и характеру. Старика смело можно определять в «сапожники». Время не то, чтобы сильно щадило его, но под овчинным зипуном угадывалось упругое тело с хорошим кровообращением и предостаточным количеством темной желчи.

Сергей Степанович в следующую минуту встревожился. Он не сразу понял от чего, и потому долго взирал на обложку, прочитывая в какой уж раз: «К вопросу психофизических патологий существ не классифицированных. Художественное осмысление» и далее «Под общей редакцией проф. Кушина Сергея Степановича». Год издания 1903, С.-Петербург, типография А. С. Суворина, Эртелев пер. д. 13». Обрывки пустычных воспоминаний туманными образами будили память, но ухватить их суть, сколь он не силился, не удавалось. Они, словно утренний сон, безвозвратно ускользали.

— Редкостный экземпляр, — между тем нахваливал товар книгоноша. — В старину издавался «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», а это к нему в качестве приложения выпустили книжку. В августе 1903 года. Стало быть, к 8-му номеру. Плянь, каково состояние книги, а между тем ей 108 лет. А ты, надо полагать не здешний, милок?

— Проездом...

— У меня остановишься, — сказал дед и принялся собирать книги в холщовую суму. — Меня Савелием кличут, Петров сын.

Домишко деда Савелия оказался на задворках, поблизости от брошенного завода. Впрочем, все в Чирьевске так или иначе прилепливалось к заводу, оттого и не понять, где окраина, а где центр. Прежде чем войти в дом, они миновали небольшой одичавший яблоневый сад. Лист на дере-

вьях отмирал, падал, придавая земле благородный желтый оттенок. В сгущающихся сумерках от листьев истекал свет, не давая тьме скрыть окрестности. Яблоки, тронутые гнилью, валялось под деревьями, но хозяину до них не было дела. Воздух пах переспелыми плодами и листвой.

Хибарка состояла из двух комнат, кухни и веранды. Из недр дома пахло кислятиной, источаемой слежавшимися пожитками. В комнатах оказалось полно вялых мух и ос. И те, и другие лениво бились об оконные стекла. Мучения бестолковых насекомых тронули сердце Кущина. Он подошел к окну и толкнул форточку. Но ни мухи, ни осы не оценили благодушия человека и продолжали биться. Отчего-то Сергей Степанович рассердился, принялся махать руками, указывая путь спасения, и тут же одна из ос впиалась ему в предплечье. Сергей Степанович раздражился. Ему подумалось: какого рожна притащился в Чирьевск? Что он мог здесь полезного для себя найти?

В эту минуту за спиной послышался скрип половиц, пахло керосином. В комнату вошел хозяин с тарелкой яблок и зажженной лампой.

— На-ка, испробуй здешний продукт. — Старик поставил миску на подоконник. На яблоки тут же устремились осы с мухами, и Кущин отошел прочь. Он остановился у этажерки, что притулилась в углу комнаты. Над ней висел пожелтевший фотографический портрет солидного господина с пронзительным взглядом. Типичное лицо просвещенного человека начала 20-го века. Борода клинышком, подстриженные усы, шевелюра, зачесанная назад, словом, лицо умного человека. Что-то показалось знакомым в нем. Может мясистый нос, может напряженные желваки или притягательная грубость скул и подбородка? Размышления прервал старик, — Сомов моя фамилия, — зачем-то назвался он.

Кущин рассеянно взял одну из книг с этажерки — это оказалась «К вопросу психофизических патологий существ не классифицированных», только на 17-й странице библиотечной печати у нее не было. Зато на 27-й обнаружилась закладка.

«В апреле 1901 года случай сблизил меня с доктором Миллером, профессором палеонтологического института в Берлине», — прочел он. — «Его работы в области изучения сути возрастных изменений организмов наделали немало шума в академических кругах. Ряд распределения возрастов он справедливо свел к трем фазисам: росту, созреванию и завершению. Сии фазисы и определяют соматическое состояние. Казалось бы, в этом умозаключении нет новизны, однако, доктор Миллер, в присущей ему саркастической манере, поведал научному сообществу занятную историю. Будучи в Праге (он консультировал на кафедре общей психиатрии проф. Чапека), ему был представлен весьма странный пациент. «Больной» выглядел этаким 40-летним флегматичным здоровяком. Он привлекал внимание изнеженного горожанина отменной мускулатурой, грубым лицом и чрезмерной волосатостью.

Доктор Миллер, как известно из его статьи: «Влияние соматического состояния на психику», какой-либо патологии в предьявленном пациенте не обнаружил, о чем уведомил проф. Чапека. Когда мы в нашей беседе с доктором коснулись этого вопроса, он бросил мне такую фразу: «Знаете что, господин профессор, случай с тем пациентом весьма непросто для

понимания. «Больной» действительно не представлял интереса для терапевта — абсолютное здоровье — но это только в том случае, если он был человеком». Ученый не стал развивать свою мысль и вскоре оставил меня. Продолжить разговор с доктором не удалось. Как известно, во время своего путешествия на яхте по Средиземному морю, он бесследно исчез.

Недавно я перечитывал работы доктора Миллера и в одной из них мне попался любопытный абзац. Привожу его ниже: «Вполне возможно присутствие меж людьми особых существ, не являющихся продуктом эволюции или какой-либо ветвью биоты. Вероятность их космического происхождения велика. Осмелюсь предположить, что явились они в наше обиталище жить не с нами, но вместо нас! Так бывало в истории человечества. Ослабший этнос уступает свое место чужим. Как правило, эти чужие сильны, дерзки и не знают пощады. В этой связи всем нам надлежит быть бдительными, коли человечество собирается верховенствовать на планете и впредь».

В прошлом, 1902-м году, довелось мне быть в Боровске. Не мог не посетить я в эту пору Свято-Пафнутьев монастырь. Общаясь с тамошними монахами, я узнал об одном довольно любопытном эпизоде из жизни обители. Случилось это в те времена, когда здесь томился протопоп Аввакум. Прибился к ним странный тип: юродивый, не юродивый — сразу не разберешь. Одним словом, здоровенный добродушный детина лет двадцати. Сначала показался он недотепой (их в то время поблизости в достатке наблюдалось), но вскоре выяснялось, что малый тот не глуп и деятелен. Обладал он внутренней силой поработать некрепкие умы крестьян и монахов. Малого того звали Трофимом.

Трофим хорошо понимал свою силу над людской массой, ибо ясно видел, что толпа есть всего лишь податливая глина для природы изобретательной и циничной. Некоторое время Трофим забавлял себя упражнениями в управляемости людьми.

Всякому понятно, что развитие цивилизации пагубно для человека неразвитого, и потому в монастырской обстановке, где само время недвижно, толпа нисколько не стремилась к просвещению. Это обстоятельство Трофима, надо полагать, устраивало. Необучаемость, лень, шадящая жизнь ведет к вырождению людей высококультурных — это также верно, как и то, что в неволе некоторые звери не размножаются. И такого рода «пасторская» деятельность Трофима не совсем понятна, если ее рассматривать с точки зрения образованного человека.

Вот тут я и задумался над словами доктора Миллера об иных существах, желающих занять наше место. Что любопытно, описания внешности Трофима и пациента кафедры психиатрии довольно близки, если не считать некоторой разницы в возрасте».

«Занятный старичок». — Сергей Степанович тер руку, и в том месте, где приложилась оса, уже возник белый бугорок среди покрасневшей шкуры. Он машинально поставил книжку на полку. — «Что, собственно, занесло меня сюда? «Любовь к отеческим гробам»? Не было здесь моего отечества. Детство свое поганое я позабыл, и припоминать его ни за какие коврижки не согласен, да и протекало оно в отдалении, верст за сто от Чирьевска, если ничего не путаю».

Однако решение выехать из Москвы возникло не внезапно. Оно, словно накапливаемое напряжение в грунте, что неизбежно разрождается землетрясением, созревало по мере возрастания внутренней неудовлетворенности. Ему представлялось, несмотря на довольно успешные занятия в добычании средств на ниве облапошивания прочих, мало смыслящих в экономических хитросплетениях и финансах, что жизнь его проходит в бессмысленности. И потому росла убежденность в неотвратимости смены окружающей обстановки.

Третьего дня он притащился на Курский вокзал. Без надобности, так как не собирался куда-либо ехать. Хотелось развлечь себя видом нервной публики и только. Коротая время, он примостился за столиком на длинной одинокой ножке. Заказав себе чего-то не крепкого и закусить, Кушин приготовился к созерцанию вокзальной жизни.

— Думается мне, что не помешаю. — Сублильного вида гражданин лет пятидесяти в пыльнике и мятой фетровой шляпе пристроился возле Сергея Степановича. Он по-хозяйски разложил снедь: два беляша, кусок курицы, лук и прочее, что свойственно поесть путешествующему по железным дорогам России. Воровато оглядевшись, незнакомец разлил в два пластиковых стаканчика водку. Один пододвинул Кушину, другой поднес к губам и, сказав: «За знакомство», махнул разом его содержимое. Закусив, поинтересовался: — Далеко путь держим?

Уверенность и деловитость собутыльника свидетельствовали, что вокзальная жизнь ему не в новинку. И это располагало к себе; подкупала общительность, непосредственность человека, чья дальнейшая судьба вскоре станет неизвестной.

— Не определился еще.

— Бывает. Лет десять тому назад накатило на меня. Я в ту пору асфальтом торговал. Как мы торгуем, объяснять надо?

— Не надо.

— Ага. Стало быть, в курсе. И тут вдруг в одно утро сделалось страшно неумогу мне. Гадко на душе, мерзко, противно... Я понял, что все эти чудачки, типа Самуэльсона и прочие, что придумали «науку о видах деятельности»...

— Это экономику что ли?

— Вот-вот, ее треклятую. Самые, что ни наесть, жулики. Как не крути, а все упирается вот в это. — Щедрый господин показал рукою на закуску, после чего наполнил стаканчики. Выпив, он продолжил. — Следовательно, никакой науки не существует. В наличии только выдумка, дабы обдурить того, кто создает продукт. — Он вновь показал на еду. — Задача всякого живущего найти себя именно на этом поприще, в добычании хлеба насущного. Все прочее от лукавого. И поехал я, и сделался сельским жителем, и с той поры живу — хлеб жую, душевно не болею. Так-то вот.

Меж тем поблизости возникла суета. Какие-то люди что-то кричали, затем встали в круг и затеяли невиданные пляски. Тетки в немислимых одеждах подбадривали вошедших в раж юнцов. Сделалось неуютно. Сотрапезник Кушина снял шляпу, помахал ею у лица и констатировал:

— Вот те, что пришли заменить нас. Им тут жить. А нам, аки иудеям, разбрестись по миру...

Потом были сказаны какие-то слова. Танцующие приняли их на свой счет. Одним словом, Кушин в итоге выбежал на перрон и удачно заскочил в уже тронувшийся поезд. Проводник, увидав подбитый глаз, оказался понятливым малым и приютил Сергея Степановича до Белгорода за умеренную плату. Поутру он оказался на месте. В городе ему понравилось только небо, все остальное навевало тоску. Пошатавшись несколько времени по улицам, он сел в рейсовый автобус и махнул в Чирьевск. О том, что случилось с собутыльником, он старался не думать.

Теперь, в доме старика, он прозревал. Пришло понимание того, что вся его жизнь прожита мгновением. И детство, и последующие годы — все плоды исступления чувств, галлюцинаций. На самом деле он вовсе не тот, кого озаботила неудовлетворенность, но кому предстоят дела иных масштабов. И дела эти связаны с Чирьевском, с нелепым стариком и книжками, отпечатанными в типографии Суворина.

— Вот, послушайте: «Необучаемость, лень, шадящая жизнь ведет к вырождению людей высококультурных». Метко подмечено, а? — Сомов внимательно наблюдал гостя. Он пытался разгадать впечатление, произведенное на него прочитанным. И тут старик воскликнул: — Выше превосходительство! Господин профессор! Все эти годы ждал я вас. А вы? Неужто не признаете меня? Сомов я, Савелий Петрович. Наборщиком у Суворина служил. И книжку эту набирал в девятьсот третьем. И совершенно не понятно, для какой такой надобности написана она. Потому-то весь тираж за все эти годы скупил, — он кивнул на этажерку с книгами. — Или затаить-ся решили? Кишка, мол, у нас тонка, не одолеть нам здешних?

— Мы, Сомов, существа благородные. Недруга, к тому же слабого, следует предупредить, дабы впоследствии совесть пребывала в покое. Однако не в здешних дело, но в тех, кто вместо них. И эти другие, судя по всему, не мы, — Сергей Степанович глянул в окно. В черном прямоугольнике показалась луна. Холодный свет ее пролился на Чирьевск, сделав заметными холмы, овраги и другие, малозначимые, достояния городка. — Впрочем, положение аборигенов не безнадежно. Если им удастся заметно поглупеть и сбиться в толпу, вследствие чего многократно усилить себя, они еще вполне могут побороться за свое место. Им нужны безмозглые люди-рыбы, и тогда появится шанс. Наше время, старина, придет позже, когда они ослабят друг друга. И тогда усилий потребует самая малость. Вот в чем фокус!

Сомов крякнул и уважительно поглядел на Кушина.

Об авторе

Родился в 1959 году в г. Красноярске. Окончил Московском Электротехнический институт связи; кандидат технических наук. Рассказы П. Ртищева публиковались в журнале «Знание-сила»: «Несостоявшийся вычислитель» в № 8 за 2006 г., «Таганрогская загадка» в № 3 за 2007 г., а также в литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» — «В воронке хроноса» в № 1 за 2006 г., «Шпионское нашествие» в № 1 за 2007 г., «Заблудившийся крик Атлантиды» в № 1 за 2008 г. В издательстве Art House media в 2008 году вышел сборник рассказов «Заблудившийся крик Атлантиды». В 2011 г. в литературном журнале «Дети Ра» были опубликованы рассказы «Болото» и «О хорьках и прочих». В 2012 г. в издательстве «Вест-Консалтинг» вышел сборник «Рассказки»..

Иван Афанасьев, Сергей Жданов

Предназначение

Из-за газовой плиты выглянула мышь, осмотрелась, а может, просто поздоровалась и деликатно прошелестела вдоль стены в противоположный угол кухни, к узкому пространству за холодильником. Я звал ее Семей. Это была *моя* мышь. А на коленях у меня дремала *моя* кошка Юрка (женского пола). По-моему, они дружили и неумело скрывали этот факт от меня.

Целью мышиной вылазки была початая бутыль «Букета Молдавии». Я наловчился смешивать его со спиртом в идеальных пропорциях — идеальных для каждого настроения, а Сема довольствовался винными потеками на бутылочном стекле. Через пять минут он вновь показался на глаза, вальяжно пересекая кухню по диагонали. Юрка, не открывая глаз, демонстративно отвернулась.

Это был ежедневный ритуал, в котором мне отводилась роль мыслителя, размышляющего о причинах мышиного алкоголизма.

Но я встал, прервав Юркину дрему, подошел к окну и бессмысленно уставился в сумеречное застекленное пространство. Уже светились желтым окна больницы напротив. Верхушки рогов деловитых троллейбусов, плывущих на сталепрокатный завод, то и дело вспыхивали голубым, а нагое пространство слева (тогда еще не было застройки в этой части Раздольной улицы) становилось все чернее и непрогляднее. Удивительно: снаружи бурлила разноцветная и стремительная жизнь, а в однокомнатной квартире нестерпимо медленно длилось серое существование.

«Господи! — сказал я, — это я, Вадим Беклешов, взываю к тебе, если только ты способен внимать гласу вопиющего во вселенской пустыни атеиста. Мне тридцать четыре. Я никчемный орловский инженеришка, живущий единой мыслью: скорей бы утро — и снова на работу. Не по ироничному характеру, а по причине того, что вся моя семья — обленившаяся кошка и мышь-алкоголичка. Знаешь ли ты, что значит ежевечерне украдкой и с надеждой бросать взгляд с остановки на собственные окна: не горит ли свет? А он никогда не горит... Знаешь... Так сделай хоть что-нибудь! Да, я предлагаю тебе сделку: ты свершишь чудо, а я уверю в тебя. Мало? Да разве этого мало? Когда кто-то верит в тебя?»

Мое общение с Богом прервало протяжное кошачье мяуканье. Я прошел на звук, в свою единственную комнату, не имевшую двери.

По бледно-лимонным, в мелкий цветочек, обоям медленно и плавно ползло изумрудное пятно шестидесяти сантиметров в поперечнике. Я говорю «изумрудное», потому что его нельзя было назвать просто зеленым. Штор на моем окне никогда не было за ненадобностью: от дороги дом отде-

лял изрядной ширины пустырь, а седьмой этаж гарантировал от подглядывания любителей собачьих выгулов. Итак, ничто не мешало мне выявить источник изумрудного «зайчика» на стене. Он оказался метрах в трехстах над землей, а больше ничего определенного о нем я сказать не могу.

«Вертолет?» — мимоходом подумал я, вновь отвлекаясь на необычное Юркино поведение. Шерсть на кошке вздыбилась; она шипела и пряталась за мои ноги.

— Дурашка, — произнес я, опускаясь на корточки, — с каких это пор ты стала бояться света? Это же просто луч...

Пока я успокаивал взволнованную кошку, пятно благополучно добралось до угла комнаты и исчезло, на миг почему-то породив в моем воображении смутный образ тургеневской барышни в вуали, скрывающей черты лица. Вздохнув, я вернулся на кухню и принялся за составление коктейля.

Утром на остановке громко спорили два мужика из нашего дома. Каждого я знал в лицо и привычно здоровался, не подозревая ни о их занятиях, ни о именах. Не мудрено: дом лишь самую малость уступает орловской «китайской стене». Жителей в нем побольше, чем в ином районном центре.

— Дома вечером был? — обратился ко мне крепыш предпенсионного возраста в лихо сбитой на затылок беретке. — Видел?

— Видел — что? — уточнил я.

— Как что?! Летающую тарелку.

Правый глаз его, упершийся в меня, источал надежду найти единомышленника, левый же светился снисходительностью посвященного в некую тайну.

— Тарелку не видел, — чистосердечно признался я, хоть и не хотел обидеть и разочаровать воодушевленного мужика, — а вот зеленый луч был.

— Вот! — победно обернулся тот к своему товарищу. И он видел! А ты мне еще доказываешь...

— А что я тебе доказываю? — огрызнулся второй сосед. — То, что ты принял обыкновенный метеозонд за НЛО?

Я на миг представил метеозонд с прожектором и усмехнулся про себя. Впрочем, не с прожектором: тот дал бы рассеянный конус света. Скорее всего, речь может идти о лазерном луче.

— Должно быть, это был вертолет, — расслышал я свой робкий голос.

— Чепуха! — отрезал крепыш. — Я двадцать лет отлетал на вертушках. Во-первых, шум; во-вторых, вибрация. А я стоял на балконе, и сам все наблюдал. Тишина была абсолютная!

Далее он живописал, как вышел вечером покурить на балкон, и в небе появилось нечто, похожее на ободок блюдца из чередующихся красных и синих огней. А уж затем возник луч, медленно скользящий по окнам седьмого этажа нашего дома. Причем, по словам того же соседа, этот зеленый луч слабо отблескивал от стекол, а на самой стене не был виден вовсе. Когда же луч коснулся груди наблюдательного соседа, она «покрылась пупырышками». Это меня порядком рассмешило; если стоишь на балконе в одной майке, а до белых мух всего ничего, не то что пупырышками, пупы-

рями пойдешь. Да и «красные и синие огни» тоже внушали сомнения. Я-то их не видел.

— Постой! — перебил самого себя сосед «в пупырышках». — А не твой ли это балкон? — указал он рукой. — Именно там луч и исчез окончательно!

Что меня поражает в людях, так их наблюдательность. Практически неизвестный мне человек, если не знает, то, по крайней мере, предполагает, где я живу. Я так не умею — в шпионы не гожусь. Профнепригоден. Может, действительно, была тарелка с красными и синими огнями, которые я попросту прошляпил?

Тем временем подкатил троллейбус, и утренняя орава пассажиров дружно загрузилась в него, утрамбовывая прежний состав. Я воспользовался иной дверцей, нежели мои собеседники, и разговор наш прервался.

Рабочий день промелькнул стремительно и почти незаметно. Слово «почти» относится к последнему часу, когда все чаще и с досадой смотришь на часы. Даже если знаешь, что дома время будет тянуться куда медленнее. Ровно в шесть мы с Димкой Князевым, моим приятелем и однокурсником, преодолели проходную завода.

— Место встречи изменить нельзя? — полуутвердительно спросил Димка.

— Пинендзы не ма, — признался я, потупясь.

Удивительно, но Димка, содержа семью и четырех любовниц (с его слов), всегда имел деньги на карманные расходы. Наверно, это правильно: ему они нужнее.

— Ерунда! — сказал он. — Без горячего нельзя — желудки испортим.

По «горячим» подразумевался ординарный портвейн. Его мы традиционно употребили в лесистом рву, отделяющем Веселую Слободу от стадиона Ленина. Вообще-то на политзанятиях я ни разу не слышал, что Ленин был спортсменом, но там — виднее.

— Дим, — ни с того, ни с сего сказал я, — а к нам вчера летающая тарелка пожаловала.

— Бывает, — равнодушно прошамкал Князев, безуспешно пытаясь освободить рот от плавленого сырка. — Гуманоидов видел?

Я покачал головой.

— Женщину видел, — сорвалось у меня с языка, — в сером. С вуалью

— Дело ясное: спермотоксикоз. Бабу тебе надо, — поставил диагноз и назначил лечение Димка. — Хочешь, подгоню?

Когда я зажег свет в прихожей, Юрка не встретила меня, как бывало раньше. Вместо этого она сидела напротив старинного кресла, купленного мною по случаю лет пять назад, и внимательно за чем-то следила, вращая пестрой головой. Даже на мое «кыс-кыс» она отреагировала одним коротким недовольным взглядом: дескать, не отвлекай. Я присел, чтобы развязать шнурки на туфлях, и когда мой взгляд скользнул вниз, на самом краешке поля зрения мне привиделся изящный дамский силуэт, расположившийся в кресле.

Мне стало дурно. Я замер, вцепившись в шнурок, словно в единственный предмет, соединяющий меня с реальностью. Возможно, я о чем-то

думал — не знаю, не уверен. Помню лишь, что бесконечно долгое мгновение спустя я осмелился снова поднять глаза и посмотреть на кресло. Конечно, оно было пусто. Но кошка по-прежнему сидела напротив и внимательно следила за кем-то невидимым, кто, несомненно, там находился.

Дух экспериментаторства обуюл меня. Несчетное число раз я менял направление взгляда, и каждая новая попытка приводила к тому, что женский образ в кресле становился все отчетливее. Наконец наступил момент, когда я видел его при взгляде в упор. Нет, это был еще (или уже) не образ — нежная колеблющаяся дымка, повторяющая очертания хрупкого человеческого тела. Удивительно, но промелькнувшая мысль о сумасшествии совершенно не напугала меня. Какая-то здравая часть моего рассудка словно говорила, что бояться поздно: факт свершился. Что ж, теперь у меня будет не только собственная кошка и мышь, но и свое привидение. В этом есть даже определенная пикантность: кого-то дома встречает жена, а меня — привидение.

Одна неувязочка, пожалуй, была. Как-то повелось считать, что привидениям свойственно обитать в старинных готических замках, в каменную плоть которых впиталась память о веками творимых здесь кровавых драмах. Моя типовая квартира в девятиэтажке меньше всего напоминала средневековый быт. Впрочем, подумал я, стоит ли слепо доверять устоявшимся представлениям, что должно, а что не должно быть? У буржуинов свои привидения, у нас свои — советские, и нравы у них разные.

Русскому народу присуща интуитивная мудрость, являющая себя в тысячах крылатых фраз. Например, в такой: «без бутылки не разберешься». Мне показалось, что ситуация, в которую я влип, как нельзя больше требовала именно такого метода решения. Освободившись, наконец, от уличной обуви, я шагнул на кухню.

— Пожалуйста, не пей! Ты все погубишь!

В высоком женском голосе, прозвучавшем, как показалось, у самого моего затылка, билась отчаянная мольба.

Я стремительно обернулся. Образ стал много отчетливее, в нем появились намеки на краски. Теперь женщина стояла, в отчаянии протягивая ко мне руки, словно пыталась удержать. Ее определенно белое, сильно приталенное платье волнами ниспадало до самого пола. Вуаль была откинута, но черты лица оставались еще смутны. За исключением пронзительно синих глаз.

Как ни смешно это звучит, но первая моя мысль была оформлена, как название статьи в научном журнале: «Лечение ранних форм еще-неалкоголизма с помощью привидений». Я даже вскользь подумал о полагающемся мне гонораре.

Пить я не стал, лишив тем самым мышь Сему законных винных потемов. Но настоятельно требовалось что-то предпринять, и я закурил. Этому пороку я предаюсь крайне редко, потому с первых же затяжек голова пошла кругом. Чего я и добивался. Следующая, порожденная мною мысль, показала мне верхом изящества. Пусть события текут своим чередом. Я не знаю сценария спектакля, и не мне вносить в него коррективы. Я даже не актер, я — зритель, сторонний наблюдатель.

Глупец, я не учел, что роль зрителя — такая же роль, как и любая другая. Актер, играющий зрителя. Но это понимание пришло много позже, когда ничего уже нельзя было изменить.

Никому, даже Димке Князеву, я не рискнул признаться в происходящем со мной. Но, судя по странным взглядам, которыми встречали и провожали меня сослуживцы, я очень и не в лучшую сторону изменился. Даже шеф не отругал меня за допущенную в чертежах ошибку, чего раньше было не избегать. Я работал механически, а в положенный час мчался домой, где и начиналась моя настоящая — странная — жизнь.

На третий день я видел женщину так же отчетливо, как любого другого человека, с той лишь разницей, что мог одновременно различать предметы, находившиеся у нее за спиной. Она оказалась молода и хороша собой. Жалко, что я не умею этого описать. Меня она знала по имени и фамилии, мне же представилась просто Татьяной. Да, мы общались, хотя, особенно сначала, это сопровождалось не совсем приятными ощущениями. Странно ведь лицезреть стоящего перед тобой человека, видеть, как шевелятся его губы, в то время как голос раздается за твоим затылком.

Да, я чуть не забыл еще об одном обстоятельстве, вовлекшим меня в цепь неразрешимых противоречий. В первое время речь Татьяны изобиловала архаизмами, затруднявшими понимание, но день ото дня осовременивалась. Это навевало грустные логические выводы. Если бы она продолжала говорить по-прежнему, а еще лучше на незнакомом мне иностранном языке, это доказывало бы ее автономность, независимость от моего сознания. Иначе говоря — реальность существования. Но чрезвычайно высокая обучаемость ставила все под сомнение. Не мой ли больной разум наделяет мною же сотворенный образ словами, доступными моему пониманию? Конечно, я шел на всякого рода уловки. Например, по просьбе, кстати, самой Татьяны, оставлял на день включенным телевизор, а вечером она пересказывала мне новости, которые я, по понятным причинам, знать просто не мог. На какое-то время я успокаивался и начинал слабо верить в свою нормальность.

Разговоры наши касались самых банальных тем. О серьезном, например, кто она на самом деле, я спрашивать просто боялся. Ведь ответом могло быть: «Я твоя белая горячка» или что-то в этом духе. Татьяна же явно сдерживала бег событий.

Еще меня смущал ее взгляд. Татьяна смотрела на меня по-матерински, хотя, несомненно, была младше. Сексуальных чувств, при всей своей привлекательности, она во мне не пробуждала. Возможно, это было вызвано моей попыткой украдкой дотронуться до нее. Рука пронизала пустоту, оставив во мне ощущение волнующей дрожи. Разочарование было ожидаемым, но от этого не менее чувствительным. «Все правильно, — утешил я себя, — тебе не грозит интимная связь с привидением».

Развязка наступила в субботу. В кои-то веки она оказалась нерабочей. Утром я отварил пельмени, стыдясь, что не могу пригласить к столу мою бесплотную гостью. Она тактично ушла из кухни, дабы не смущать меня. На аппетит Юрки присутствие Татьяны не влияло. Едва я успел сполоснуть

после себя тарелку, как женщина вернулась. Ее васильковые глаза или просто васильки, как я называл их про себя, сегодня были грустны.

— Сегодня я отбываю, — произнесла она, грациозно усаживаясь на кухонный табурет, — ты не о чем не хочешь спросить?

Казалось, что давно не стриженные волосы на моем затылке ощутили ее дыхание и волнение. Черт возьми! Я хотел знать, кто она, куда отбывает, почему отбывает, как ей удастся, в конце концов, сидеть на табурете, если она бестелесна! И сотни других вопросов. Но сейчас они все перемешались в бедной моей голове. Видя мое замешательство, Татьяна взяла инициативу в свои руки.

— Боже! Как же ты похож на Сашеньку! — вдруг сдавленно воскликнула она.

Я понятия не имел, какого Сашеньку она имеет в виду, но любое сравнение подобного рода неприятно, и детская ревность шевельнулась в моей груди. Я готов был ответить встречной дерзостью, но Татьяна не дала мне этой возможности. Она сбивчиво и торопливо начала рассказывать, как молоденькой девушкой познакомилась с только что произведенным в должность губернатора орловского и курского наместничеств Александром Андреевичем Беклешовым. Он — сорокапятiletний генерал-майор, и она — двадцатипятилетняя провинциалка, дочь обнищавшего орловского помещика, во владении которого оставалось не более сорока крепостных. Отцовскую фамилию Татьяна не назвала, а я, дурак, постеснялся спросить. Короче, возникла ослепительная, как вспышка, и столь же короткая любовь, завершившаяся рождением в 1794 году мальчика Саши — Александра Александровича.

Беклешов был женат. Точка. Он, как умел, позаботился о незаконнорожденном сыне, а, главное, в зародыше подавил общественный скандал, да и самую мысль о нем. Оказалось, что и два века назад орловские обыватели были столь же послушными марионетками, как и сейчас.

— Что же было потом? — нетерпеливо спросил я.

— Потом?.. В девяносто шестом я умерла. Сашу только что перевели в Каменец-Подольск.

— После этого ты и стала привидением? — уточнил я.

Татьяна сдержанно рассмеялась, и звонкие колокольчики наполнили кухню.

— Я не привидение, мой мальчик. Я — обыкновенная туристка, говоря теперешним языком. Туристка, купившая билет в прошлое. Ты, наверное, считаешь себя жителем Земли?

— Не марсианином, конечно. Я здесь, в конце-то концов, родился.

— Ты знаешь, я тоже. Но не все из нас, хотя немного таких, кто появился на свет в своем истинном мире. А здесь все вы — люди — в некотором смысле в командировке. И единственная цель ее — исполнить свое предназначение. Я свое исполнила и вернулась в свой настоящий вид. А потом долго-долго ждала Сашу. Но он не появился, увы.

«Господи! Что я вижу — слезы на глазах привидения!»

— Саша был блистательный политик, самый умный, самый-самый! — справившись с нервами, продолжила Татьяна. — Что-то помешало ему. Но

человек, не выполнивший предназначения, — она тяжело вздохнула, — исчезает из обоих миров. Навсегда. Не хочу, чтобы эта участь постигла тебя.

— Погоди! — перебил я ее. — А если умирает младенец, как же он может исполнить это самое предназначение?

— А, может, в том оно и состоит?

Ее встречный вопрос поставил меня в тупик. Как же так: делаешь ли ты что-то или бездействуешь, а твоя судьба, оказывается, изначально предопределена? Кто или что определяет твое предназначение? Кто судья? Я напрямую спросил об этом Татьяну.

— Не знаю. И никто не знает. Хочешь, считай это законом естественного отбора.

Татьяна, мое милое привидение, моя пра-пра... и не знаю, сколько раз еще — бабушка исчезла в семь вечера того же дня. Вначале возник из ниоткуда знакомый изумрудный луч, заставивший ее засуетиться. Ей-богу, если бы это было физически возможно, она повисла бы на моих плечах и рыдалась бы по-бабьи. Я бы тоже. Но она вошла в луч и мгновенно растворилась в нем.

Много лет спустя я удосужился заглянуть в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Раньше мне просто не приходило это в голову. Да и соответствующего издания под рукой никогда не было. «Беклешов Александр Андреевич. Родился 1 марта то ли 1745, то ли 43-го года». Далее перечень должностей по возрастающей, включающий и шестилетний орловско-курский период. Более всего понравилось выражение о нем Сперанского, говорившего о четырех лично известных ему генерал-прокурорах империи: «Беклешов был их всех умнее, но и всех несчастнее».

В чем изменилась моя жизнь? Внешних перемен было немало. Прежде всего, я дослужился до должности главного инженера завода, после чего насовсем оставил профессию. Несколько лет пробовал себя в бизнесе, что позволило мне поменять однокомнатную квартиру на самой окраине Орла на апартаменты в центре. Бездельничал, путешествовал, изучал всякую оккультную дребедень. Так и не женился. И до сих пор не знаю своего предназначения.

А Вы?

Об авторах

Афанасьев Иван Борисович, 1957 г.р., живет в Орле. Член Союза литераторов России. Творческую деятельность начинал как поэт, публиковался в местных, региональных и республиканских СМИ и сборниках. В зрелые годы переключился на прозу.

Жданов Сергей Владимирович родился в 1956 году. Живет в Орле. Член Союза Литераторов РФ. По специальности психолог, работает в психиатрии. Литературной деятельностью занялся с 2004 году. Публиковался в региональных литературных альманахах, в журнале «Знание — сила. Фантастика» (№ 1, 2011) — «Узревший облик мира».

Совместно авторы публиковались в журналах «Искатель» (№ 11, 2007), «Знание — сила. Фантастика» (№ 2, 2011). В 2007 году опубликован их совместный роман «Последняя надежда творцов» (г. Орел, издательство А. Воробьева).

Ефим Гамаюнов

Тот самый день

Работа и назначение некоторых частей человеческого мозга и нервной системы на сегодняшний день остаются неизученными и непонятными.

Как только Олег открыл глаза, как только увидел знакомые очертания комнаты, соскочившую со второго крючка справа занавеску, он понял — сегодня!

Легким холодком пробежало восхитительное чувство — сегодня. Сегодня. Тот самый день. Почему он тот самый? — пробовало удивиться что-то внутри, нечто далекое и отчужденное. Потому! Все его, Олега, существо знало — именно тот. День, когда должно случиться самое главное в жизни.

Сколько времени? Зеленые, помаргивающие цифры показывали семь тридцать четыре. До доклада профессора Шолоковского оставалось еще пять часов двадцать шесть минут.

Олег вскочил с кровати и первым делом бережно достал из тумбочки вещь. Купить эту штуку было нелегко. Ха, тогда он еще было сомневался — нужна ли она будет? Для чего ему эта вещь? Смуглый продавец, заглядывая в глаза, тихо говорил тогда: поверь, это очень нужная вещь.

И сегодня, да-да, именно сегодня, он понял. Так и должно быть! Это же ясно как... день!

Душ, завтрак, все наскоро, не главное...

Олег еще раз осмотрел вещь. И вновь до ускоренного биения сердца, до кружения головы — сегодня.

Он положил вещь в дипломат, закрыл.

Почти восемь. Уже пора, нужно успеть заехать в лабораторию, забрать схемы и прочее, получить последние — вот уж точно последние! — инструкции. Педантичность Валентина Львовича, пожалуй, равнялась его гениальности. А затем...

Владимир Георгиевич, начальник безопасности шестого участка города и располагавшегося на нем здания закрытого военного научного ведомства (с большим конференц-залом), снял трубку и набрал номер начальника областной милиции.

— Полковник ФСБ Пращин, — представился он, — Станислава Семеновича.

Подождал немного и заговорил в бубнящую трубку:

– День добрый, Станислав Семенович. Пращин тебя беспокоит. Насчет сегодняшнего доклада Шолоковского... Ага... С десяток покрепче... Да-да, входы и так... Нет, внутри я своих, там все равно дежурят... Да, усилим, а твои на всякий случай... Слушай, и еще ОМОН пускай тоже дежурит усиленно сегодня, пока не закончится все... Откуда я знаю? Сверху приказ спустили... Ага... Ну добро, Семеныч, добро... Все, отбой.

Владимир Георгиевич положил трубку и потер лоб. И чего ему всякие защитники прав человека и противники клонирования сегодня в голову лезут? Дрянь всякая. Не к ночи, а тем более не ко дню.

А вдруг? Из-за них вся кутерьма?

Пращин потрянул крупной седой головой. Брр. Нажал кнопку на селекторе:

– Леночка, можно кофе покрепче? И позови капитана Иванова.

Тоже еще, защитники человека...

Лаборатория располагалась в здании с каким-то военным ведомством, он не очень хорошо знал, каким именно.

– Доброе утро, Олег Ильич, – поздоровался с ним караульный сержант.

– Доброе, – улыбнулся он в ответ. – Отличный день?

– Как обычно, – пожал плечами сержант и освободил «вертушку».

– Поверь, день сегодня будет отличный!

Оставив сержанта удивленно смотреть ему в спину, Олег простучал ботинками по лестнице – был лифт, но сегодня? – и, пройдя по длинному коридору, зашел в неприметную (таких тут десятки) дверь, обитую коричневым дерматином.

К своему удивлению в лаборатории его встретила только лаборантка Лариса.

– Валентин Львович уже уехал, – сообщила она.

Внутри царпануло.

– Давно?

– Да собственно он и не заезжал сегодня. Позвонил, напомнил, чтобы отдала вам все заготовки. Вы знаете, Олег Ильич, по-моему, он чего-то боится.

Он посмотрел на Ларису, испытывая непонятное радостное удивление внутри:

– Почему ты так думаешь?

– Ну, не знаю, – замялась та. – Голос какой-то... странный. И вообще последнее время как-то Валентин Львович себя вел... тоже странно. И еще он, когда говорил по телефону, сказал... сказал, что мол дай Бог, завтра нам нечего будет бояться. Вот.

– Так и сказал? – иронично поднял брови Олег.

– Точно так и сказал.

– Выбрось все это из головы, – посоветовал он, – И давай собирать, что мне надо взять с собой.

– Да все уже готово, – заверила Лариса. – Только вам еще надо посмотреть сообщение на своем компьютере. Валентин Львович сказал обязательно напомнить.

Хм. Олег дошел до своего стола и включил монитор (на ночь системник он не выключал). На рабочем столе лежал значок с пометкой «Срочно! В. Л.». Наверное, оно.

На экране в окне плеера возникло худое, обрамленное седыми волосами и бородкой, лицо Валентина Львовича Шолоковского. Позади профессора было темно. «Вчера вечером веб-камерой снял», — подумал Олег.

— Добрый день, Олег, — раздалось из динамиков, — Извини за этот непонятный балаган. Меры предосторожности, потом сам поймешь. Лариса Сергеевна должна все тебе отдать, я утром еще позвоню, напомню. Теперь попрошу еще об одном. В верхнем ящике стола лежит железный обруч. Посмотри, вот такой же...

Профессор дотронулся до головы: Олег заметил тонкую ленточку поперек лба, у самых волос.

Он наклонился, открыл ящик и достал хрупкий, проволочный ободок с прикрепленной небольшой коробочкой.

— ...Прошу тебя, — продолжал Валентин Львович, — одеть его, как только найдешь. И не снимать до конца нашего сегодняшнего доклада. Это очень серьезно!.. Ну, ни пуха. Не опаздывай! Завтра, то есть сегодня, очень важный день...

Плеер высветил черный экран: запись кончилась.

Вот черт! Олег повертел тонкий обруч, что еще за причуды? Хотя, не наденешь, шеф будет недоволен, обидится или наоборот рассердится. Вот и думай: то ли выставлять себя дураком, то ли профессор снова открыл нечто непонятное, но ужасно важное? И без этой вот фигурьки ничего не выйдет.

Он отрыл дипломат и, прежде чем положить туда ободок, дотронулся до холодного железа пистолета...

Главред уставился маленькими красными глазками, спрятанными за стеклами золоченых очков, на Желтова. Тот всегда ощущал себя неудобно под таким «артиллерийским» взглядом. Бухает, похоже, наш главред, бухает.

— Сегодня в час Шолоковский дает закрытую конференцию. У военных в «Военнауке». И, главное, делает на ней очень важный доклад. Понял?

— И о чем? — вопросом на вопрос ответил Желтов.

— А вот это, Леша, я и хочу узнать, — главред, похоже, совсем не моргал. Как удав. Красноглазый.

— А как я попаду-то туда?

— Думай, Леша, думай! — повысил голос удав. Не в духе, точняк с похмелья.

— Могу идти думать?

— Чтоб репортаж был. Как хочешь, но чтобы у нас у первых! — в спину закричал главред.

Леха Желтов аккуратно прикрыл дверь.

Вот, блин, попал под горячую руку! Туда не проберешься, в «Военнауку» эту чертову! Денек, блин!

К серому двухэтажному, из-за ширины выглядящему приземистым зда-

нию Олег добрался только в десять восемнадцать, несмотря на то, что идти было несколько кварталов. Профессор оставил на его долю достаточно много всяких таблиц, схем и диаграмм, распечатанных на «А2-ом» принтере (эта странная нелюбовь Валентина Львовича к проекторам, удивительная, право слово, в двадцать первом веке). Да плюс большая коробка с макетами, как было написано на ней. Макетами чего, Олег не знал. Хотя смутно догадывался, конечно. Вернее подсмотрел. Мозга, нейронов... Что профессор задумал?

Да еще дипломат, ноутбук...

Неважно, неважно. Он пробежал эти кварталы, даже не подумав о возможности поймать такси. Чем ближе были тринадцать часов, тем больше Олег испытывал некий трепет, словно чего-то страшился. Нет, не то слово, не страшился...

Это он, это внутри, это сегодня.

На входе его остановили два дюжих молодца в камуфляже и с автоматами.

— Что несем?

— Я Муромцев Олег Ильич, ассистент профессора Шолоховского.

— А это что? — довольно бесцеремонно прервал его молодец справа, указывая на коробку.

— Это для доклада. И вообще, что происходит? Я ассистент проф...

Второй охранник нажал на кнопку висящей у плеча рации и проговорил в микрофон:

— Вход один, главному. Тут какой-то, говорит ассистент. При нем запечатанная коробка серого цвета. Досматривать?

— Главный входу один. Пусть подождет, — проскрипела рация.

— Ждите.

Олег подумал про дипломат. Что если начнут досматривать? Что говорить тогда? И вообще для чего тут военные, или милиция, или кто это вообще тут! Он нутром почуял, что его бесцеремонно рассматривают. Ну конечно, камера вон висит.

Рация на «камуфляже» ожила и проскрипела вновь:

— Проверьте у него пропуск в лабораторию. Если Муромцев — пропускайте.

— Пропуск покажите, — обратился тот, что справа.

Олег достал из кармана пиджака серый пластиковый прямоугольник и протянул охраннику. Тот миг изучал и вернул обратно.

— Проходите.

Внутри его встретил человек в штатском, с армейской выправкой. ФСБ? Следуя за ним, Олег попал в большой зал, готовый для доклада. Горел свет, у дальней стены с висящим экраном для проектора стоял длинный стол, на котором стояло несколько компьютерных экранов. Олег здесь еще не бывал и с интересом смотрел на пока еще пустой зал. Вот это место.

— Располагайтесь. Если нужно компьютер подключить, Дима поможет. Дим! — позвал человек в штатском. — Помогите Олегу Ильичу. Профессор где-то тут.

Появившийся парень в очках протянул руку:

— Дима. Давайте помогу.

Пока подключали ноутбук и выставляли штативы для бумажных плакатов, появился шеф Олега — профессор Валентин Львович Шолоковский.

Увидев его, Олег ощутил отчего-то огромное облегчение, словно боялся, что Валентин Львович исчезнет и не появится сегодня вовсе. И что-то сломается во всей этой жизни. А вот теперь было нормально. Теперь можно и...

— Олег! — крикнул профессор издали, от самой двери. — Вы сделали то, что я просил? Надели экран? Обруч?!

От черт! Издали казалось: Шолоковскому сильно не по себе.

— Сейчас, Валентин Львович!

Олег открыл дипломат и достал тонкий ободок с коробочкой. Глупость. Зачем это одевать, глупость. Вот если взять вещь...

В зал вошло несколько человек в синей милицмейской форме. Олег торопливо захлопнул дипломат, секунду вертел в руках проволочную окружность, одел на голову...

...Мир покачнулся. Нет, не то, чтобы что-то сильно изменилось, но у Олега словно бы на миг закружилась голова, а в груди разлилось странное чувство: что-то не сделано, что-то он забыл. Он вдруг понял, что очень одинок во всем этом пустом зале.

— Как самочувствие? — спросил, подходя, Валентин Львович. И выглядел он теперь заметно приободрившимся.

— Да нет, все нормально, — ответил Олег. — Душно, наверное.

Шолоковский внимательно смотрел на него.

— Вот и хорошо, Олежек. И помни: не снимай, — тихо, так, чтобы слышал только Олег, сказал профессор. — Пока все не закончится, не снимай.

У Олега вновь чуть закружилась голова, только теперь он точно знал от чего: он просто не понимал шефа! Тот делал нечто важное: проводил новый эксперимент или подтверждал какую-нибудь новую теорию, или... Но что он делал, Олег не понимал! Хотя считал себя первым и чуть ли не единственным ассистентом профессора еще со времени открытия им Зед-излучения. Последние семь месяцев они вплотную изучали источники возникновения этих странных волн, их свойства, способы распространения и многое другое, и делали это вместе! Можно сказать, Олег был правой рукой Шолоковского в любых исследованиях. Разумеется, шеф вел собственную переписку, отсылал запросы в другие лаборатории, институты... Но, как правило, потом Олег знакомился с приходящими ответами. Он всегда был в курсе происходящего. Всегда!

Но не сегодня. Логика сегодняшнего поведения профессора ускользала от Олега.

— Олег, если ты тут все закончил, — Валентин Львович покрутил рукой, — я попрошу тебя еще об одном. Вот список, последи, кто подъезжает, и поотмечай, пожалуйста. Очень нужно для доклада. Очень!

— Валентин Львович, я не совсем понимаю всего этого...

— Так надо, Олег. Ты поймешь сегодня, почему все так. Обещаю. Сегодня особенный день, и прожить его надо по-особенному.

Ничего не скажешь — объяснил!

— Думаешь, пустят? — спросил водила Серега.

Хотя в голосе сквозила издевка, Леха ответил:

– Посмотрим. Если не попробую, удав меня отымеет.

– Кто? – удивился Серега.

Леха махнул рукой – проехали, вылез из «девятки», подумал секунду, оставил большой «Кодак» на сиденье, сунул в карман маленькую мыльницу «самсунг». Диктофон на месте... Да, не надышишься все равно.

– Гляди! – посоветовал он Сереге, хлопнул дверкой и зашагал к серой коробке «Военнауки».

У входа дежурили «реальные амбалы». Таких после армии бандюки любят к себе брать.

– Я... – начал было Леха.

– Репортер? – глухо поинтересовался один. – Из «Новости-Экспресса»?

– Да, – ошарашено ответил Желтов.

– Проходи.

О, блин! Лехе стало не по себе. Такого с ним еще не бывало. В лучшем случае он ждал просто совета идти подальше. Черт, удача? Не, что-то нечисто, что-то не так. Напутали? Ждали? Черт!

Два часа пролетели незаметно. Олег добросовестно продежурил их в коридоре, неподалеку от входа, отмечая подъезжающих. Он даже не догадывался, кого Валентин Львович ждал. Сказать в двух словах: цвет науки. Самые видные ученые: физики, химики, биологи, историки. Даже парапсихологи!

Олег удивлялся все больше. Он думал, что знает, о чем будет сегодняшней доклад, но, похоже, он знает не все. А может, и ничего не знает!

С некоторыми приехавшими Олег был знаком лично. С ним здоровались, он здоровался, показывал, как добраться до зала. Несколько раз пришлось отшучиваться насчет ободка на голове.

Вместе с тем, он чувствовал себя все больше не в своей тарелке. Странное тревожащее чувство одиночества и недоделанности все ярнее грызло внутри. Почему? Что же он забыл, что не сделал?

Некоторых людей Олег не знал, а иные казались ему очень подозрительными личностями. Хотя... Тут же армия. ФСБэшники, может даже еще кто. Двенадцать пятьдесят восемь.

Олег осмотрел пустой (не считая парней в камуфляже – охраны) коридор, быстрым шагом направился в зал. У самых дверей его вежливо остановили.

– Прошу вас сдать все колюще-режущие предметы, авторучки, карандаши, оружие...

Олег непонимающе посмотрел прямо в спокойное лицо. Потом протянул карандаш.

– А в чем дело?

– Извините, приказ. По просьбе профессора Шолоковского.

– Но я ассистент профессора, Муромцев.

– Еще раз извините, но... Больше ничего нет, надеюсь?

– Нет у меня больше ничего, – Олег провел руками по карманам. – Только карточка вот, и все.

– Проходите.

В третий раз Олег за сегодня испытал головокружение. Все-все, собратья. Прежде всего – доклад. Который уже почти начался!

Олег проскользнул вдоль стены и встал в тени, у освещенного светом стола. Шефа пока не было. Но зал заполнен битком. Шолоковский, гений. Говорили, что за Зед-излучение ему обязательно дадут Нобелевскую. Шутили: как только придумают, в какой номинации. И он, Олег Муромцев, ассистировал Шолоковскому тогда. Ассистировал вроде и сейчас. Но в чем сейчас? Скорей бы. Олег вытер со лба капельки пота. Внутри все начинало тихонько дрожать.

Один час три минуты.

Зал выдохнул. Профессор Валентин Львович Шолоковский внезапно появился в ярко освещенной части зала и стремительно направился к кафедре. Лицо профессора было хмурым, взволнованным, но говорить он начал уверенно.

– Добрый день, уважаемые присутствующие сегодня в этом зале. Рад видеть здесь знакомые лица, рад, что все вы откликнулись на мое приглашение. Сразу хочу извиниться за столь стремительное развитие событий. Понимаю, что оторвал многих из вас от важных исследований, срочной работы. Извините.

Шолоковский прижал руку к груди и чуть поклонился.

– Я думаю, что вы все поймете в ходе сегодняшнего доклада. Надеюсь, что мой предыдущий опыт позволит мне сегодня завоевать ваше внимание и понимание, несмотря на то, что многое из сказанного мной сегодня будет звучать фантастически, нереально, может быть даже абсурдно. Тем не менее, большинство изложенного будет подтверждено фактами, расчетами и вычислениями, некоторые из которых были выполнены вами по моей просьбе. Настало время объединить их в единую массу, и попытаться слепить из этого крепкий ком истины, сколь бы парадоксальной она ни была. Но, как говорил великий Галилей: все-таки она вертится! И ведь она действительно вертится. Пришло время взглянуть на привычные вещи под новым углом. Если у вас не будет возражений, то я, пожалуй, начну. Да? Что?

– Добрый день, профессор, – в середине зала поднялся высокий черно-волосый человек. Олег узнал Праскова, биолога с мировым именем. – Простите, но к чему все эти меры: у меня отобрали золотой именной «Паркер». Мне не жалко, но чем я теперь буду хвастать?

В зале рассмеялись.

– Ох, действительно. Добрый вечер, Алексей Дмитриевич! И еще раз прошу всех меня простить. Быть может, все это излишне, но по ходу моего доклада, вы, я надеюсь, поймете мои опасения, и что они вполне обоснованны. Я скажу больше: я вынужден принять все эти меры, поскольку серьезно опасаясь за то, что не успею всего вам рассказать. И обещаю: все вам вернут по окончании сегодняшней нашей встречи!

По шуму Олег понял: в зале есть возмущенные подобной выходкой Валентина Львовича. Впрочем, о том, что шеф непонятно чего боится, он знал еще утром, в лаборатории.

— Друзья мои успокойтесь! — продолжал профессор. — Снова прошу вас дать мне возможность начать выступление, тогда ответы на ваши вопросы должны появиться сами. Я уверен, вы все поймете.

Зал успокоился.

— Спасибо. Начнем. Итак, как думаю всем известно, полтора года назад нашей лаборатории удалось открыть некое явление, названное нами в рабочем порядке Зед-излучением. Тогда мы думали, что это излучение имеет естественный, так сказать природный характер, то есть тем, к созданию чего человек не имеет никакого отношения. Мое сегодняшнее выступление посвящено более чем годичному исследованию этого явления. Я упустил много времени, слишком много, проверяя и перепроверяя получаемые данные. В этом мне помогли некоторые из вас, спасибо. Повторюсь, выдвигаемые мною гипотезы фантастичны, но, ознакомившись с результатами наблюдений и опытов, других выводов я сделать не могу...

Странно, подумал Олег, очень странно. Да, разумеется, есть необычные факты в их исследованиях, но в принципе ничего фантастического.

— ...Для начала мне хочется рассказать всем вам нечто новое о Зед-излучении. Итак, первая гипотеза. Полную раскладку вычислений и расчетов вы сможете получить чуть позже, а пока... Из школьного курса физики можно узнать, что любое явление, свет ли, звук, иные излучения имеют волновую форму, так сказать, жизни. Все они различаются, по сути, всего лишь несколькими величинами: частотой на которой существуют, длиной, модуляциями... Повторюсь, все эти сведения в простейшей, разумеется, форме можно узнать даже в школе. Если продолжить изучение физических явлений дальше, можно узнать чуть больше об видах, структуре волн, но ничего нового в этих процессах найти чрезвычайно сложно. Разумеется, я в курсе открытия некоторых явлений, не отвечающих волновому принципу, но все они так или иначе создают нечто, по которому мы их видим или слышим. То есть, опять-таки волны. Так вот, изучая Зед-излучение, проводя эксперименты, замеры, довольно сложные опыты, можно прийти к удивительному, но единственному решению — этот вид излучения является всего лишь остаточным явлением, так сказать, кругами на воде, от каких-то абсолютно непонятных, попросту фантастических процессов или явлений! Абсолютно непонятно как возникающих, физических, химических, биологических или еще каких там по своей природе!

— Но, позвольте, профессор, — раздался среди взволнованного шума голос.

— Именно! — прервал Шолоковский. — Именно это я и хочу сказать, формируя свою первую гипотезу: перед нами открывается некий иной, параллельный мир, оказывающий, тем не менее, некое воздействие на наш. Зед-излучение, вот это воздействие, долго не замечаемое нами, непонятное, загадочное, но хотя бы открытое и позволяющее исследовать себя. Принадлежащее нашему миру.

— Но почему Вы думаете, что открыли мир не наш, а параллельный?

— Потому, что даже если явления, вызывающие наше излучение, принадлежат миру людей, то на очень многое человеку придется взглянуть иначе, и мир неминуемо перевернется!

Шолоковский вскинул руки вверх, призывая к тишине, обрывая десятки вопросов.

— Нельзя останавливаться сейчас. Вопросы чуть позже. Извините, но мне нужно торопиться. Позвольте представить вам моего ассистента, Олега Ильича Муромцева.

Олег пригладил мокрые волосы и шагнул к профессору, раздались хлопки в зале.

— Он был моим помощником на протяжении последнего времени. Много знает о Зед-излучении, большинство расчетов — его рук дело. Так же им составлена карта неоднородности и распределения по земной коре Зед-излучения. Я попрошу вас, Олег Ильич, вкратце рассказать о наших опытах и показать достигнутые результаты.

Шолоковский отошел от кафедры, приглашая занять его место.

Олег ощутил, как тепло разливается по телу. Шеф мог бы и сам рассказать, но просить его. Волна благодарности захлестнула Олега.

— Здравствуйтесь, — обратился он в зал. — Валентин Львович просто дает мне шанс засветиться. На самом деле он может рассказать все более подробно. Сразу хочу произнести ему большое спасибо. А у всех вас попрошу минутку, у меня в компьютере слайды, я сейчас запущу.

Олег отошел к ноутбуку, взял его, подтащил к кафедре (хорошо, шнура хватило), быстро нашел нужную папку.

Он предельно коротко рассказал о проведенных опытах, об общей неоднородности фона Зед-излучения, о местах особого сильного фона, привел данные спутников.

— Наши первоначальные исследования и замеры мест особо сильного фона Зед-излучения нуждались в подтверждении. Мы много времени потратили на получение доступа к спутникам: метео, связи. Удалось задействовать даже несколько принадлежащих Минобороны. Разумеется, установленное даже на военных спутниках оборудование не дает в полной мере создать картину. Однако, используя имеющиеся возможности, мы можем смоделировать подобную карту. — Олег шелкнул клавиатурой, и на экране позади появилась большая карта мира с нанесенными обозначениями. — Обратите внимание, красный фон — места особо сильного Зед-излучения, желтый — среднефонового, и коричневый — слабофонового Зед-излучения. Отсюда общий вывод: особо сильным излучение является в местах проживания человека. Никакие иные природные факторы: геомагнитные разломы, стыки материковых плит, границы водоразделов не влияют на него. Спасибо за внимание.

Раздались негромкие аплодисменты.

— Замечательно, — похвалил профессор выступление Олега. — Но теперь мы несколько сменим нашу тему, и послушаем еще одного моего помощника, пусть не такого важного, как Олег Иванович, но его данные невероятно важны для дальнейшего хода нашей встречи. Виктор Анатольевич, прошу вас.

Вышедший под свет ламп был одет в джинсы и старый свитер грубой вязки. Тем не менее, большинство собравшихся знали его как видного исследователя человеческого мозга, доктора медицинских наук Шацкого.

– Добрый вечер! На самом деле я не знаю, для чего понадобился сегодня Валентину Львовичу, но он попросил меня рассказать немного о человеческом мозге. Что ж, человеческий мозг, одно из величайших творений эволюции, до сих пор остается для ученых «terra incognita» – «неведомой землей». Мы можем сказать, что он менее познаваем, чем космос, и что именно мозг человека остается самой великой тайной уходящего тысячелетия. Это действительно так. Основные исследования проведены в области идентификации функций мозга, однако даже здесь отсутствуют подходы, отличающиеся от чисто «схематических». Биохимия нейронов, фундаментальных строительных блоков мозга, очень неохотно раскрывает свои секреты. Каждый год приносит новую информацию относительно электрохимического поведения нейронов. Причем всегда в направлении раскрытия новых уровней сложности. Ясно одно: нейрон является намного более сложным, чем представлялось несколько лет назад, и нет полного понимания процесса его функционирования...

– Прерву вас, Виктор Анатольевич, – обратился Шолоковский к выступающему. – Я понимаю, что о мозге вы готовы говорить много, но если возможно, все же покороче и попроще, если не трудно.

– Хорошо, – улыбнулся Шацкий. – Действительно я несколько глубоковато. Тогда всего несколько фактов. Человеческий мозг содержит от пяти до двадцати миллиардов вычислительных элементов, называемых нейронами, а нейроны связаны сотнями триллионов нервных нитей, называемых синапсами. Эта сеть нейронов отвечает за все явления, которые мы называем мыслями, эмоциями, познанием, а также и за совершение мириадом сенсомоторных и автономных функций. Пока малопонятно, каким образом все это происходит, но уже исследовано много вопросов физиологической структуры. Мозг является основным потребителем энергии тела. Включая в себя лишь 2% массы тела, в состоянии покоя он использует приблизительно 20% кислорода тела. Даже когда мы спим, расходование энергии продолжается. В действительности существуют доказательства возможности увеличения расходования энергии во время фазы сна, сопровождаемой движением глаз. Потребляя только 20 Вт, мозг с энергетической точки зрения невероятно эффективен. Компьютеры с одной крошечной долей вычислительных возможностей мозга потребляют много тысяч ватт. Не совсем верно полагать, как многие думают, что человек может использовать только 10% своего мозга. На самом деле человек каждодневно использует весь потенциал своего мозга. Различные исследования показали, что даже для выполнения простого задания активизируются практически все отделы головного мозга...

– Но можно ли говорить о том, что человек использует весь потенциал своего мозга, всю энергию его деятельности? – спросил Шолоковский.

– Трудно сказать, – ответил Виктор Анатольевич, – Скорее всего, конечно нет, хотя пока это не изучено настолько, чтобы делать выводы. Мозг ведь работает круглосуточно, спим ли мы, работаем ли... Потребление энергии не зависит от этого...

Олег слушал Шацкого с возрастающей тревогой. Что же все-таки он не сделал? Отчего так беспокойно? Сердце гулко билось в груди. Что же, что?!

Шацкий тем временем рассказал о строении мозга, об основных участках, о нейронах, аксонах, синапсах, дендритах... «...Аксон может быть как коротким (0,1 мм), так и превышать длину 1 м, распространяясь в другую часть тела человека...»... Удивительно...

Валентин Львович ассистировал доктору медицины: подавал принесенные Олегом в коробке модели мозга.

Наконец Шацкий закончил свое выступление:

– Академик Бехтерев однажды заметил, что, постигнув тайны мозга, человек разгадает тайны Вселенной. Даже если это и преувеличение, то не такое уж и большое. Другое дело, что, скорее всего, в ближайшем будущем мозг вряд ли откроет ученым все свои тайны.

– Спасибо вам, Виктор Анатольевич, – поблагодарил его Шолоковский. – Теперь время для второй гипотезы. Итак, мы выслушали выступление человека, всю свою жизнь посвятившего изучению мозга. Что же мы услышали? Я попробую конкретизировать. Мозг, имея небольшой вес относительно тела человека, расходует больше всего энергии. Человек не использует в каждый конкретный момент весь потенциал своего мозга, хотя энергия, получаемая им, тем не менее, расходуется практически постоянно. Ни один из органов человеческого тела природа не защитила так надежно, как мозг. Он находится за броней костей черепа, окружен специальной жидкостью, кровь в него подается не пульсирующей, а плавно текущей... Получается что: весь человеческий организм работает только на мозг. Заметьте: не мозг для организма, а организм на мозг! Гипотеза два, и, повторюсь, все расчеты по ней, все эксперименты вы сможете получить и проанализировать чуть позже. Итак, источником Зед-излучения является человеческий мозг, а вернее, необъяснимые пока процессы, протекающие в результате его деятельности. Именно сюда же я отнес и огромную разветвленную сеть нервной системы: скопление нейронов с его аксонами и прочими-прочими, что, по сути, является мощной антенной, способной принимать и передавать нечто посредством открытого нами Зед-излучения!

В зале поднялся шум. Видные ученые, перекрикивая друг друга, старались задать Шолоковскому вопрос. Сам профессор напоминал собою сейчас, наверное, легендарного доктора Фауста: его глаза горели, волосы растрепались, но он, не замечая ничего вокруг, властным движением рук прервал разгорающуюся бурю:

– Не время для вопросов. Дальше! Только дальше! Если бы для всего этого была бы придумана наука, то я бы сказал вам – все это научно доказано! Но науку эту нам еще только предстоит открыть! Дальше!

Олег чувствовал, как пот градом катится по лицу. Шеф не в себе... или, может, это он не в себе? Все они, сидящие в этом зале? Ведь он сам тоже видел все эти результаты, но не смог просто сделать вывод. Быть может, Валентин Львович еще раз докажет всем, что он гений.

Испытывая приливы непонятной дурноты, Олег слушал, как профессор выдвигал следующую гипотезу... Он доказывал существование мирового разума, информационного поля. Лишь обрывки фраз долетали до горящего сознания.

— ...Это можно заметить, наблюдая простейшие формы проявления коллективного разума: поселения пчел, муравьев, поведения косяков рыб, или стай птиц... схожее поведение близнецов, объединенных словно одной судьбой, одним подключением к этому инфополю... два человека одновременно делают схожие открытия, находясь в тысячах километрах друг от друга... чтение мыслей, гипноз, ясновидение, предчувствие, интуиция — это ли не проявление кратковременного подключения к единой базе данных, единому мозгу... раздвоение личности всего лишь ошибочная идентификация внутри поля, двойное подключение...

Зал то взрывался бурей негодования, то восторженно и почтительно замирал, словно околдованный доводами и пояснениями профессора. Шолоковский стремительно срывал вывешенные схемы и диаграммы, доказывая, демонстрируя, убеждая в невозможном...

— Но это еще не все! — напряжение в зале достигло пика: сам воздух дрожал раскаленной струной.

Шолоковский открыл разом несколько диаграмм и карт.

— Это последнее мое открытие. Взгляните: это все реально, как бы невероятно ни выглядело. На этой карте места особой активности Зед-излучения. Здесь возможно зафиксировать его пучки, направленные, подчеркнуты, пучки. Каким образом стало возможным проделать это, еще предстоит изучить. И что самое невероятное — эти волновые отражения загадочных процессов выявлены там, где нет человека, хотя все эксперименты говорят, что Зед-излучение — результат работы мозга! И направлены эти пучки в противоположные стороны! Один к нам, на Землю, а другой туда, — профессор указал вверх, и Олег, как и все в зале проследив за вытянутым пальцем посмотрел вверх. — Это место — пирамиды, друзья мои. Великие египетские пирамиды! Предпоследняя гипотеза! Слушайте ее: некто или нечто посылает поток информации на землю, управляя гигантским компьютером, где люди, а вернее их мозги, являются всего лишь транзисторами, обрабатывающими эту информацию. Транзисторами, связанными Зед-излучением в единый механизм. Кто-то думает, что это выдумки? У меня есть куски обработки Зед-излучения. Я не смог дешифровать их даже с вашей помощью Николай Николаевич, но ведь вы сами анализировали их и прислали мне ответ. Это, несомненно, кодированное сообщение, с четко выраженной структурой кода! Это мы с вами, Григорий Алексеевич, производили замеры у пирамид. И не зря с древних времен им предавали такое значение, не зря в пирамидах происходят странные, необъяснимые явления! Там само время словно останавливает бег!

В зале стояла мертвая тишина, но профессор Шолоковский все равно кричал. Голова у Олега кружилась от нахлынувшей информации и понимания? — непонимания? — происходящего. Он обхватил ее руками, он старался вытереть со лба пот. Что это? Ах да обрuch.

Олег снял с мокрых волос тонкий ободок. Сейчас он только вытрет и снова...

Словно что-то шелкнуло. Шелк! Все стало на место. Все правильно, ведь сегодня — тот самый день! ТОТ! САМЫЙ!

Как он мог забыть об этом? Как!

Олег нагнулся и откинул застёжки дипломата, открыл крышку, сунул внутрь руку. Разумеется, вещь там.

Он достал пистолет, осторожно, под столом. Но ведь тут полно народа, возмутился некто внутри. Заткнись! Какая разница? Нет никакой!

Шолоковский тем временем продолжал свой доклад:

— А теперь последнее. Потом думайте, что хотите, пользуйтесь всеми моими расчетами и экспериментами. Всем. И вы придете к такому же выводу. И будете, как и я сейчас, под прицелом. Последняя гипотеза. Абсурдная, но другой я не вижу. Динозавры вымерли не потому, что гигантский метеорит упал на землю, и не потому, что им не было чего есть. Единственное объяснение в том, что некто увидел: его компьютер устарел и пора делать новый, мощнее. И процесс эволюции двинулся дальше, и возник человек... Мне можно не верить, но я знаю: кто-то следит за нами, некто знает: в его компьютере есть бракованные транзисторы. И их нужно удалить. Он может просто приказать им умереть. Или сойти с ума... Именно поэтому я так боялся не успеть сказать вам все это. Именно поэтому я собрал вас всех в последний момент в неизвестном вам месте и отобрал ваши паркеры... Так ему сложнее добраться до меня. Но теперь это уже не важно... Разумеется, он располагает информацией, что я знаю о нем, но вот это, — профессор указал на ободок на голове, — не дает ему приказать мне просто умереть. Я знаю, как его заблокирова...

Олег сделал три стремительных шага, поднял руку с пистолетом и выстрелил Шолоковскому в голову. Самое важное...

Выстрел гулко ударил по ушам.

— Нет клонированию. Защитим права человека! — зачем-то сказал Олег. И выстрелил себе в висок...

Владимир Георгиевич смотрел на дрожавшего человека.

— Добрый день, — он взглянул на лежащий перед ним листок, — Алексей... Желтов. Я полковник безопасности Пращин. Я знаю, что вы сегодня были на ... ну, вы понимаете. Это я велел вас пропустить. Считаю, так сказать, правильным. Хотел бы спросить вас об одном. О чем же вы хотите написать в своей газете по этому поводу?

— Не знаю, — тихо ответил Леха.

— Ну, сами-то вы что думаете?

— Может шизофрения или наркотики. Он... был как ненормальный...

— Правильно, так все и есть. Вот пропуск, идите. Камеру и диктофон вам вернут позже... Он был ненормальным. Только, помягче как-нибудь, хорошо? И без подробностей. Все-таки имя. Гениальность часто граничит с болезнью... Жаль, очень жаль.

После того, как журналист исчез за дверью, Владимир Георгиевич помассировал шею, потер глаза. Голова разболелась, кошмар. Защитники человечества, противники клонирования. Дурь. Лезет в голову с самого утра. Вот и «накаркалось». Хорошо хоть «прессу» оперативно удалили из зала...

Девять «двухсотых». Семь инфарктов сразу! Уму непостижимо. Но ведь опять-таки не предел. Трое в реанимации, еще один в коме... Ученые, док-

тора наук. Губят себе здоровье в этих лабораториях, потом чуть что — мрут как мухи.

Он снял трубку телефона, набрал номер.

— Ильин? Пращин говорит. Десятую группу в лабораторию к... да... все, что можно, совсекретно, разумеется. Выполнять...

— Теперь, дорогие телезрители, о чрезвычайном событии. Сегодня, около семи часов вечера, произошла крупная авария на пересечении улиц Вторая Дачная и Дьяченко. В следовавшую по маршруту военную колонну врезались «жигули» десятой модели. Водитель, тридцатидвухлетний Алексей Желтов, сотрудник известной газеты «Новости-Экспресс», выскочил на встречную полосу, где и произошло столкновение «десятки» с головной машиной колонны «Военнауки», двигавшейся на большой скорости. Вторая и третья машины колонны, также совершили столкновение и загорелись. Пожарные прибыли на место аварии только через тридцать минут. К этому времени от горящих машин остались только каркасы. В аварии погибли четырнадцать человек. Что перевозили военные грузовики остается неизвестным, однако пресс-секретарь «Военнауки» подполковник Демин заверил, что авария никак не скажется на здоровье людей и окружающей среды. Он также добавил, что никаких химических или биологически активных веществ не перевозилось. И у нас на телефоне главный редактор газеты, где работал погибший журналист Алексей Желтов, Станислав Семенов:

— За несколько часов до катастрофы, унесшей его жизнь, Леша звонил в редакцию и говорил, что у него есть новый, сенсационный репортаж. К сожалению, о чем он говорил... мы так и не узнаем: его последний материал... сгорел вместе с ним. Извините, мне тяжело говорить. Земля тебе пухом, Леша. Мы тебя помним.

— Итак, напоминаю, сегодня в девятнадцать часов произошла крупная авария на пересечении Дьяченко и Второй Дачной, погибло четырнадцать человек. Виновником очевидцы называют журналиста известной газеты «Новости-Экспресс» Алексея Желтова. Точные причины аварии пока неизвестны, делом будет заниматься военная прокуратура. Подробности катастрофы вы можете узнать всего через несколько часов: смотрите «Новости 24» на нашем телеканале в ноль часов...»

Об авторе

Родился 15 апреля 1976 года. Живет в городе Петровске, женат, двое детей. Работает в администрации города. Писать начал в 2002 году, публикуется с 2006 года. Рассказы выходили в журналах «Порог», «Полдень 21 век», «Уральский следопыт», альманахах «Словесность» и «Фанданго», в сборниках «Настоящая Фантастика» (2008 г.), «Аэлита» (2008-2011 гг.). В № 2 за 2008 год «Знание-сила: Фантастика был напечатан рассказ «Похититель снов».

Участник мастер-классов Д. Казакова и А. Первушина, постоянный участник фестиваля фантастики «Аэлита» с 2008 года. Призер ККР-2011 (при конвенсте «Аэлита») по версии Г. Л. Олди.

Владимир Деминский

Белый камень

...возьми истинного ртутиуса и прокали. Жди, пока он не превратится в кровавого дракона. Дигерируй его на песчаной бане. Положи куски в обмазанную глиной реторту и не спеши дистиллируй. Собери отдельно жидкости различной природы, которые появятся при этом.

Алхимик оторвался от рецепта и покрасневшими глазами посмотрел на атанор. Почти год ушел только на то, чтобы расшифровать мудреные названия и разобрать текст! Но вроде пока процесс протекал нормально. Теперь, наконец, все должно получиться! Он закутался в прожженный в нескольких местах халат и принялся читать дальше.

Тохарский сумрак накроет реторту своим бархатным покрывалом, тогда найдешь внутри нее истинную белую саламандру. Ты должен успеть, пока она не сменит свой цвет на зеленый! Возьми ее за хвост и отнеси в атанор! Трижды по три дня должен гореть в печи неугасаемый огонь, и только затем ты увидишь появление белого камня.

— Мастер Ваальд! — из-за двери раздался юношеский голос.

— Иду, — алхимик отложил рецепт и встал из-за стола.

— Здравствуй, Римус, — он отодвинул засов и впустил подмастерье.

— Мастер Ваальд! Хозяин требует плату, иначе грозит выкинуть нас на улицу.

— Пустое это. Он каждый месяц говорит одно и то же, — задумчиво пробормотал алхимик и покосился на атанор. В печи догорали дрова, купленные на деньги ванн Торна.

— Мастер, вы такой бледный! — Римус достал из — за пазухи краюху хлеба и кусок сыра. — Вот, возьмите. Мне удалось стянуть их на кухне.

— А? Что? — несколько мгновений алхимик непонимающе глядел на еду. — Поест? Да, надо бы. Спасибо, Римус, ты добрый мальчик.

Только откусив кусок хлеба, Ваальд понял, как проголодался. С жадностью вгрызаясь в довольно-таки черствую краюху, он попытался вспомнить, сколько же дней не ел. Два? Может быть, три? Неизвестно. С тех пор, как в атаноре разгорелось пламя, все остальные заботы отошли на второй план.

— Мастер, вы уже несколько дней не выходили из комнаты. Может, мне сменить вас у печи?

— Нет! — горячо воскликнул алхимик. — Ни в коем случае! Процесс вошел в завершающую стадию. Я должен присутствовать при этом!

— Как скажете, — ученик пожал плечами. — Я могу идти?

— Да, ступай уже, — алхимик нетерпеливо махнул рукой и отвернулся к печи. — А за хлеб спасибо.

– Удачи вам, – ученик бросил прощальный взгляд на заставленную ретортами и тиглями комнату, затем тихо затворил за собой дверь.

Выйдя в коридор, Римус поежился. Лаборатория находилась на последнем этаже, в угловой, продуваемой всеми ветрами комнате. И даже атанор не больно-то спасал от холода. Пройдя по разохшимся доскам пола к лестнице и стараясь не шуметь, он спустился на второй этаж.

Здесь в одной из комнат, там, где хранились метлы, совки, тряпки и прочий хозяйственный скарб, его ждала Анира. Конечно, не самое подходящее место для романтической встречи, ну а если больше нигде?

Как только Римус появился на пороге, то сразу же попал в объятия девушки. Кухонная служанка была на четыре года его старше, кривозуба и страшна, как смертный грех, но пятнадцатилетний подмастерье не обращал на это ни малейшего внимания. С Анирой он встречался уже больше двух седмиц и был крайне горд тем фактом, что у него наконец-таки появилась девушка.

Спустя некоторое время, когда любовный пыл немного угас и Римус зашептал очередное признание в любви, служанка заявила нетерпящим возражений тоном:

– Все. Надоело.

– Что?! – Римус поперхнулся на полуслове.

– Хозяин, этот жирный похотливый козел и его стерва жена все соки из меня выпили! – жарко зашептала Анира. – Видеть их больше не могу! А служанки! Коровы противные, как же они меня достали!

– Ну-у, – протянул подмастерье, не зная, как отреагировать на этот поток жалоб.

– Римус, милый, – Анира прижалась к нему всем телом. – Давай уедем отсюда! Ты и я, только вдвоем! Что скажешь?

– погоди, – юноша аккуратно отстранил девушку от себя. – Любимая, но я ведь еще не закончил свое обучение. На что мы будем жить?

– Пф-ф, – служанка фыркнула. – Обучение! Скажешь тоже. Ты уже полгода как стал учеником алхимика, и что? Многому научился? Только дрова ему подносишь, да на базаре еду покупаешь!

– Э-э... – На это заявление подмастерье не смог подобрать достойного ответа. В словах Аниры была определенная доля истины.

– Любимый, – девушка поцеловала его. – Я знаю, что делать. Ты только послушай меня.

– Бр-р, ну и погодка, – Хафес ванн Торн поправил промокший от дождя берет и тронул поводья. Тарг всхрапнул и зацокал когтями по брусчатке.

– Шевелись, скотина двуногая, – ласково сказал ему ванн Торн и потрепал животное по мохнатой шее.

И что это за напасть такая! Проклятый дождь льет сплошным потоком с самого утра и даже не думает прекращаться! Ванн Торн прищурился. Вроде бы впереди мелькнула чья-то тень или нет? Из-за потоков воды, которые, казалось, хотели смыть город обратно в море, ничего не было видно.

Тарг взбрыкнул левой ногой.

– Но-но. Побалуй у меня тут! – строго сказал всадник.

Животное повернуло голову и посмотрело на него хитрым желтым глазом. Тяжело, почти по-человечески, Тарг вздохнул и неторопливо потрусил вверх по улице.

В какой-то момент дождь ослабел, и Хафес увидел приветливо горящие огни трактира.

— Слава Единому! — прошептал всадник.

Он соскочил с седла и бросил поводья подбежавшему шустрому мальчишке.

«Мордой об стол» — прочитал ванн Хорн название, вырезанное на покосившейся от времени вывеске. Именно это место ему и было нужно. Здесь его ждали.

Переступив порог, Хафес огляделся. В просторном помещении с черным от копоти потолком собралось немало народу. В правом углу за широким дубовым столом сидела компания матросов, рядом с ними возле стены двое оборванцев со знанием дела мутузили третьего. Вышибала стоял неподалеку, с интересом наблюдая за дракой.

Ванн Хорн не сразу отыскал алхимика. Тот сидел за отдельным столом слева от двери, в темном углу, куда почти не падал свет от развешанных по стенам факелов.

— Ну и дыра, — вместо приветствия пробурчал Хафес и бухнулся на табуретку.

— Бывает и хуже, — философски заметил алхимик и, заранее скривившись, отхлебнул кислого пива.

— Как успехи? — ванн Торн снял берет, положил себе на колени.

— Мне есть, что вам показать, — почтительно ответил алхимик своему покровителю.

— Чего заказывать изволите?! — гаркнул во всю глотку подошедший со спины подавальщик.

— Ах ты, скотина! — Хафес аж подпрыгнул на табурете. — Разве можно так подкрадываться к людям?!

— Извините, — хмуро ответил подавальщик. — Чего изволите?

— Значит так, мне светлого таширского и...

— Таширского нет.

— М-м-м, ну тогда темного эльдарского и еще...

— Только что закончилось.

— Разрази тебя гром! — Хафес треснул кулаком по столу. — Да что в вашем клоповнике вообще есть?!

— «Болотное море», — прыщавое лицо подавальщика озарила улыбка. — Господин, это хорошее пиво, его варят и подают только в нашем трактире.

Хафес бросил быстрый взгляд на алхимика. Тот как раз отхлебывал очередной глоток «моря». Встретившись со своим покровителем глазами, Ваальд сделал неопределенное лицо, сам, мол, решай.

— Ладно. Тащи сюда свое «море» и еще кальмаров прихвати. Да поживее! Понял?

— Угу.

— Тогда чего стоишь? Пшел вон!

Дождавшись, пока подавальщик отойдет подальше, ванн Торн обратился к Ваальду:

– Рассказывай.

Алхимик молча достал медную монетку и положил ее на стол. Затем, оглянувшись по сторонам, вытащил из левого рукава загодя припрятанную туда колбочку, наполненную белым порошком. Вытянув из нее деревянную пробку, он обсыпал монету. Раздалось еле слышное шипение, затем поднялась тоненькая струйка синеватого дымка.

Хафес не дыша смотрел перед собой. На столе лежал желтый кругляшок. Ванн Торн протянул руку и взял еще теплый кусок металла. Поковырял его мизинцем. Понюхал, а затем попробовал на вкус.

– Получилось! – потрясенно прошептал он, пряча монету. – Клянусь Единым, у тебя получилось!

– Господин, вот ваше пиво, – подавальщик поставил перед ним глиняную кружку.

Ванн Торн ничего не ответил, даже про кальмаров не спросил. Несколько мгновений он молчал, затем разом осушил половину кружки.

– Ф-фу, – он скривился. – Дрянь какая. Моча Тарга, и то, наверное, повкусней будет.

– Не все так просто...господин, – осторожно начал говорить алхимик. – Трансмутация еще нестабильна. Через день компоненты возвращаются к исходному состоянию.

– Чего?

– Скоро монета опять станет медной!

Глаза ванн Торна сузились. Он шумно вздохнул и процедил сквозь зубы:

– Шутить со мной вздумал? Забыл, кто я?

Ваальд отрицательно покачал головой.

– Я на правильном пути. Надо только продолжить исследования.

– Ты опять хочешь золота. Так? – ванн Торн вопросительно изогнул бровь.

– Вы как всегда правы, господин, – униженно произнес алхимик.

– Вот, – Хафес положил на стол тяжелый мешочек. – Сроку тебе до первого снега. Больше я ждать не буду. Хватит. Либо ты получишь камень, либо отправишься на псарню моего деда. В качестве корма.

Сказав это, ванн Торн встал и, не попрощавшись, пошел к выходу. Алхимик проводил его взглядом.

– Могло быть и хуже, – произнес он и отпил пива.

– А я вот кальмаров принес, – невесть откуда взявшийся подавальщик недоуменно вытаращился на Ваальда.

– Мой друг уже ушел. Я расплачусь за него, – буркнул алхимик.

– Может, еще чего нужно ?

– Нет. Ступай.

Алхимик отпил еще пива и зажевал кальмаром. Как ни странно, «болотное море» уже не казалось такой дрянью. Наверное, все дело в закуске.

«Ванн Торн становится опасен. Хотя его можно понять, – размышлял Ваальд. – Раздобыл старинный рецепт, помог мне снять комнату и целый год давал деньги. Но теперь его терпение, похоже, подходит к концу. Жаль».

— Подавальщик! — рявкнул он, осушив кружку до дна. — Расплатиться хочу.

Выйдя из трактира, алхимик выдохнул облачко пара. Холодало. Хвала Единому, хоть дождь прекратился! Накинув на голову капюшон плаща, Ваальд направился вниз по переулку. Тарга у него не было, так что весь путь до дому предстояло пройти пешком. Расстояние неблизкое, поэтому алхимик решил срезать, свернув во дворы.

Он не увидел, как человек невысокого роста с каким-то смазанным, незапоминающимся лицом вышел из-за угла трактира и пошел вслед за ним.

«Что же делать? Зима ведь уже совсем скоро!» — думал алхимик, продираясь через узкую щель между домами.

На мгновение ему показалось, что где-то позади слышны шаги. Он остановился и потянул руку к кинжалу. Нет, вроде все было тихо. Постояв еще немного Ваальд, так ничего и не расслышав, продолжил свой путь.

«Может, стоит поискать другого покровителя? А что делать с ванн Торном?» — продолжал размышлять алхимик.

— Да чтоб тебя! — выругался он, споткнувшись о кучу мусора.

«Пора бы уже взяться за обучение Римуса по-настоящему. Парнишка вроде терпеливый и исполнительный. Да и не сильно болтливый. Глядишь, и выйдет из него толк».

Отвлечшись на собственные мысли, Ваальд упустил тот момент, когда за спиной снова раздался шаг. И тут же чьи-то сильные руки обхватили его за шею и затолкали в рот кляп.

— Мешок! Быстро, — услышал он чей-то грубый голос.

Алхимик было трепыхнулся, да куда там! Нападающие свое дело знали крепко. Сердце Ваальда ударило не более четырех раз, а он уже лежал на земле с мешком на голове и связанными за спиной руками.

— М-м-мы! — протестующе замычал алхимик.

— Не дергайся! — его от души пнули в живот. — Понесли.

Ваальд почувствовал, как его схватили за плечи и ноги, затем подняли.

«Единый, да что же это творится?! — с ужасом подумал алхимик. — Кто эти люди? За что они меня так?! Куда тащат?»

Впрочем, несли его не очень долго. Остановившись, похитители бросили алхимика на землю. Хотя нет, судя по силе удара, пол был деревянный. И на том спасибо.

Наученный горьким опытом, алхимик не дергался и лежал молча. И вдруг он почувствовал, как пол под ногами дрогнул.

— Это повозка? Куда меня везут? — заорал он, забывая о кляпе. Разумеется, на его мычанье никто не ответил, только ногой пнули. Да на этот раз так, что Ваальд согнулся в спазме беззвучного кашля, а на глаза навернулись слезы.

Когда, наконец, повозка остановилась боль уже почти прошла. Ваальда подхватили под руки и опять потащили куда-то. Алхимик поняв, что в этой ситуации от него ничего не зависит, прекратил всякое сопротивление. Ему, словно безучастному зрителю, оставалось лишь наблюдать за происходящим.

– Сидеть! – его толкнули в грудь, и Ваальд повалился на лавку. Похитители сорвали с головы мешок и вытащили кляп.

– Молчать! Не задавать вопросов! – приказал алхимику здоровенный рыжебородый мужик. – Кивни, если понял.

Ваальд истово закивал головой.

– Сиди и жди. – Похититель подмигнул своему подручному, и они вышли из комнаты.

Только теперь у Ваальда появилась возможность оглядеться. Он сидел на грязной лавке, а напротив него стоял массивный дубовый стол со стулом. Чуть поодаль под единственным на всю комнату воткнутым в стену факелом находился столик поменьше. На нем вроде бы стояла чернильница с гусиным пером.

Само помещение было темным и мрачным. От древних стен, сложенных из серокаменных блоков, веяло холодом.

«Темница?» – предположил алхимик и нервно глотнул.

Обитая железом дверь отворилась, и в комнату вошли три человека. Первый – мускулистый парень лет тридцати, второй – тшедушный мужчина с морщинистым лицом, ну, а третий – седовласый, в дорогом колете, наверное, аристократ. Вроде тех, что увиваются при дворе Консула.

Здоровяк-охранник встал возле стола, седой сел напротив Ваальда, ну, а сморчок занял столик у стены.

– Ты в Братстве Ищущих. Его почтеннейшество Тарис, дознаватель милостью Единого, будет вести твое дело. Обращаться к нему следует «господин дознаватель», – неожиданно тонким голосом сказал охранник.

«Ищущие ересь! Только не это!» – по лбу алхимика потек холодный пот.

– Ты не должен задавать никаких вопросов, а только отвечать на них. Понятно?!

– Д-да, господин, – заикаясь, ответил Ваальд. Теперь он понял, куда попал. И лучше бы его прирезали где -нибудь во дворах простые грабители!

– Имя? Откуда родом? Чем зарабатываешь на жизнь? – дознаватель начал допрос.

Покосившись на заскрипевшего пером писца, алхимик принялся отвечать. Он старался, чтобы его голос не дрожал, но получалось не очень.

Его почтеннейшество интересовали самые различные вопросы. Кто были родители Ваальда? Живы ли они? Как часто алхимик ходит в церковь Единого? Живет ли он в городе постоянно или выезжает в деревню? Какие трактиры обычно посещает? Женат ли? Есть любовница?

Чем дольше длился допрос, тем меньше алхимик понимал происходящее. К чему все это?

– С кем ты встречался сегодня в трактире «Мордой об стол»? – скучающим голосом спросил его почтеннейшество.

– Ни с кем, господин дознаватель, – хрипло ответил Ваальд. – Ко мне подсел незнакомец, но я его не знаю!

– Упорствуешь, значит, – все тем же ровным голосом сказал дознаватель. – Так и запишем.

Дождавшись, пока писец, высунув от старания язык, выведет последнюю закорючку, Тарис скомандовал:

— В камеру его!

Здоровяк единым рывком сдернул алхимика с лавки.

— Подождите! Я ни в чем не виноват! Я...хр-р-р.

Тюремный охранник ударил его кулаком в живот, затем в голову. Ваальд потерял сознание.

Очнулся он уже в камере. С трудом поднявшись, ощупал голову и выругался, обнаружив на ней огромную шишку. Хорошо хоть руки развязали! Он осмотрелся по сторонам. Камера представляла собой помещение длиной пять и шириной в три шага, на полу валялся соломенный тюфяк, в углу стояло отхожее ведро.

— Неужели конец? — прошептал алхимик, прислонившись к стене. — Ванн Торн-то откупится, да и вряд ли тронут внучатого племянника Консула, а я? Мне что делать? Сознаться и пойти на костер? Молчать? Тогда будут пытаться и все равно сожгут!

Ваальд уселся на тюфяк. Дрожащими руками он обхватил голову и закрыл глаза.

«Но кто написал донос? — подумал он. — Хозяин дома? Рассчитывает, небось, получить долю от продажи моего имущества. Вот ведь скотина!»

Боль в голове нарастала. Алхимик лег, поджав колени к животу, стараясь хоть как-то сохранить остатки тепла. Вопреки лютому холоду и невеселым мыслям он заснул.

Пробуждение было кошмарным. Его сильно потрянули и схватили за руки. Тюремщики выволокли Ваальда из камеры и потащили по коридору. Спросонья алхимик поначалу не понял, что происходит, а его уже затолкали в пыточную, положили на спину, связали и опустили головой в холодную воду. Ваальд даже набрать воздуха не успел!

Первый раз в воде его продержали не очень долго. Ровно столько, чтобы перед глазами пошли желтые круги, а легкие начали гореть огнем.

— С кем ты встречался в трактире? — раздался чей-то голос

— Кха — кха... ни с... кем...

Бултых! Второй раз продержали подольше.

— С кем ты встречался в трактире?

— Ахррр... с ванн Торном... кхе-кхе, — Ваальд зашелся в кашле. — Это... внучатый племянник Консула.

Бульк! Голову едва окунули и сразу же подняли обратно.

— Какова была цель встречи? Как давно ты знаком с ванн Торном?

Проклиная себя, Ваальд рассказал все. Выслушав его сбивчивые показания и окунув для порядку еще пару раз, алхимика развязали и отнесли обратно в камеру. Идти сам он не мог.

Довольно долго его никто не беспокоил. Зато два раза в день, утром и вечером, подавали хлеб и воду. Длилось это, по подсчетам Ваальда, целую седмицу. Хвала Единому, что его не пытали огнем, словно упорного еретика! Но до сих пор не предъявили никакого обвинения, что было весьма странно.

Однажды, когда алхимик в очередной раз пытался понять, что происходит, в двери лязгнул засов. Для кормежки вроде было еще рано, значит, опять пытка?!

– Выходи, – скомандовал тюремщик.

Обреченно вздохнув, Ваальд переступил порог. На этот раз его вели по каким-то совершенно незнакомым коридорам, вдоль бесконечного ряда камер. Дважды они спускались и поднимались по лестницам. Наконец тюремщик остановился рядом с массивной дверью, возле которой стояло два охранника.

– Вот он.

Те понимающе кивнули. Один из них отворил дверную створку, второй цепко взял алхимика за локоть и провел внутрь.

Они оказались в большой комнате, освещенной множеством свечей. В центре стоял длинный стол, за которым сидели три человека. Двое из них, старик в красной мантии и молодой мужчина в черном колете сразу же привлекли внимание алхимика. Уж очень холодные и безучастные лица у них были. Ждать от таких снисхождения – напрасный труд.

Ваальда подвели к столу. Только сейчас он заметил вделанные в пол кольца с цепями, но даже не успел удивиться этому факту. Подбежавший к нему служка сноровисто надел кандалы. Теперь алхимик не мог и шагу ступить! Руки, правда, оставили свободными.

Кроме троицы в центре, за вторым столом у левой стены сидели два человека. Уже знакомый Ваальду писарь и еще один. Алхимик посмотрел на него как раз в тот момент, когда тот поднялся и произнес:

– Объявляю заседание Трибунала открытым. Присутствуют: секретарь и квалификатор. Все члены Трибунала: легат Братства, консульский советник и представитель наместника города, здесь. Слушается дело Карвена Ваальда, обвиняемого в ереси и нечистом сговоре. По правилам Единого Кодекса обвиняемый в данных преступлениях должен защищать себя сам.

– Что?! – в отчаянии заорал Ваальд. Услышанное его ужаснуло. По таким обвинениям редко бывали оправдательные приговоры.

– Молчать! – стоящий сзади охранник ударил его по почкам. – Отвечать, только когда обращаются к тебе!

Квалификатор принялся зачитывать обвинение. Выслушав его, Ваальд узнал о себе много нового. Оказывается, он варил приворотные зелья из крови невинных младенцев, изготавливал яды, дабы травить благочестивых горожан и заключил договор с нечистым.

– Подсудимый, – закончив читать, обратился к нему квалификатор. – Признаете ли вы свою вину перед Единым?

– Нет! – закричал Ваальд. – Я не трогал никаких младенцев и не делал ядов! Я алхимик и моя цель одна – познание природы!

– Введите свидетеля! – скомандовал квалификатор.

Из боковой двери стража завела старика, одетого в потертый колет.

– Назовите себя.

– Миртус Хаар, хозяин дома.

– Подтверждаете ли вы, что видели отблески адского пламени из окон лаборатории?

– Да господин, подтверждаю, – пробормотал Миртус, стараясь не встречаться глазами с Ваальдом.

– Подтверждаете ли вы, что из труб лаборатории валил дым нечестивого зеленого цвета?

– Да, господин, подтверждаю.

– Благодарю, – квалификатор отвернулся от старика. – У Трибунала будут вопросы к свидетелю?

– Нет... нет... нет, – ответил каждый из сидящих за столом.

– Обвиняемый, что вы на это скажете?

– Какое адское пламя?! Да это всего лишь отблески атанора, алхимической печи! Я не нарушал заветов Единого! Ведь он не запрещает нам познание природы. Единый дал человеку ум, который жаждет постижения Вселенной! Я лишь хочу проникнуть в суть процесса получения одних элементов через другие!

– Вот значит, как. А что скажешь насчет добра и зла? – вкрадчивым голосом спросил старик в красном. Если Ваальд правильно понял, он вроде бы был легатом Братства Ищущих.

Почувствовав подвох, алхимик замолчал, но спустя несколько мгновений, осторожно подбирая слова, сказал:

– Познание добра и зла людям запрещено. Его нам дает Единый через Священную книгу. А познавать сотворенные вещи человек должен с помощью алхимии. Ее предназначение в том, чтобы умножать силу и могущество людей, обеспечивать им богатую и достойную жизнь!

– Любопытно. Это все?

– Я не заключал договора с нечистым. Мой подмастерье, Римус, может подтвердить это.

– Трибуналу все ясно, – легат кивнул квалификатору.

– Ввести доносителя, – скомандовал тот.

– Что?! – воскликнул алхимик и рухнул на колени от сокрушительного удара, обрушившегося в спину. – Это он донес на меня? Но...

– Молчать! – стражник схватил его за подмышки, рывком поднял и зашептал на ухо:

– Если еще раз пикнешь, то переломаю все ребра. Имею на это право.

В зал ввели Римуса. Как заметил Ваальд, парнишка был хоть и бледен, но спину держал ровно, а его глаза оставались сухими.

Далее процедура допроса повторилась точь-в-точь, как и в случае с хозяином дома. Впрочем, Ваальд уже особо и не слушал.

«Как же ты мог сотворить такое? – с горечью думал он. – Ведь я тебя на улице подобрал, накормил и дал работу. Мерзавец, сколько же тебе Ищущие за донос пообещали?!.»

Далее Трибунал пошел по накатанной колее. Произносились давно заученные фразы, задавались давно отрететированные на многочисленных судилищах вопросы. И осужденному и обвинителям все уже было ясно. Разве что имя ванн Торна не всплыло ни разу. Видать, двоюродный внук Консула смог-таки откупиться!

– Виновен! – сказал легат.

– Виновен! – повторил консульский советник.

– Гм, я полагаю, что... виновен! – высказал свое мнение представитель наместника. На Трибунале он был впервые и еще не успел привыкнуть к рутине.

– Да что ж вы делаете люди! Опомнитесь! За что?! Прогресс не остановить! – теряя над собой контроль, заорал алхимик, но его уже никто не слушал.

Эпилог

Отдуваясь, легат спускался по каменным ступеням. Как же тяжело идти! И с каждым годом все хуже и хуже. Мужчина усмехнулся. Двадцать пять лет назад, когда его привел сюда предыдущий легат, он прошел все триста тридцать три ступеньки и почти не запыхался. Не то, что сейчас!

Но в человеческой жизни все когда-нибудь заканчивается. Так говорил Единый своим трем ученикам. Закончились и ступени. Они вывели церковника на небольшую площадку, прямо к воротам, слабо мерцающим зеленым светом. Путь старику преградил воин в необычных, отливающих серебром доспехах, со сверкающими призрачным желтым светом мечами за спиной.

– Во имя Единого, разгоним мы мрак! – быстро сказал легат.

– Да будут благословлены деяния наши, – голос из-под забрала прозвучал глухо, как из бочки.

Пароль совпал с отзывом, и воин отошел на шаг вправо. Из складок своего одеяния церковник достал ключ и трижды повернул в замке. Створки отворилась.

Он не стал брать с собой факел, а воткнул его в специальную подставку на стене перед входом, после чего переступил порог. Легат попал в огромное помещение, с потолком не меньше, чем в три человеческих роста. Все оно было заставлено удивительными вещами. И сейчас, проходя мимо, церковник вспоминал их историю.

Вот на гранитном пьедестале лежит, отливая загадочным желтым блеском, серп. Кузнец с далеких северных островов открыл удивительный метод обработки металла, делающего его тверже алмаза. Жалко только, местный тан заставил его ковать мечи, а не орала. Во время высадки на островах немало людей из Братства сложили свои головы, прежде чем остановили безумца, вздумавшего завоевать все побережье.

Рядом стоит сосуд с плещущейся в нем кроваво-красной жидкостью. Чудесный эликсир, открытый придворным алхимиком герцога Корвакса. Этот правитель привечал при своем дворе чернокнижников, щедро одаряя их золотом. Эксперименты на слугах показали, что девять из десяти человек, выпившие эликсир, умирают в страшных мучениях, зато счастливчик молодеет лет на двадцать, не меньше. Престарелому герцогу повезло, а вот его сын, отчаявшись ждать, когда батюшка, наконец, сойдет в могилу, начал гражданскую войну, унесшую ни одну тысячу жизней.

А вот и незанятый камень. В специально выдолбленную нишу легат поставил изысканную у алхимика Ваальда колбочку с белым порошком.

— Прогресс не остановить, — тихо прошептал он.

Об авторе

Родился в 1982 году в семье учителей. Закончил механико-математический факультет Ростовского Государственного Университета. Несколько лет работал преподавателем высшей математики. Автор ряда статей, посвященных проблемам высшего образования и математической подготовки студентов. В настоящее время живет в Ростове-на-Дону и работает аналитиком в транспортной компании.

Первый опубликованный рассказ — «Демоны Сталинграда» (сборник «Настоящая Фантастика 2010», «ЭКМО»), затем «Встретимся» (журнал «Венский литератор», № 16, международный конкурс «Литературная Вена 2010»). Во втором номере за 2010 год литературного приложения «Знание — Сила: Фантастика» опубликован рассказ «Оружие победы». В журнале «Веси» (№ 9 за 2011 год) напечатан рассказ «Последний урок».

Алексей Васильев

Укрепление духа

Юный послушник монастыря святого Никодима, укрывшегося от цивилизации в северных лесах, в город попал впервые — в составе свиты игумена, прибывшего на ежегодный собор. Павел сам попросился сопровождать главу монастыря — и было тому виной рассказанное послушником Андрием.

В первый день игумен и старшая братия отдыхали с дороги, а Павла отпустили погулять, зная, что дух его закален и крепок, и легко удержится от соблазнов, что во множестве подстерегают в городах.

Павел шел по сверкающим улицам и беспрестанно удивлялся незнакомой прежде жизни, в которой, как он с негодованием отметил, совсем не было места служению вере. Огромные дома из стали и зеркального стекла напоминали поставленные вертикально пчелиные соты — только серо-голубые, твердые и холодные. В вышине, меж ними, парили вертолеты, подобные разноцветным стрекозам.

Проносящиеся, подобно хищным злым осам, быстрые пули, густая паутина минирельса и какая-то муравьиная суета — все наводило Павла на мысли, что там, где не знают истинной веры, человек неминуемо превращается в бездушное насекомое, и старается наделить схожими с ним чертами себя и окружающее.

Люди, встречаемые им на улицах, с удивлением поглядывали на черный подрясник. Несколько часов блуждал послушник по городу — но безумное мельтешение, неумолчный грохот и режущее глаз сверкание все так же отталкивали его, не давали погрузиться в эту незнакомую прежде жизнь, понять, раствориться в ней, стать мельчайшей и незначительной ее частью.

Уже темнело, когда забеспокоившийся Павел, руководствуясь записанными на бумажке подсказками Андрия, все же нашел нужное — большой универсальный магазин.

Некоторое время не осмеливался зайти — уж больно ослепительно сияла громадная вывеска, больно неприступной казалась — совсем, как раззолоченная митра игумена, простому послушнику рядом-то стоять боязно...

Наконец Павел решился и мелкими шажками подошел к тому месту, где стена становилась прозрачной, — как учил Андрий, — и она разошлась перед ним. Павел оказался в громаднейшем зале. Вдаль уходили ряды сенсорных витрин. Перекрестившись, Павел пошел вдоль мерцающих экранов. К счастью, он убедился, что и городским ведом порядок — товары были расположены не наобум, как боялся, а по порядку. Иначе и век бы не сыскал нужное!

В первом, втором и третьем рядах продавались напитки и всевозможные фрукты, в четвертом, пятом и шестом — твердая пища, седьмой был отведен под самые невероятные лакомства, восьмой — под различную утварь, двенадцатый — под удивительные механизмы и диковинки...

Павел нашел то, за чем пришел в тридцать седьмом ряду, порядком уже намаявшись и отчаявшись. Совета спросить он ни у кого не мог — в магазине было пусто. Это порядком удивляло молодого послушника, но потом вспомнил, что Андрий рассказывал, будто людям даже не обязательно выходить за покупкой из дому...

Перед нужным экраном Павел застыл в нерешительности — виной тому было то, что каждого требуемого ему продукта было множество сортов, и он не знал, какой выбрать. Он аккуратно дотрагивался заскорузлой ладонью до теплой, словно живой, витрины и по очереди нажимал на изображения товаров, внимательно изучая появляющиеся характеристики. Беззвучно шевеля губами, он читал рекомендации и отзывы предыдущих покупателей, придирчиво сравнивая...

Занятие это полностью поглотило его, и он не сразу заметил, что кто-то подошел к нему и встал сзади.

— Молодой человек, — услышал Павел и вздрогнул. — Вам здесь что глянулось?

Он обернулся, и точно громом его поразило — рядом стоял преподобный игумен Дионисий.

— Послушник Павел?! — удивился игумен. — Признаться, не ожидал... Интересуетесь?

Павел смущенно кивнул.

— Чем же именно? — поинтересовался Дионисий.

Павел молча протянул ему бумажку с каракулями Андрия. Потупился в ожидании упреков, — хоть и не чувствовал вины за собой, а все же боязно стало!

Игумен бумажку рассматривал долго. Потом кивнул.

— Здесь есть подавители, — сказал он, указав на витрину. — Я бы советовал предпочесть продукцию компании «Норд».

Послушник смиренно поклонился.

— Но дозволено ли мне будет узнать, зачем ты желаешь приобрести их? — спросил игумен. — И откуда средства имеешь?

Послушник перекрестился и сказал без утайки:

— Слаб дух мой, но должно сбереечь его мне от лап врага человеческого. Деньги же мои, выданные монастырем на потребные нужды и сбереженные мною за год...

Игумен посмотрел на стоптанные, неоднократно чиненные сапоги послушника и кивнул.

— Я знаю, Павел, — сказал Дионисий, — что верой ты служишь, и ревностно исполняешь свой монашеский подвиг, в единомыслии и братолюбии, неукоснительно соблюдая строгую духовную дисциплину, но должен ты сказать обо всем подробнее!

Он смотрел любопытно, и Павел, кряхтя от смущения, начал рассказывать:

– Жена дьякона нашего – сушая красавица. Лицом красна, зубы как жемчуга, грудь велика, бедра широкие и крепкие, но стан гибкий, юный. Словно горячим молоком и медом дьячиха вся налита.

На миг глаза послушника голодно сверкнули. Но тут же их затуманило смирение, и он продолжил:

– Ввела меня в искушение, кошка. И верно, видит это – так и норовит, так и норовит где прижаться, при встрече, ввести в искушение... И, вдобавок, ощутил я недобрую зависть к диакону нашему – ибо владеет такой кобылкой строптивой, для непотребств и горячей скачки удобной и непотребств этих жаждущей. Не могу обороть смятение свое и помрачение, как не стараюсь! И поклоны бью, и пощусь, и работой себя истязую – а все меня кобылка эта, дьяконица точит, из ума не сходит, и на диакона смотрю косо. Но разум мой велит укрепиться духом, преодолеть смятение, что со мной учинилось, ибо грешны мои чувства и помыслы. Но несчастный я человек – не могу приказать своим мыслям и духу, и сердцу. Поведал я о борьбе своей внутренней послушнику Андрию, что проходит со мной испытание, надеясь вскорости иноком стать – он-то меня и надоумил в город ехать, чтобы избавиться от черной зависти и от плотского влечения греховного с помощью изобретений пытливой мысли человеческой – и укрепить дух, коли плотью обладаю слабой настолько.

– Понятно, – кивнул игумен. Голос его бы строг.

Послушник, красный от отчаяния, не смел поднять на Дионисия глаз.

– Неразумно ты поступаешь, Павел, – сказал игумен. – На дьячиху давно уже братия жалуется, мол, смущает умы и вводит плоть в искушение. Но, конечно, лучше тебе было исповедоваться сразу, ведь придя сюда, совета не спросив, ты совершил ошибку – разве наша вера не велит и день и ночь противостоять искушениям? Разве устав монастыря нашего не велит открывать духовному руководителю свои помыслы – и плохие, и добрые, и стремиться приобрести страх Божий, и учиться побеждать греховные страсти? Разве не требует стяжать духовные плоды, понуждая себя к добродетелям, памяти о Боге, и непрестанной молитве? Смирению своей воли и самоотвержению, воздержанию и посту? А во всех словах и действиях, не велит разве исходить только из Священного Писания и учения святых отцов? Не требует от нас строгой, напряженной борьбы между духом и плотью? В том ведь и заключается наше служение... А если подавить, аннигилировать то, что должно быть объектом борьбы нашей – не нарушит ли то веру?

Павел застыл, мучимый сильнейшим стыдом – сам преподобный игумен отчитывает его!

Но тот сжалился над послушником.

– Или без злого умысла решил ты обманной хитростью одолеть искушение? – спросил он.

– Ах, это правда, – взмахнул руками послушник. – Не подумали мы с Андрием – ибо боялись, что не устою... Торопились вельми, а тут еще и вы в город собрались... Потому едва не...

Павел сокрушенно поник головой. Потом начал торопливо креститься, повторяя:

— Господи, убереги от греха... дай сил и терпения...

Выглядел Павел жалко — уши горели, сам дрожал, как лист на ветру, необъятный подрясник мешком висел на тщедушном, изможденном постами теле...

— Назначаю тебе, послушник Павел сорок служб отслужить в течение недели, последующей за нашим возвращением в монастырь! — строго сказал игумен. — И сто поклонов отбить! Ибо обманом пытался облегчить служение свое! А сейчас — возвращайся к месту нашего пребывания.

С этими словами преподобный игумен Дионисий покинул сокрушенного Павла и, не оборачиваясь, пошел вдоль рядов.

Павел заплакал от стыда.

Он было повернулся в сторону выхода, как вдруг его осенило.

— Вот что, — пробормотал он. — Вот что. Я совершил ошибку, пытаюсь аннигилировать то, с чем бороться должен, укрепляя свой дух. А что, если наоборот, прибавить терзаний? Ибо наставник духовный мой прав, и вера есть великое смирение и борьба. Господь страдания за нас претерпел, негоже и мне от них прятаться! Я виноват в том, но нынче же даю торжественный обет — преуспеть в борьбе за дух свой!

Павел оживился.

— Немедленно к тому приступлю! — говорил он, молитвенно прижимая руки к груди. — К укреплению...

Едва послушник покинул магазин, получив покупки в окошке раздачи, игумен, что бродил поодаль меж рядами, вернулся к витрине чувств и эмоций. Второпях Павел не обновил ее, и Дионисий мог посмотреть, что же за товар приобрел он.

А увидев, шагнул было к выходу, намереваясь догнать и укорить за гордыню, ибо, похоже, именно она обуяла послушника, но передумал, поняв — не гордыня то была, а смирение и жажда укрепить немощный дух в прелебной борьбе. А если и гордыня это, так другая, не та, не грешная.

И снова и снова смотрел Дионисий на список совершенных Павлом покупок и одобрительно кивал.

«Зависть +6

Сексуальное влечение +9

Чувственное наслаждение +15...»

Все — в максимальных количествах, разрешенных здравоохранением.

— Нелегко вам придется, Павел, — прошептал он. — Если уж решили терзаний прибавить... Понадобится что есть силы укрепиться вам духом! Но, одолев искушение, будет у вас он крепче алмаза!

Он улыбнулся и принялся выбирать товар для себя.

Об авторе

См. об авторе на стр. 32.

Станислав Иванов

Боги антропоидов

Моя мать была обыкновенной собирательницей плодов и корней. По ее рассказам, я появился на свет в результате акта насилия со стороны воинов из соседней долины во время их очередного набега. Мое происхождение не рассматривалось как нечто из ряда вон выходящее, потому как половина детей в нашем поселении появлялась именно таким образом. К тому же, подобные отношения между популяциями способствовали свободной миграции генов, предотвращая инбридинг.

Я и сам был очень удивлен, впервые услышав об этом. Я знал множество слов и сочетаний звуков, значения которых не понимал. Их сообщали мне голоса, вторгавшиеся в мои сны, а иногда застигавшие меня за поглощением пищи или купанием в ручье. Кое-что я запоминал и заучивал наизусть. Голоса говорили так: «В Идеальном Мире Идея водородной бомбы и Идея примитивного каменного орудия Олдовайской культуры существовали и существуют изначально и одновременно». Или: «Использование принципа неопределенности еще не означает краха причинности».

Мне исполнилось 11 лет по солнечному календарю, и я уже давно должен был овладеть первичными навыками охоты или земледелия. Вместо этого я ничего не делал, и часами бесцельно бродил в лесу, размышляя о природе вещей. Я все реже заходил в деревню, и старался никому не попадаться на глаза, потому что на меня стали показывать пальцем. Я боялся рассказывать о моих кошмарах даже матери. Она могла отвести меня к старейшинам, а я не хотел выглядеть глупо, пытаясь неумело воспроизводить бессмысленные сообщения. Ко всему прочему, некоторые старейшины вообще не умели говорить.

Как-то раз голоса поведали мне, что, возможно, у меня дурная наследственность и я болен шизофренией. Но потом они посоветовали не расстраиваться, ибо шизофрения присуща человечеству как виду в целом, и это всего лишь побочный эффект развития речевых центров в неокортексе. Это послание загнало меня еще дальше вглубь чащи, и там я набрел на какую-то стоянку.

Еще в далеком детстве я слышал историю о Ене Мухолове, который жил в нашей деревне, а затем стал отшельником и поселился неподалеку. Вот что произошло с ним несколько лет назад.

Говорили, будто однажды антропоид Ен по прозвищу Мухолов пошел на водопой и встретил у реки странного человека в лохмотьях. Тот загадал ему три загадки, пообещав Ену, что ежели он их отгадает, то откроет ему тайны

мироздания. Ен правильно ответил на одну, а две не осилил. Тогда человек в лохмотьях сказал Ену, чтобы он не переживал, дал сверток с картинками и закорючками и ушел. Ен показал сверток старейшинам, а те нашли его бесполезным и посоветовали выбросить.

Но Ен не послушался старейшин, закрылся в своей хижине, и дни и ночи безмолвно сидел, склонившись над свертком. Он перестал ходить на охоту и спать со своей женщиной, а, в конце концов, бросил все и ушел из деревни. С тех пор наши женщины обвиняли его в сговоре с дикими зверями и в порче погоды.

Поэтому, увидев на стоянке в лесу бородатого мужчину с топором, я уточнил: «Ен Мухолов, как я полагаю?», а он подтвердил: «Совершенно верно. Чем обязан?». И я поведал ему о своих хаотичных передвижениях по лесу, об аудиальных галлюцинациях, мучавших меня, и о стремлении вернуться домой и жить нормальной жизнью. «Видно, ты ниспослан мне свыше», — произнес бородатый мужчина и велел приходить завтра.

Следующим утром я появился на стоянке уже с восходом Солнца.

— Пора попытаться хоть как-то систематизировать наши представления о мире и начать бороться с древними пластами суеверий, — сразу заявил Ен и показал следовать за ним.

Как видно, он тоже знал много непонятных слов. Скорее всего, он узнавал их из свертка, а, возможно, у него была эта самая «шизофрения». Пока мы шли, Ен самозабвенно рассуждал о каких-то культах и обрядах, и предъявил мне, в итоге, вырубленное из дерева «хтоническое» чудовище. Я испугался и спросил, что это за ужас? Заметив мое замешательство и страх, Ен спокойно пояснил: «Это Бог, которому мы будем поклоняться».

С моей стороны последовал вопрос о целесообразности данного поклонения, и Ен уже с недовольством воскликнул:

— Ты еще хочешь вернуться домой?!

— Конечно.

— Тогда послушай. Ты должен пойти в деревню и объявить, что завтра они обретут Бога, который защитит их, и пошлет на них благодать. И завтра мы убедим их в этом. И тогда мы будем на многое влиять, даже на вождя. Жителям нашего поселения откроется радость религиозного чувства, и они увидят, какими отсталыми особями были до этого.

Я, конечно же, ничего не понял, но вдруг в моей голове возникли голоса, и я их немедленно озвучил:

— Религия — опиум для народа!

Осознание полной неуместности этого замечания в сложившихся обстоятельствах пришло ко мне несколько позднее; тем временем, Ен невозмутимо продолжил:

— А так как Бог не в состоянии разъяснить простым человеческим языком вождю и остальному стаду, чего он хочет, то ты обязан выступить проводником Его воли. Тем более, ты слышишь голоса...

Я посмотрел на чудовищное изваяние и осторожно высказал предположение, что, наверное, не смогу быть проводником его воли. Ен немного поник, и мне пришлось обнадежить его фактом существования моего дво-

юродного брата, который отлично подходил для этой роли. И я отправился на его поиски.

Мой брат был явно не из этого мира, и звали его все не иначе, как Аари Голова. Была она у него очень большая, да внутри, видать, была вода. Непонятно даже, как он вообще вылез с такой головой на свет. И вот я искал его, и рассуждал сам с собой о Боге. По всему выходило, что Бог был благо, меня только стесняли сомнения по поводу его ужасного вида. Я присел на корточки и стал слушать голоса, и они сказали мне, что Бог являет себя в самой доступной форме, после чего я немного успокоился и пошел дальше искать моего брата.

Я вышел на одну поляну и застал Аари за его любимым занятием — сочинением песен для растений семейства злаковых. Он лежал на земле и что-то мычал себе под нос. Я сказал, чтобы он шел за мной, ибо на него возложена ответственная миссия. Впрочем, вряд ли бы он понял меня, скажи я ему что-нибудь другое. Аари продолжал лежать и мычать. Тогда я пообещал ему новую голову и жизнь вечную, и он встал и пошел со мной.

Когда мы вышли к стоянке в лесу, то обнаружили, что Ен был чем-то напуган. Он отвел меня в сторону и спросил:

— Что это?

— Это мой двоюродный брат Аари Голова.

— А почему?..

— Не знаю. Насколько я понял, он прекрасно вписывается в наши замыслы. Он совсем не опасен, если его не трогать.

— Хорошо, — вымолвил побледневший Ен Мухолов.

Вечером Ен подозвал меня и долго говорил непонятные слова, а я молча слушал и ковырял в зубах веткой. Закончив выступление, Ен достал сверток с картинками и закорючками и сказал, что все свои знания извлек именно из него. Чтобы добыть их, он потратил несколько лет жизни в лесу, но так до конца и не разобрался во всем. «Возможно, это удастся тебе», — сказал Ен, похлопав меня по плечу. И я также выразил надежду когда-нибудь постигнуть мудрость, заключенную в этом свертке.

А потом он попросил подробнее рассказать, о чем разговаривают со мной голоса. И я попытался вспомнить все эти трудновыговариваемые сочетания звуков и обрывки фраз о «гравитации», «атомах», «нейросинаптических связях» и прочих кошмарах. А когда я устал и хотел пойти спать, он только и произнес:

— Расскажи мне еще о «электромагнитных волнах».

Ен был одним из тех странных существ, которых слишком интересовали бессмысленные вещи.

Утром мы наспех поели и обернули изображение Бога звериными шкурами. Аари без лишних слов взвалил его на плечи, и мы выступили вперед, неся с собой покой и просветление.

Первое наше появление в родном поселении запомнилось мне плевками женщин в нашу сторону и эпизодом, в котором возвращавшиеся с охоты мужчины чуть не забили нас насмерть дубинами. Возглас Ена: «Мы пришли

с миром» еще больше разъярил воинов, и если бы кто-то из них случайно не сорвал шкуры с нашего божества, то никто уже не растолковал бы им его предназначения. А так — воины слегка обескуражились и под стражей препроводили нас к вождю.

Вождь занимался тем, что громко орал на целую свору плачущих старух, детей и лающих собак. Когда мы были представлены ему в составе меня, Ена, Аари и деревянного пугала, он озадаченно рассмотрел нас, приказал всем замолчать и, очевидно, приготовился что-то выслушать.

Ен откашлялся, и, не зная, как начать, выложил все начистоту. Вождь почесал живот и сообщил о желании все проверить лично. У нас оставалось время до захода Солнца, иначе нас ожидало нечто экстравагантное, вроде сражения с дикими животными в специально вырытой для этого мероприятия яме. И если у Аари были хоть какие-то шансы, то мы с Еном решили уповать на волю божью.

Вечером Ен поставил свое чудище посреди деревни, перед этим внушив вождю и его приближенным, что ежели как следует попросить у него что-нибудь, то оно непременно услышит это и воздаст. Посмотреть на такое чудо собрались все без исключения жители. Хотя все равно мало кто понимал речь моего брата, Ен дал тому для верности отвар лишайников, отчего он сделался совсем невменяемым. А потом вождь неожиданно поинтересовался, как насчет предстоящей охоты? Тогда Ен встал перед идолом на колени и начал смотреть тому в клыкастую пасть; тем временем, Аари катался по земле и истошно визжал. Ен истолковал это, как хорошее предзнаменование, и пообещал на завтра обильную добычу.

На следующий день после удачной охоты вождь смотрел на идола с уважением, а женщины сразу падали перед ним ниц.

Вскоре и нас стали почитать так же, ведь мы всегда щедро обещали обильные урожаи, множество дичи и хорошую погоду. А если у нас и случались проколы, то мы списывали все на недостаточную почтительность поселян по отношению к богам.

Помню, как Ен изготовил еще одну деревянную скульптуру, и у меня сразу же вырвался вопрос, а разве Бог не один? Ен строго посмотрел на меня, и я понял глубокую ошибочность своей гипотезы. Он поставил мне в вину незнание основ метафизики, а затем добавил, что монотеизм возможен лишь в больном воображении одного племени семитов-скотоводов. И я пристыжено согласился, что, наверно, так оно и есть, а иначе как бы в одиночку Бог за всем уследил.

Ен сделал еще несколько статуй и объяснил нам, кто есть кто и как следует кому поклоняться. Меня особенно поразила статуя большегрудой женщины с огромными бедрами, и я сказал Ену, что таких не бывает. Но он ответил, на небе таких полно, и я тотчас спросил, как туда попасть. Ен сказал, тебе рано об этом думать, однако мне показалось, что он и сам толком не разобрался в этих вопросах.

Жить мы стали рядом с хижиной вождя, и всего у нас было в достатке. Каждый день мы обедались мясом и напивались отваром лишайников, а

звериными шкурами был услан весь пол. А все потому, что за свое снисходительное отношение боги требовали некоторые дары, и каждый член общины, в меру своих возможностей, стремился завоевать их расположение. Дары становились все щедрее, и мы не могли уже их съесть. Скоро мы стали совсем толстыми и пьяными, и еще более уважаемыми, чем раньше.

Как-то раз я спросил Ена, почему его прозвали Мухоловом. Он сказал, что в детстве ничего не умел, кроме как ловить мух. А сейчас? А сейчас он разговаривал с богами.

Однажды, во время общения с богами Аари Голова вдруг совершенно отчетливо произнес, что божества требуют, чтобы с ним и Еном Мухоловом совокупились все женщины деревни. Ен признался мне, что целый лунный месяц специально учил моего брата этой фразе, чтобы он произнес ее в нужное время. Однако Аари, по-видимому, никак не мог выкинуть ее из головы, и постоянно повторял изо дня в день. Ен продержался недолго, и через пять дней выдохся. А Аари каждую ночь устраивал обряды с совсем еще юными девочками и тридцатилетними старухами. Некоторые мужчины роптали, но из опасения вызвать гнев богов вынуждены были смириться. Ен объяснял поведение Аари тем, что он очень религиозен, и нашел в отпращивании культов свое истинное призвание.

По вечерам мы часто пили отвар лишайников и беседовали о трансцендентном и иррациональном. Во время одной из таких бесед Ен обратился ко мне:

— Что-то не пойму я, юноша, а на каких, собственно говоря, позициях стоит ваше мировоззрение. А? Изложите-ка мне их в основных тезисах, будьте любезны.

Видя мое стеснение, он налил еще отвара, и воскликнул:

— Мы вот, например, с Аари — стихийные политеисты! Правда, Аари? — спросил Ен моего брата, и уставился на него в упор. Аари только мотал своей огромной головой и бестолково ухмылялся. — Вот! — изрек Ен. — Ну, а ты... ты что такое?! — вопрошал он, тыча в меня пальцем.

— Ну, а я, — говорю, — не знаю, о чем это вы, но думаю, что развитие Вселенной подчинено антропному принципу.

— Чего?! Что это за чушь? Кто тебя этому научил?

— Никто. А ты вот говоришь, что вы стихийные политеисты, а по мне — вы обычные бабники и пьяницы. И почему вы не берете меня с собой, когда совершаете церемонии с голыми женщинами?

— Мы думали, ты не интересуешься ритуалами.

— Интересуюсь! Мне уже 11 лет по солнечному календарю.

— Ну хорошо, хорошо. В следующий раз возьмем и тебя. Правда, Аари?

— У-у, — с воодушевлением мотал головой Аари.

— Видишь, Аари не против. Скажем, что ты будешь символизировать силы обновления в природе, так, мол, распорядилась богиня плодородия.

Внезапно Аари начал мотать головой в другую сторону. Ен удивленно поднял брови:

– Аари, я, конечно, склонен прислушиваться к твоему мнению, но разве это имеет принципиальное значение?

Аари продолжал мотать в том же направлении.

– Аари, хочешь выпить?

Аари сигнализировал «нет».

– Слушай, по-моему, твой брат сегодня немного не в себе.

Тогда я налил брату отвара и дал ему чашку. Он с удовольствием выпил и стал бестолково ухмыляться.

– Все нормально, Ен. Просто Аари временно поменял плоскость вращения головы. С ним такое бывает, примерно раз в два года. Это как-то связано с процессами, происходящими на Солнце.

– Слава Богу!

– Какому именно, Ен?

Не знаю точно, но после длительных раздумий что-то вынудило Ена выстроить иерархию богов и вычленив из них самого главного. Он долго выбирал между богом, который заведовал изготовлением отвара лишайников, и вырубленным из дерева хтоническим чудовищем. Однако первого не все одинаково уважали, а второе вызывало у большинства слишком сильный ужас. Поэтому Верховным Божеством стал Повелитель Дождей, обитавший в Большом Облаке, а его женой была назначена богиня плодородия, изображенная Еном в виде прекрасной женщины с гигантскими бедрами и грудями. Рангом ниже, согласно этой классификации, расположились зооморфные стихии природы и бог, изготавливавший отвар лишайников, со своей свитой. Клыкастое чудовище стало олицетворять собой первозданные силы жизнеутверждения и существовало в антагонистической борьбе с Духом Угасания, воплощенным в худом бледном юноше с тонкими чертами лица.

Ен Мухолов вплотную приблизился к проблеме сотворения мира, но из-за холмов пришел Клк Рыжий и, как обычно, вырезал мужчин, изнасиловал женщин и сжег все постройки, а вместе с ним сгорели и статуи. Те, что чудом избежали огня захватчиков, были сожжены уцелевшими жителями, потому что оказались бессильными против Клка Рыжего и его божеств. Они были гораздо сильнее, эти новые боги, и вызывали восхищение и трепет перед собой у тех, кто остался здесь жить. Боги требовали человеческих жертвоприношений, а в их честь воины Клка играли головой моего брата – «стихийного политеиста» – в свою непонятную игру. Говорили, будто сам Клк вообще поклоняется какому-то дереву, и орошает его кровью детей. Перед своей малоэстетичной смертью Ен Мухолов успел заверить собравшуюся публику, что наши боги вернуться и покарают нас за то, что мы предали и забыли их.

Раньше слова «метафизика», «монотеизм» и «антропный принцип» были для меня пустыми звуками, которым я не придавал значения. По-настоящему я верил только в бога отваров лишайников из-за того, что самые красивые девушки на его празднике теряли свою недоступность.

Теперь я хотел, чтобы он возвратился. Я должен был выяснить, почему он так легко дал себя победить и обратился в прах. Неужели страшные боже-ства Клка Рыжего – самые могущественные из всех или, быть может, правы были те самые семиты-скотоводы, о которых упоминал Ен. Я снова ушел из деревни и долгое время скитался по лесам.

И вот однажды утром, измученный голодом и подсознательными страхами, я проснулся от покалываний в боку. Передо мной стоял обросший волосами старик в лохмотьях, который тыкал в меня своим посохом. Он сказал мне, что я могу спросить его, о чем хочу. И я спросил, неужели основным мотивом поведения людей является стремление физически и интеллектуально унижать мужчин, и насилловать их женщин.

– Это ты сказал, не я, – ответил он.

– А что скажешь ты?

– А мне добавить нечего. Кстати, ты не употреблял в пищу вот это? – И он показал мне грибы, которыми я иногда питался, блуждая в чащобах. – Конечно, я понимаю, тебе не хватает белков животного происхождения, но больше не ешь их, мальчик, если не хочешь заболеть и совсем потерять ум. Я вижу, ты просто потерялся в лесу. Думаю, тебе следует отправиться к большому скоплению воды далеко на юге. Там замечательный климат и очень красиво. Может, станешь хорошим рыбаком и перестанешь слышать голоса. Заведешь детей, будешь жить, как все. Разве ты не об этом мечтал?

– Откуда ты знаешь? – выдохнул я.

– Все об этом мечтают. Знаешь, вчера я встретился с Богом...

– Ты видел Бога?!

– С тех пор, как в меня ударила шаровая молния, я вижу его каждый день.

– А на что он похож?

– На меня, – усмехнулся старик в лохмотьях. – Учитывая то, в каких условиях ты воспитывался, я не стану поучать тебя, что перебивать старших – невежливо. Так вот, знаешь, что Он сказал мне?

– Прошу прощения, – что?

– Он сказал, что его нету.

И старик удалился вместе со своим беззубым смехом, оставив меня одного сидеть под деревом в ожидании какой-нибудь новой мысли, но даже голоса не решились прояснить смысл сказанного, и стыдливо промолчали об этом.

Об авторе

Родился в 1979 году в Москве. Закончил геофак МПГУ им. Ленина. Выступает клавишником в составе группы «Макулатура».

Финалист премии Дебют-2004 в номинации «малая проза», шорт-лист премии Казакова-2006. Участник 8-го Форума молодых писателей в Липках в качестве «драматурга». Член Союза писателей Москвы. Постоянный автор журнала «Октябрь». Неоднократно публиковался в «Независимой газете», а также в журналах «Всемирный следопыт», «Машины и механизмы», «Плейбой».

Сергей Лысков

Самый богатый человек на Марсе

- Господин Гуров, – ознакомившись с электронным паспортом, начал майор таможенных служб Марса, – Какова цель вашего визита на Марс?
- Постоянное место жительства, – ответил Артем Гуров.
- Вы ознакомлены с нашими законами?
- Да сэр, весь перелет читал эту книгу, – ответил Артем.
- У вас есть багаж?
- Да сэр, – ответил вновь прибывший землянин, и указал на две огромные сумки.
- Что в них?
- Земля сэр, – открыв сумку, ответил Гуров Артем Владленович.
- Земля?! – удивился таможенник.
- Да сэр, она самая, – ответил Артем и тут же добавил. – Ностальгия по родине.

Марсианин даже вышел из служебного помещения. Ему не верилось, что в ручной клади действительно обыкновенная земля. Подойдя ближе, он наклонился и пристально стал рассматривать содержимое сумки. Потом он пропустил ее через анализатор, и когда машина сделала вывод, что там действительно земля, майор таможенных служб неторопливо застегнул сумку и, не сказав ни слова, поставил разрешения на постоянное место жительства вновь прибывшему землянину.

Гуров Артем Владленович – обычный русский иммигрант, которому по тем или иным причинам оказалась мала голубая планета и он отправился искать счастье на Марсе. Земная колония на красной планете за сорок с небольшим лет после первого переселения расширилась до размеров небольшого государства. Люди научились жить в суровых условиях пустынной поверхности Марса, мирясь с постоянными перепадами температуры, вечной нехваткой кислорода и еды.

Нью-Атланто стал колыбелью марсианской цивилизации, венец научно технического прогресса землян. Впрочем, уже через десять лет жизни на этой планете, первые переселенцы объявили о своей независимости, введя строгие критерии к кандидатам на гражданство. Нью-Атланто стал столицей новой страны, Атланто, первой и единственной на красной планете. Сам же город состоял из двухсот крытых сегментов соединенных туннелями. Нью-Атланто был полностью автономен и, мало того, он развивался, прирастая в год на десятка два новых сегментов. Ракеты с земли летали

регулярно, в недостатке рабочей силы не было проблем, всегда можно было найти вновь прибывшего землянина, готового работать за еду и ночлег. По сути, на Марсе все было так же, как и на Земле: существовали районы для рабочих и их семей и кварталы для управленцев и знати. Был свой парламент с кучкой политиканов и была небольшая оппозиция желающая прийти к власти. Человеческая иерархия угнездилась и здесь, в миллионах километрах от голубой планеты. Люди не изменились, даже перелетев на красную планету и назвав себя марсианами.

Гуров остановился в мотеле. И вечером, надежно спрятав свой багаж, он решил прогуляться по городу.

– Вы с Земли? – спросил подошедший к Артему марсианин.

– Да сегодня прилетел, – ответил он.

– Как там Америка? – сразу же спросил прохожий.

– Стоит, война закончилась, скоро будут выборы, – рассказывал Гуров.

Завороженный марсианин, не двигаясь, слушал Артема Владленовича. Слушал так, словно речь шла о чем-то теплом и родном для него. Сразу же становилось понятным, что не одна политическая машина не могла убить любовь к родине, а у каждого из здесь живущих она была на Земле. Но при этом, только гражданам Атланта разрешалось носить красную или синюю одежду. Характерный знак отличия, подчеркивающий наличие гражданства у обладателя такой одежды. Всем остальным после десятидневного проживания выделяли серую робу. Знак принадлежности к Земле. До этого момента они были туристами. И существенно выделялись среди красно-синей толпы марсиан.

Несмотря на все эти унижения, поток желающих остаться на Марсе не истекал. Все мечтали о золоте и драгоценных камнях, которых на этой планете было в избытке. Желание разбогатеть побеждало все благородные качества человека, превращая людей в золотоискателей. И этим пользовались коренные жители Марса. Налог на добычу благородного металла был семьдесят пять процентов, все остальное можно было увести с собой на землю. Честно сказать, двадцать пять процентов по земным меркам были огромной сумой, ради которой можно и потерпеть унижения.

– Простите, что перебиваю, но я рискую опоздать на вечерние дебаты, – спустя пол часа разговора неожиданно перебил собеседника марсианин. – А вы к кому-то лично приехали или как ведомый романтикой великого переселения?

– Второе, – скупое ответил Гуров, – А не подскажете, где тут рынок.

– Если второе, то вам будет трудно, – подметил марсианин.

– Я так не думаю, – оборвал его Артем, – Так где, все-таки, рынок?

– А это по зеленому коридору до восьмого сектора, – ответил марсианин и, не прощаясь, удалился.

– Спасибо... – повисло в воздухе.

Через полчаса поисков Артем Владленович Гуров нашел нужное место и, встав за свободный прилавок, поставил перед собой табличку «Покупаю синие бутылки за 1 марсианский доллар». Коренные жители были поражены таким глупым с точки зрения бизнеса предложением. Покупать стеклянные бутылки за бешеные деньги. На один доллар можно было купить

2 или 3 бутылки, полные водой. Собралась целая толпа зевак. Марсиане не спешили продавать пустую стеклотару, им было интересно посмотреть на этого чудика с Земли.

— Реально доллар за пустую бутылку? — спросил один из зевак в красной одежде.

— Да сэр, — ответил Артем, — Но непременно синюю.

Допив воду, марсианин протянул пустую бутылку продавцу и удивленный получил доллар взамен. И тут же толпа ринулась продавать пустую стеклотару.

Этот инцидент был темой для разговоров весь оставшийся день. Нью-Атланта никогда до сели не видывал такого чудака. Но самое забавное случилось на следующий день. Господин Гуров продолжил свой бизнес, уверенно и методично выкупая все синие бутылки на этой красной планете.

Это самое повторилось и на следующий день. В течение двух недель марсиане продавали ему стеклотару. Возникли даже перекупщики, которые перешерстили все самые дальние уголки Нью-Атланта в поисках синих бутылок. И в один прекрасный день через две недели землянин выкупил последнюю бутылку на этой планете. В тот же день привычная табличка с надписью «Покупаю» сменилась на загадочное «Продаю!»

— Простите меня, землянин, — подошел к Артему пожилой старик в темно-синей одежде, — Это вы покупаете синие бутылки?

— Уже нет сэр, — ответил Артем, — Теперь я их продаю по 10 долларов за штуку.

— Вы в своем уме, землянин? — возмутился пожилой человек, и вокруг чудака тут же собралась толпа зевак.

— Он закупорил их пробкой и намерен продать за 10 долларов, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Они на Земле, все таки, идиоты! — тут же подметил кто-то из марсиан.

— А вы послушайте, что он написал «10 марсианских долларов за синюю бутылку Брэдбери» — прочитал табличку один из зевак.

— Этот чудик назвал бутылки в свою честь, — съязвил кто-то, и в толпе раздался громкий смех.

Вся красно-синяя толпа с издевкой смеялась над землянином. Не смеялись только Артем и пожилой марсианин. Дрожащей рукой он взял одну из бутылок и, покрутив ее в руках, произнес.

— Вы действительно читали Брэдбери или это просто совпадение?

— А как вы думаете, стал бы я лететь за миллионы километров на эту планету, чтобы работать за еду и воду, в надежде когда-нибудь к старости получить гражданство этой планеты?

— Мне это не интересно, землянин, но я читал Брэдбери, и у него в бутылки было то, о чем мечтаешь, а что у тебя?

— Нечто похожее, — ответил Артем, и толпа затихла, — Нужно лишь открыть пробку.

Марсианин уверенно открыл пробку, преисполненный верой, что вот-вот осрамит наглого землянина, и вдохнул содержимое. Его глаза тут же закрылись. А когда он открыл их вновь из них покатились слезы радости.

– Так пахнет штат Флорида, южная окраина Хомстеда, так пахнет газон возле моего дома. Люди, – повернувшись к зевакам прошептал старик, – Возьмите, понюхайте!

И бутылка пошла по рукам, а из толпы слышались довольные голоса «Нет, это Техас!», «Да какой Техас, это Франция, Праванс, так пахли мои виноградники», «Какая Франция, это Урал», «Это Испания», «Это Китай», «Африка», «Куба». Каждый вспоминал запах своего дома в содержимом синей бутылки.

И уже через час с небольшим у Артема раскупили всю партию, до единой бутылки. Все тысяча двести шестьдесят шесть синих бутылок с горсткой земли на дне каждой из них. Обычной земли с далекой голубой планеты, за миллионы километров от Марса. И уже никто не смел называть землянина чудиком. За час с небольшим он стал самым богатым человеком в Нью-Атланта, первом городе Марса.

Об авторе

Родился: 17 сентября 1982 года. Образование: высшее гуманитарное (психолог), высшее медицинское (медицинский психолог). Работает по профессии. Seriously увлекается литературой с 16 лет. Преимущественно малая проза, есть успехи в поэзии, и драматургии. Печатался в журнале «Шалтай болтай» № 4 за 2010 г. и в газетах КЧР (разделы рассказы).